

О. С. Желудков — К. Любарский • ХРИСТИАНСТВО И АТЕИЗМ

О. С. ЖЕЛУДКОВ

ХРИСТИАНСТВО И АТЕИЗМ

К. ЛЮБАРСКИЙ

Свящ. С. Желудков - К. А. Любарский

ХРИСТИАНСТВО И АТЕИЗМ

Брюссель 1982

ПЕРЕПИСКА О. С. ЖЕЛУДКОВА С К. А. ЛЮБАРСКИМ

Эта книга вышла впервые
в богословско-философском журнале
ЛОГОС /№№ 37—40/ 1982 г.
изд. «Жизнь с Богом», Брюссель.
В ней сохранены введение, приме-
чания и приложение редакции
журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции журнала «Логос»	1*
Как родилась эта книга	5
Свящ. С. А. Желудков. Церковь доброй воли или христианство для всех	9
Приложение к реферату: кому посвящен реферат	21
Об авторе реферата	22
Свящ. С. А. Желудков — К. А. Любарскому, 20. 7. 1974	23
К. А. Любарский — свящ. С. А. Желудкову, 10. 7. 1974	24
Свящ. С. А. Желудков — К. А. Любарскому. Серия писем:	
30. 7. 1974	35
31. 7. 1974	35
1. 8. 1974	37
2. 8. 1974	39
3. 8. 1974	41
6. 8. 1974	43
8. 8. 1974	46
10. 8. 1974	47
12. 8. 1974	49
15. 8. 1974	51
15. 8. 1974	51
19. 8. 1974	53
10. 9. 1974	54
Корреспондент З. — свящ. С. А. Желудкову, 27. 9. 1974	56
Свящ. С. А. Желудков — корреспонденту З., 16.10. 1974	64
К. А. Любарский — свящ. С. А. Желудкову, 13. 9. 1974	66
К. А. Любарский—свящ. С. А. Желудкову (из письма жене) 29. 9. 1974	77
К. А. Любарский — свящ. С. А. Желудкову (из письма жене) 6. 10. 1974	82
Корреспондент Б. — свящ. С. А. Желудкову, 25. 9. 1974	85
Корреспондент Б. — свящ. С. А. Желудкову, 4. 11. 1974	88
Свящ. С. А. Желудков — корреспонденту Б., 14. 11. 1974	90
Корреспондентка И. — свящ. С. А. Желудкову, 11. 1974	92
Свящ. С. А. Желудков — корреспондентке И., 10. 12. 1974	102
Свящ. С. А. Желудков — корреспонденту Д., 2. 12. 1974	105
Корреспондент Д. — свящ. С. А. Желудкову, 15. 12. 1974	108
Свящ. С. А. Желудков — корреспонденту Д. 22. 12. 1974	112
Г. С. Подъяпольский — К. А. Любарскому, 9. 12. 1974	114

Свящ. С. А. Желудков — К. А. Любарскому. Серия писем:	
11. 1. 1975	118
13. 1. 1975	120
15. 1. 1975	122
16. 1. 1975	124
18. 1. 1975	127
Корреспондентка Л. — свящ. С. А. Желудкову, 3. 1975	130
Свящ. С. А. Желудков — корреспондентке Л., 4. 1975	132
К. А. Любарский — свящ. С. А. Желудкову (из письма жене)	
4. 1975	136
Г. С. Подъяпольский — К. А. Любарскому, 9. 5. 1975	154
К. А. Любарский — Г. С. Подъяпольскому (из письма жене)	
2. 6. 1975	159
Г. С. Подъяпольский — К. А. Любарскому, 18. 6. 1975	165
К. А. Любарский — свящ. С. А. Желудкову (из письма жене)	
31. 10. 1975	167
Корреспондент З. — К. А. Любарскому	169
Корреспондент Д. — свящ. С. А. Желудкову, 12. 12. 1975	174
Корреспондентка М., — свящ. С. А. Желудкову	177
К. А. Любарский — свящ. С. А. Желудкову (из письма жене)	
6. 1. 1976	183
Г. С. Подъяпольский — К. А. Любарскому, 14. 2. 1976	189
<i>Приложение: Переписка Г. С. Подъяпольского и К. А. Любарского на темы религии и атеизма, 1973 г.</i>	
Г. С. Подъяпольский — К. А. Любарскому, 15. 7. 1973	190
К. А. Любарский — Г. С. Подъяпольскому (из письма жене)	
2.9. 1973	194
Г. С. Подъяпольский — К. А. Любарскому, 19. 10. 1973	197
К. А. Любарский — Г. С. Подъяпольскому (из письма жене)	
12. 1973	198
Вместо заключения	201
Примечания Д-ра П. Модесто	203
Письмо проф. Л. Моррена	218
И. Поснова. Экуменические перспективы	221

ОТ РЕДАКЦИИ

Когда стало известно, что в издательстве «Жизнь с Богом» печатается переписка о религии и атеизме о. Сергия Желудкова с Кронидом Аркадьевичем Любарским (см. Логос, 1979 г., № 35-36), раздалось несколько недовольных голосов среди благочестивых христиан: «Зачем печатать утверждения атеистов? Не лучше ли воспроизводить размышления Отцов Церкви? Если человек неспособен понять, что мир создан Творцом, он просто не восприимчив к духовному. Как есть люди музыкально неодаренные, так есть и ученые в религиозном отношении бездарные».

Подобные высказывания еще более убедили нас в актуальности темы «Христианство и атеизм». Нам показалось, что для верующих русских, готовящихся праздновать 1000-летие крещения Руси, этот вопрос должен стать во главу угла. Наше призвание — сделать доступным по мере сил «бесценный бисер Христа» (тропарь св. Владимиру) миллионам наших соотечественников, воспитанным в антирелигиозном духе. Имеем ли мы право сбрасывать со счетов «духовно-неодаренных» и даже судить о степени одаренности? Не кроется ли здесь неосознанная гордыня: мы, верующие, были способны познать Христа, а атеисту не дано. Вспомним молитву фарисея: «Боже мой, благодарю Тебя за то, что я не таков, как этот мытарь» (Лк 18. 11). Даже такие ведущие мыслители, как Влад. Соловьев, Н. Бердяев, о. С. Булгаков, С. Франк, получившие религиозное воспитание, пережили период неверия. Люди в разном возрасте приходят к Богу, и, может быть, именно наша миссия — помочь неверующим, с которыми мы встречаемся на жизненном пути, познать Бога живого.

Е. Дохерти-Кюльшкина пишет в книге *Evangile sans transiger* (Paris, Cerf, 1981) о самом глубоком впечатлении, которое она вынесла, путешествуя по разным континентам: *«Жажда Бога достигла апогея у наших современников, но христиане не умеют утолять эту жажду. Если атеизм распространился в мире, если большая часть человечества еще не услышала благой вести о Христе или, услышав, не приняла, виновны в этом главным образом мы, христиане, потому что не претворяем Евангелие в жизнь... Получив Любовь, христиане должны давать любовь».*

«Есть лучи света Божия, которые могут достичь людей только через наше посредство», — говорил кардинал Фельтен, комментируя слова Христа: «Да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца Небесного» (Мф 5. 16). «Бог хочет, чтобы никто из людей не погиб» (Ин 3. 16), но «чтобы все люди спаслись и в разум истины пришли» (1 Тим 2. 4). Христос «пришел низвести огонь на землю и томится желанием, чтобы он разгорелся» (Лк 12. 49). Этот огонь будет проникать в души неверующих, если мы будем сами гореть им и проявлять уважение и любовь в наших отношениях с ними.

Переписка К. А. Любарского и о. Сергия оказалась им самим «ценной как человеческий документ, как иллюстрация наших духовных поисков». Мы исполняем их желание напечатать эту переписку как одно из свидетельств свободного мышления в сегодняшней России: мышления христиан, ищущих новых ответов на новые, поставленные им временем, вопросы, мышления атеистов, отмежевавшихся от официального атеизма и стремящихся обосновать свое мировоззрение.

Инициатива переписки принадлежит о. Сергию, пожелавшему поддержать своего соратника по правозащитному движению — находившегося в заключении с 1972 по 1977 гг., — объясняя ему, что он «анонимный христианин», «сам того не ведая, любящий Христа, ибо его сердце открыто для сострадания и любви и он готов пожертвовать счастьем и жизнью за братьев». К. А. Любарский не считал возможным назвать себя «анонимным христианином», полагая — не без основания — что это выражение не всеми будет правильно понято, но оценил внимание и сердечность о. Сергия и перепиской заинтересовался. «Неукротимой энергией о. Сергия, — пишет он, — в дискуссию были вовлечены и другие верующие», а «из атеистов, кроме меня, в дискуссии принял участие лишь Г. С. Подъяпольский, скоропостижно скончавшийся в 1976 г.»

Когда, после прочтения переписки, мы указали Крониду Аркадьевичу, что в ней содержатся разные неточности, легко объяснимые недостатком информации по религиозным вопросам в Сов. Союзе, он, не колеблясь, согласился на дополнительные примечания информационного характера. Чтобы не нарушать целостности переписки, решено было напечатать примечания в приложении, отметив в тексте звездочкой слова или фразы переписки, к которым они относятся. Вторая часть приложения посвящена экуменическим проблемам: К. А. отказался отвечать на них о. Сергию, плохо представляя себе глубинную сущность христианства» и не желая предлагать «высказывания плохо осведомленного дилетанта».

Когда мы сообщили противникам издания переписки, что в прило-

жении будут даны краткие примечания, освещающие ошибочные утверждения, последовали возражения такого рода: *на примечания многие читатели не обращают внимания: сухие уточнения недостаточны убедительны. Мир атеиста представлен радостным и заманчивым, тогда как для верующих он гораздо более радостен, ибо познать Бога — вечная радость. Радость же творчества или научного исследования — не в том, что ими занимается атеист, она в той же мере присуща верующему. Атеистическая западная философия нашего времени говорит о «тошноте», об «абсурде», о засасывающей пустоте жизни. В России тщетные поиски смысла жизни порождают иногда у атеистов неизбежную тоску, доводящую почти до сумасшествия. Это ярко выступает, например, в свидетельствах бывших атеистов в книге о. Дудко «О нашем уповании». О радости атеиста следует говорить в субъективном плане без всяких обобщений. Основные вопросы, затронутые в переписке, нельзя оставить хотя бы без ориентировочных указаний. Ответы верующих не всегда удовлетворительны. Вы берете на себя большую ответственность, издавая переписку в таком виде.*

Однако наша цель не в том, чтобы ответить на все подкятые в переписке вопросы. Мы хотели стимулировать самих верующих углублять их, чтобы уметь ответить вопрошающим о нашем уповании (ср. 1 Петр 3. 15). Ведь христианам Бог поручил нести повсюду благовест и — по крайней мере у некоторых — чувство ответственности за ознакомление атеистов с христианством должно перевешивать... Быть может, чтение этих писем пробудит у верующих желание серьезнее отнестись к аргументам атеистического гуманизма, распространенного на нашей родине, и прилагать больше усилий к ознакомлению атеистов с учением Христа.

Конечно, на родине началось духовное возрождение, особенно среди молодежи, но, как писал Папе 1. X. 1978 г. о. Глеб Якунин: «Это возрождение немыслимо без братской помощи христианских Церквей». Юлия Вознесенская недавно рассказывала (интервью в Бюллетене «Религия и атеизм»), что в сибирском лагере, где она была заключена, «на 2000 женщин истинно верующих было не более двух десятков». Ей удалось сразу заинтересовать религиозными вопросами нескольких заключенных, но такого результата не всегда легко достигнуть: на Любарского, пробывшего несколько лет в заключении с верующими, столкновения с ними наложили «эмоциональное неприятие религии» на бывшее до тех пор «сугубо рациональное».

Как избежать подобного «диалога глухих»? В этом могут помочь свидетельства бывших агностиков: в приложении мы приводим письмо проф. Л. Моррена, описывающего, как его научные убеждения согласовались с верой в Бога. Живая вера легко находит отклик в душе людей.

Умение прислушиваться к другим тоже может способствовать преодолению разногласий. Французский писатель Эрнест Элло приводит нам наглядный пример: Петр и Павел стоят по обе стороны доски, выкрашенной в белый цвет с одной стороны и в черный — с другой. «Доска эта черная» — утверждает Петр. «Нет, она белая» — возражает Павел. Их взгляды несовместимы. Но стоит Павлу подойти к Петру и посмотреть, что тот видит, и он согласится, что с его стороны доска действительно черная. Тогда Петр тоже согласится стать на место Павла; он увидит, что со стороны Павла доска белая. Таким образом недоразумение будет устранено. Элло формулирует в заключение мудрое правило: *Если хотите показать другому то, чего он не видит, сначала посмотрите на то, что он видит, и скажите ему об этом.*

В жизни не все так просто, как в данном рассказе, но всегда полезно с вниманием и симпатией выслушать инакомыслящего; тогда могут найтись точки соприкосновения, способствующие дальнейшему взаимопониманию. Любарский утверждает, например, что человек — «демиург или со-демиург, орган самопознания мира. И это позиция законной гордости». Ему кажется, что страх Божий, покорность велениям Божиим унижают человеческое достоинство.

Мы согласны с тем, что «функция и радость познания мира и творчества принадлежат человеку», но убеждены в том, что свободное подчинение Богу нисколько не умаляет человеческое достоинство и творческий порыв. Сотворив человека, Бог поручил ему «владычествовать над миром» (Быт 1. 28), «славою и честью венчал его и поставил над делами рук Своих» (Псл 143. 3). Человек призван внести свой вклад в дело созидания мира, быть не просто сторожем музея, т. е. прекрасного творения Божия, а соучастником в завершении замысла Божия о мире. Слова Бергсона «Творец творит творцов» приобретают здесь свой подлинный смысл. Эти слова применимы не только к элите демиургов, создателей шедевров, но и к каждому человеку, который, исполняя замысел Божий о нем, может создать шедевр из самой скромной жизни своей молитвой и трудом, страданием и любовью. Итак, мы согласны, что человек — демиург; но он строит и созидает и во времени, и для вечности: «Дела его следуют за ним» (Откр 14. 13). Признать же, что человек вырос, как гриб, из саморазвивающейся материи и исчезнет бесследно, мы не можем. У него более высокое происхождение и назначение: «Мыслящий человек не может согласиться с тем, что он не был задуман, любящее сердце не может согласиться с тем, что оно не было сотворено любовью» (Мориак).

Другой пример. Любарский и Подъяпольский бросают верующим упрек: «Мы допускаем возможность ошибки с нашей стороны, почему же верующие не допускают? Спор получается неравный. Ведь все человеческие мнения могут оказаться ошибочными, только гордость мешает это признать».

Согласимся с тем, что человеку свойственно ошибаться, но в данном случае мы не признаем возможности ошибиться потому, что христианство для нас не человеческое учение, а истина, открытая Самим Богом. Наука не уполномочивает нас отрицать существование Абсолюта. Если Он открыл нам правду и смысл жизни, что может возразить ограниченный человеческий разум? Любарский нередко обращается к «лезвию Оккама». Принцип гласит: не следует без необходимости умножать сущности. Этим принципом К. А. оправдывает свое нежелание вводить в свое мировоззрение новую сущность — Бога. Но такое применение принципа Оккама является субъективным. Сам Оккам не согласился бы с ним: ведь он был монахом-францисканцем, и свою «бритву» изобрел именно для того, чтобы, утвердив существование Бога как Абсолюта, перестать бесплодно философствовать в поисках новых сущностей.

Человек не «мера всех вещей», как думали в древности, не владыка вселенной. Великий Ломоносов, чье имя украшает Московский Университет, был в то же время религиозным поэтом и обращался к ученым со словами:

*Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест близких мест...
Несведом твари вам конец,
Скажите ж: сколь велик Творец!*

Человек должен признать свою ограниченность: его конец, как и его происхождение, ему неведомы, ибо он появился в уже сотворенном мире и не может научно установить, что лежит за гранью смерти, существует ли нематериальный мир.

Атенсты иногда отождествляют научное мышление с материалистическим и говорят: «Ломоносов несомненно был великим ученым, но теория эволюции, позволяющая объяснить мир с материалистических позиций, была ему неизвестна».

Конечно, открытия в области эволюции расширили познание человека о происхождении его тела, но дух человеческий неподвластен законам биологического развития. Эволюцию не следует связывать с ложным принципом: *post hoc, ergo propter hoc* — после этого значит вследствие этого. Как утверждает известный палеонтолог проф. о. Э. Боне (Журнал *Etudes*, № 1, Париж, 1980), *антропологическая перспектива сильно изменилась с начала века. С одной стороны, биологическая непрерывность все больше подтверждается фактами, с другой — нисколько не отказываясь от последних выво-*

дов анатомии, физиологии, сравнительной психологии и аналогий между человеком и дочеловеческим приматом, — наука вновь открывает глубокую специфичность человека и нисколько не отказывается от масштаба того, что Тейяр назвал «человеческим феноменом». Вслед за ним Е. Фишер, Ис. Хаксли, Ж. Пивето, М. Шеллер, С. Уошберн и большинство исследователей в области физической, социальной и культурной антропологии или в области палеонтологии признают теперь, что с появлением человека новый вид жизни возник на земле. Говорится не просто о порядке отличия, а о новом царстве, совершенно самобытном, находящемся в строгой биологической последовательности и в то же время свидетельствующем о радикальном разрыве с предыдущими царствами.

О. Боне рассматривает последовательно пять уровней гоминизации и приводит семь эпитетов, в которых конденсируется, согласно Адлеру, специфика человека: *животное рассуждающее, технологическое, политическое, историческое, религиозное, этическое и эстетическое*. Он заключает, что мозговой Рубикон можно было установить только *post factum*, когда стало возможно наблюдать его в объективной реальности; момент же нематериального становления человека зарегистрировать с помощью материальных данных (как напр., увеличение мозга) невозможно.

Большинство выдающихся ученых последних веков были верующими. Это не доказывает правильности их взглядов, но свидетельствует о том, что религия и наука совместимы. Подытоживая историю конфликтов, возникавших между представителями веры и науки, известный современный физик Паскаль Йордан писал: *Возможность убедиться в наше время в провале великого похода человечества против Бога — вот самая потрясающая и освобождающая уверенность, предлагаемая нам опытом последних лет*.

А вот исповедание веры одного из величайших математиков прошлого века А. Л. Коши: *Я христианин; это значит, что я верю в Божество Иисуса Христа, как Тихо Браге, Коперник, Декарт, Ньютон, Ферма, Лейбниц, Паскаль, Гримальди, Эйлер, Гульдин, Жериль, как все великие астрономы и все великие математики прошлых веков*.

Приводим здесь в хронологическом порядке года их рождения список верующих ученых «периода становления современной науки», приобретших мировую известность*.

Коперник (1473-1543) — Основатель современной астрономии

Тарталия (1500-1557) — Решение уравнений 3-ей степени

Папа Григорий XIII (1502-1585) — установил новый календарь

Везаль (1514-1564) — Основатель современной анатомии

* Список составлен иеромонахом Р. Куртуа: см. его брошюру «Что говорят о Боге современные ученые?», изд. «Жизнь с Богом», стр. 4-7.

Евстафий Неаполитанский (1520-1574) — Анагом.
Андрей Сезальпин (1519-1603) — Биолог
Фаллоп из Модены (1523-1562) — Анатом (первое описание черепа)
Клавиус (иезуит) (1537-1612) — Математик и астроном
Фабрициус д'Аквапенденте (1537-1619) — Анатом. Откр. вальв в венах
Франциск Виет (1540-1603) — Основатель современной алгебры
Галилей (1564-1642) — Один из главных основателей современного
научного метода
Кеплер (1571-1630) — Основоположник современной астрономии. Ма-
тематик
Ван Хельмонд (1577-1644) — открыл желудочный сок
Мерсен (1588-1648) — Математик
Декарт (1596-1650) — Аналитическая геометрия.
Торричелли (1608-1647) — Изобретатель барометра, открытие атмо-
сферного давления
Гримальди (иезуит) — (1618-1663) — изучил преломление света
Аббат Жан Пикар (1620-1682) — Астроном и географ. Первое точное
измерение земли
Паскаль (1623-1662) — Изобретатель первой счетной машины, откры-
тие теории вероятности. Создатель гидростатики (гидравл. пресс)
Жан Кассини (1625-1712) — Астроном, основатель париж. обсерватор.
Маркелл Мальпиги (1628-1694) — Основатель сравнит. физиологии
Монсиньор Нильс Стенсен (1631-1687) — Основатель геологии
Ньютон (1643-1723) — Открытие закона всемирного тяготения.
Аббат Ноле (1700-1770) — Физик, открытие эндосмоса
Аббат Спалланцани (1729-1799) — Биолог
Карл Кулон (1736-1806) — Исследователь электричества и изобрета-
тель крутильных весов
Гальвани (1737-1798) — Открытие электрического тока (гальванизм)
Аббат Хауи (1743-1822) — Основатель кристаллографии
Лавуазье (1743-1794) — Основатель современной химии
Вольт (1745-1827) — Первая электрическая батарея
Ламарк (1749-1829) — Биолог, основатель теории трансформизма
Био (1774-1862) — Изыскания о поляризации света
Ампер (1775-1836) — Пионер электромагнетизма и электродинамики
Карл Гаус (1777-1825) — Выдающийся математик
Людвик Тенар (1777-1857) — Открытие перекиси водорода
Ганс Эрстедт (1777-1851) — Открытие электромагнетизма, термоэлек-
трических батарей и т. д.
Августин Коши (1778-1857) — Один из великих математиков XIX века

Рене Лайнек (1781-1826) — Изобретатель светоскопа, открыл большинство легочных заболеваний

Августин Френель (1788-1827) — Исследования света, изобретатель маяков с чечевичными линзами

Карл фон Бер (1792-1876) — Пионер современной эмбриологии

Жан Дюма (1800-1884) — Химик. Определил атомный вес большинства простых элементов

Иоганн Мюллер (1801-1858) — Один из главных защитников витализма в биологии

Юстус фон Либиг (1803-1873) — Основатель органической химии

Федор Шванн (1810-1882) — Основатель гистологии. Невролог

Реньо (1810-1878) — Физик. Один из изобретателей кинематографа

Урбан Леверье (1811-1877) — Открыл Нептун

Клод Бернар (1813-1878) — Физиолог

Роберт Майер (1814-1878) — Один из создателей термодинамики

Анджело Секки (иезуит) (1818-1878) — Астроном. Исследование химического состава солнца

Ипполит Физо (1819-1896) — Исследование распространения и скорости света

Жан Фуко (1819-1868) — Изобретатель гироскопа

Людовик Пастер (1822-1895) — Основатель бактериологии

Григорий Мендель (монах) (1822-1884) — Основные опыты о законах наследственности

Фердинанд фон Цеппелин (1838-1917) — Изобретатель дирижабля с жесткой оболочкой

Вильгельм Рентген (1845-1923) — Открыл рентгеновские лучи

Фома Эддисон (1847-1931) — Изобретатель фонографа, электрической лампочки

Этот обзор не является исчерпывающим. К нему следует еще добавить имена самых знаменитых ученых нашего времени: физиков Н. Бора, М. Борна, ракетостроителя В. фон Брауна, астронома Д. Джинса, создателя квантовой механики М. Планка, психолога К. Юнга.

Заключим словами создателя теории относительности, «отца атомного века» А. Эйнштейна: *Чем больше наука делает открытий в физическом мире, тем более мы приходим к выводам, которые неуклонно направляют нас к вере.*

К. А. Любарский так объясняет факт существования верующих ученых: в лаборатории он ученый, а в жизни — верующий потому, что у каждого есть «свой миф». Но почему человек, размышляющий в лаборатории, перестает размышлять, покидая ее? «Эврика» Архимеда и «яблоко» Ньютона показывают, что ученый может мыслить и даже делать открытия без научной аппаратуры. Возьмем пример из современной жизни. Агностик профессор Л. Моррен унаследовал от своих предков «позитивистский склад ума». Он утверждает, что принадлежит «к категории ученых, которым человек представляется как мыслящий субъект, включенный в материальный мир. Вследствие этого, знания, приобретаемые человеком, должны так или иначе проходить через чувственный опыт; то же должно быть применимо и к миру духовному, этот мир должен быть осмыслен с помощью объективных фактов». Последовательное применение строго научного метода позволило проф. Моррену устранить все камни преткновения на своем пути к Богу. Значение свидетельства Моррена в том, что здесь выступает человек науки, в сознании которого отсутствует двойственность, характерная, по мнению Любарского, для верующего ученого: в процессе научного исследования он смотрит на действительность объективно, а вне его верует, как всякий простой смертный. Моррен является живым опровержением этого тезиса: он применил к «феномену христианства» тот же научный метод, каким он пользуется в своей лаборатории, стремясь объективно наблюдать факты, постигнуть их смысл, выводить отсюда научные положения, пребывая «в подчинении реальности». Знакомясь с христианством, он прежде всего тщательно изучил факты Лурдских исцелений; они открыли ему сферу, неподдающуюся научному объяснению. Изучая затем историю христианства, Моррен находил все новые «следы в истории», свидетельствующие о «потрясающем событии» прихода в мир Богочеловека. На протяжении веков в жизни святых сбывается дерзновенное пророчество Христа: *Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит* (Ин 14. 12). Пророчества и дела друг друга подтверждают, являются, как говорят ученые, конвергирующими знаками, «удостоверяют реальность высшей сферы, которой наука пренебрегает». Открыв ее, честный неверующий ученый уже не может умалчивать о ее существовании или прибегать к уловкам, чтобы ее объяснить. Он должен пересмотреть свои взгляды, — как пересмотрел их, напр., лауреат нобелевской премии доктор Каррель после поездки в Лурд, — и сделать соответствующий вывод.

Моррен нашел в истории христианства достаточно «конвергирующих знаков», связанных с историческим Христом и Его учением, чтобы признать в Нем Бога, пришедшего в мир. Конечно, заключает он, *понимание знака невозможно без способности восприни-*

мать: без подготовки в научной области, без благодати в области духовной. Но мы можем надеяться, что, если наше поведение не будет слишком противоречить нашим словам, мы сможем пробить брешь в крепости, заключающей стольких наших современников в замкнутом и абсурдном мире, помогая им понять, что Бог — Любовь есть альфа и омега мира и человека, источник жизненного порыва и цель всех устремлений.

Разум исполнил свое назначение: он открыл Моррену сферу трансцендентного, привел его к дверям веры. Открылись же эти двери с помощью благодати: Бог так уважает свободу человека, что не хочет принуждать его уверовать как бы с помощью математической очевидности. Бог есть любовь и ждет ответной любви от своего творения, а где нет свободы, какая может быть речь о любви? Поэтому Христос явился в образе человека, но не в гордом блеске и величии, не как судья, приходящий истребить одних и награждать других. Нет! Послышалось кроткое лобзание брата. Совершилось Его появление образом, только одному Богу свойственным, как прообразовали Его божественно пророки, получившие повеление от Бога... (Н. В. Гоголь, Размышления о Божественной Литургии). Атеисты надеются, что прогресс науки будет редуцировать пределы веры. Однако в наш век процент верующих среди представителей точных наук значительно возрос. За объяснением можно обратиться даже к антирелигиозному журналу *Наука и религия* (март 1960). В этом номере некий «искатель истины» Иванов задает редакции вопрос: *Или сила, заключенная в атоме, не говорит о какой-то сверхмудрой организации вселенной? ... Называйте сущность эту «материей», «духом», «субстанцией» или «силами», называйте эти проявления «атрибутами» или еще как-нибудь по-другому, называйте природу и ее законы, которым она подчиняется, Богом или Высшей силой или никак не называйте — факт соподчиненности всех этих «сил», взаимодействия их между собой, гармонии, существующей во вселенной, какого-то мудрого, а вовсе не случайного, слепого руководства всеми силами, становится все очевиднее по мере того, как человек проникает в тайны природы...*

От имени редакции отвечает Л. Аннинский. Как это ни удивительно, он признает, что Иванов точно уловил, что чувствуют в душах своих те миллионы Ивановых, от имени которых вы решили высказаться. Всем этим миллионам Ивановых, ищущим истину, он старается внушить, что не надо выдумывать Бога, когда есть человек-господин, когда есть природа... Ответ нельзя назвать убедительным, но важно признание автора, что для миллионов Ивановых вопрос о не случайном и не слепом руководстве силами мира ставится именно с прогрессом науки. Несмотря на это, предрассудок о несовместимости науки и веры еще очень распространен в массах. Здесь

широкое поле для религиозно-просветительной деятельности среди неверующих.

Когда К. А. и его единомышленник обвиняют верующих в фанатизме, догматизме, шовинизме и т. д., можно согласиться, что в этом есть доля правды: христианское учение нам и дано, и задано: как семя, оно должно приносить плод. Апостолы постоянно наставляли первых христиан, как жить по-христиански, предостерегали их от возможных уклонов и опасностей. Не меньше, чем они, мы нуждаемся в таких наставлениях. В России миллионы христиан остались не только как овцы без пастыря, но вот уже четвертому поколению внедряется безбожие во всех учебных заведениях с помощью всех средств современной техники. Героическое сопротивление верующих не всегда сочетается с кротостью и широтой взглядов: в инакомыслящих легко видеть не ближнего, а потенциального врага... У сохранивших веру не было возможности углублять религиозные знания, научиться отличать главное от второстепенного. Верующий-самоучка может быть дилетантом, любящим чтение Евангелия, иконы и церковное пение, но не считающим себя обязанным исполнять все заповеди Божии, или смешивающим религиозные представления с националистическими. Наряду с этим есть верующие, которых испытания облагородили, очистили от эгоистических стремлений, для которых христианство является драгоценной жемчужиной, ради приобретения которой стоит всем пожертвовать. Их душа широко открыта ближним. Одним из них является и о. Сергей. Он продолжает древнюю традицию христианских апологетов, называя христианами людей, жертвенно служащих правде.

Что касается обвинения верующих в шовинизме, то он иногда является результатом религиозных и патриотических стремлений. Но это отнюдь не является нормой для христиан, хотя любовь к родине присуща человеку. Сам Христос скорбел, провидя участь Иерусалима, несмотря на то, что Он Сам говорил: *Я послан только к погибшим овцам дома Израилева* (Мф 15. 24), поток благодати переливался из любвеобильного сердца Спасителя и на сихемских самарян, и на римского сотника и на сиропфиникиянку; после же воскресения Он посылает Своих учеников ко всем народам. Христианин также может горячо любить свою родину и вместе с тем ощущать вселенское братство всех людей во Христе. Согласно Достоевскому, быть русским значит быть братом всех людей. И. А. Ильин понимал патриотизм как созерцание замысла Божия о своей родине, и это созерцание вызывало у него восторг и благодарность за дары, данные ей Богом, вызывало и страдание о том, что народ не был на высоте этих даров. И в то же время он говорил, что все чистое, глубокое, благородное и прекрасное, существовавшее когда-либо на земле или

дошедшее до нас, ощущается нами, христианами, как близкое, как действительно великое и ценное, как навеянное Духом Божиим, Который не открылся еще человеческому сознанию, но таинственно проник в сердца людей.

К. А. выразил сожаление о том, что о. Сергей не ответил ему на вопрос: Почему Христос построил Церковь Свою на изменившем Ему апостоле? Чтобы судить о ком-нибудь, следует принять во внимание не один час его жизни, а охватить взором всю его жизнь, особенно конец. Петр был одним из тех, кто все оставил, чтобы последовать за Христом. По внушению свыше он первый исповедал Его Сыном Божиим (Мф 16. 17). На Тайной Вечере он выразил готовность идти на смерть за Христа и вынул меч из ножен, чтобы защищать Учителя, когда вооруженный отряд проник в Гефсиманский сад. В ту же ночь, после своего отречения, он *плакал горько*, и вся его жизнь, завершившаяся мученической кончиной, была отдана Христу, Которого он «любил больше других» (Ин 21. 15), и доверенной ему пастве. Христос Сам предсказал Петру его отречение и следовавшее за ним обращение. Быть может, избрав Петра первоверховным апостолом, Он хотел внедрить в его сознание на всю жизнь, что порученную ему миссию апостол может исполнить только в тесном единении с Ним. «Я лоза, а вы ветви. Пребудьте во Мне и Я в вас». Не будьте самонадеяны, ибо «без Меня не можете делать ничего» — так поучал Христос апостолов на Тайной Вечере (Ин 15. 4-6).

Измена и прощение Петра подтверждает еще другую истину духовного порядка: благодать Божия не только укрепляет праведников, но возрождает грешников, ибо *сила Божия в немощи совершается*, когда человек признает свою немощь и полностью полагается на Бога. Мы не рискнули бы поручить свое дело человеку, однажды предавшему нас, но «Мои мысли не ваши мысли» — говорит Господь.

В сборнике стихотворений с инициалами Д. Д., ходившем по Москве в 60-ые годы, одно стихотворение озаглавлено: *Бог не в громах*. В нем говорится, что *Не страх создал Богов, Бог приходит неприметно*, узнают Его, «*когда Он из падших душ творит людей. Кто б мог?*» — Никто, кроме Него. Какие просторы это открывает людям, удрученным своим падением, своими грехами, но искренне ищущим Бога: один из первоверховных апостолов был изменником, другой — гонителем христиан. Бог прощает не так, как мы прощаем: Он воссоздает, преображая. Так становятся понятны слова св. Августина: «О счастливая вина (Адама), заслужившая нам такого Искупителя». Бог не повторяет Свой замысел, нарушенный людьми, Он творит нечто более прекрасное.

Приняв во внимание вопросы, «поставленные Павлом Петру», согласно терминологии Элло, пригласим теперь Павла «посмотреть на то, что видит Петр», и объясним ему, что для нас главное — встреча души с Богом живым, со Христом. Наша первая обязанность по отношению к атеистам — знакомить их с документальными данными об историчности Христа, которую ни один серьезный ученый не ставит под сомнение в наши дни. Только там, где нет свободы печати, первое, что узнают о Христе учащиеся: «Его никогда не было». Отзвук этой педагогики слышится в последнем письме (6 - I - 1976 г.) К. А. к о. Сергию: *«Я не собираюсь сейчас пускаться в запутанный спор об историчности Христа.»*

В подцензурных условиях о. Сергий не имел возможности распространяться об этом вопросе. Для нашего же диалога с атеистами — это насущная необходимость. *Когда от имени науки говорят, что Иисус Назарянин — вымышленный образ, то тем самым стремятся разрушить все здание Церкви, — пишет о. А. Мень. Следовательно, перед нами наиболее серьезная из всех атак на христианство, которые проводились под флагом исторического знания. Но именно потому, что вопрос касается конкретных фактов, его следует разбирать, оставаясь только на почве науки. Можно верить или не верить, что Бог открылся миру во Христе — тут археология и письменные памятники ничего не решают, — историческая же реальность Иисуса Христа — предмет, вполне доступный научному изучению («Сын Человеческий, Приложение № 1 «Миф или действительность?», 3-е изд., Брюссель, 1982*) является в наши дни наилучшим пособием на русском языке для ознакомления с личностью*

* См. также Карл Адам, *Иисус Христос*, Брюссель, 1961; готовится русское издание книги Романо Гуардини *Господь*. Среди лучших книг о Христе на иностранных языках укажем на труды С. Н. Dodd (англ.), X. Léon-Dufour (франц.), G. Ricciotti и V. Messori (итал.). Мессори уверовал в Христа после 12-летнего изучения современной документации о Христе с помощью самых компетентных археологов, экзегетов и историков. Его книга *Гипотезы о Иисусе* (1976) переведена на 13 языков (изд. миллион экземпляров) и получила международное признание. Можно даже рекомендовать труд нехристианина — проф. Иерусалимского Университета — Клаузера; реальность исторического существования Христа для него неоспорима.

В нашем издательстве есть еще несколько сот экземпляров специального номера журнала «Жизнь с Богом», составленного недавно почившим о. Хризостомом Блашкевичем. В память о нем мы готовы послать этот номер бесплатно всем, желающим ознакомиться с ним неверующих (с просьбой приложить международный купон на почтовые расходы и этикетку со своим адресом).

Христа. Тысячам читателей она оказала неоценимую помощь при изучении Евангелия, помогла осознать, что Христос — их Бог и Спаситель.

При изучении земной жизни Христа неизбежно возникает перед нами тайна Его личности. Вот как ее описывает проф. Карл Адам: *Однажды, в историческое время, был человек, совершенно здоровый физически и духовно, наделенный необычайно трезвым взглядом на все явления бытия, от самых великих до самых малых, и обладавший необычайно пронизательным умом, — человек, который, как никто другой на земле, был чужд эгоизма и самоотвержен, всю свою жизнь отдавая служению бедным и обремененным, — и этот здоровый, трезвый духом, самоотверженный человек с самого начала и всю свою жизнь сознавал себя единственным возлюбленным Сыном Отца, тем, кто знает Отца так, как не знает Его больше никто.*

И еще более того: однажды, во времена, доступные историческому знанию, существовал человек, который как сын иудейского народа признавал только единого Бога неба и земли, единого Отца небесного, и до глубины души благоговел перед этим небесным Отцом, человек, хлебом которого была именно воля этого Отца, только эту волю искавший и любивший, начиная с самой ранней юности во все свои как счастливые, так и тяжелые дни, превративший всю свою жизнь в молитву, — человек, до такой степени всем своим существом соединенный с этой Божественной волей, что ее всемогущей силой он исцелял больных и воскрешал мертвых, — человек, который всю свою жизнь отдавался этой воле с такой внутренней силой и исключительностью, что не отклонился от нее никогда; он никогда не омрачился ни малейшим сознанием греха, никогда не произнес ни одного слова раскаяния или просьбы о прощении, даже в смертный час просил прощения не себе, а только другим, и из глубины своего единения говорил с Богом, обращаясь к измученным людям: «Прощаются тебе грехи твои». И этот без остатка отдавшийся Богу, перед Богом благоговевший, в Бога погруженный святой человек, говорит всю свою жизнь, как нечто вполне естественное, что он — Судия нашего мира, страждущий служитель Божий и даже едиnorodный и единосущный Сын Божий: «Я и Отец — одно».

Пройти мимо Иисуса мы не можем. Он — возможное для Бога. И мы ясно видим, что если такая возможность вообще существует, если возможно явление Бога в Его Сыне на земле, то единст-

венное место, подобающее такому Божоявлению, можно найти в человечности Иисуса. Ибо нигде, как в ней, не сияет так чисто и незатемненно то, что присуще Богу: Божии слава и всемогущество, святость и праведность, милосердие и благодать. Сверхприродное, божественное светит в жизни Иисуса в такой полноте, с такой неиссякающей жизненностью и с такой убедительной ясностью, что надо быть слепым и принципиально не признавать возможности исторического познания, чтобы это отрицать.

Как и проф. Моррен, утверждающий, что понимание знака невозможно без способности воспринимать: без подготовки в научной области, без благодати в области духовной, — К. Адам предупреждает, что необходим правильный подход к тайне Христа. Нельзя относиться ко Христу как к подсудимому, с высоты псевдонаучного пьедестала. *Возможен только один путь познания: от неба к земле, а не от земли к небу. Так как Бог один только знает о Своем Божестве, о бесконечном богатстве Своей внутренней жизни, о «тайне от века сокрытой в Боге» (Еф 3.9), и так как от Него одного, от Его свободно даруемой благодати зависит, можем ли мы и насколько можем знать об этом божественном, — это знание... возможно только путем благодатного самооткровения со стороны Бога и благодатно данной веры со стороны человека. (...) Отсюда ясно, насколько ложна претензия «критического» исследования (...), т.е. от земли и данного на ней, «окончательно» раскрыть божественную тайну Христа и Его искупительного дела... Критический бурав переламывается как раз там, где настоящий вопрос только поднимается, — вопрос о сверхприродном бытии и действии Христа. Критический метод, пригодный только для области опыта, всегда и неизменно остается по сю сторону этой линии. Он как раз не может проникнуть туда, где находится царство сверхприродной действительности Бога и Его Христа.*

*

* * *

В приложении к переписке о. Сергия с К. А. помещена *Переписка Г. С. Подъяпольского с К. А. Любарским на темы религии и атеизма*. В ней пространно обсуждается вера в «непорочное зачатие», а затем следуют рассуждения о вере «по природе, враждебной логике», «вере в абсурдное, требующей, чтобы человек 'ломал и смирял себя', заставляя себя верить в чудеса, чтобы доказать Богу полноту своей веры».

На богословском языке догмат о непорочном зачатии относится к рождению Девы Марии (см. прим. к стр. 191), тогда как Подъяпольский имеет в виду «бессеменное зачатие» Христа Девой Марией. Не-

зависимо от этого, вопрос залуживает ответа. С предельной ясностью его излагает С. Л. Франк в брошюре *Религия и наука* (Брюксель, 1953, стр. 10-11):

«Возьмем намеренно самое парадоксальное, 'противоречащее' не только науке, но и «здравому смыслу» учение — догмат христианской веры о непорочно рождении Иисуса Христа Девой Марией. Вы можете сколько угодно цинически улыбаться и высмеивать «бессмысленность» и «нелепость» этой веры; вы можете также добросовестно и серьезно сказать, что вы не в силах поверить этому — это ваше право. Но вы не имеете права сказать, что это учение противоречит научным данным биологии. Дело очень просто: если бы христианское учение утверждало, что Мария силою своей собственной природы, с помощью одних только женских функций и органов своего тела, без участия мужа, родила ребенка, то это ... действительно противоречило бы элементарным выводам и наблюдениям биологии.

Но ведь учение это утверждает совсем иное: оно утверждает, что на Марию сошел Святой Дух, что Само Божество сотворило Себе человеческое тело в ее чреве. (...) Религия не утверждает, что этот факт есть что-то обычное и естественное; она, напротив, утверждает, что это случилось лишь однажды, что это есть событие неслыханное и чудесное, выходящее из ряда всех естественных, обычных и постоянных явлений человеческой жизни. Но причём тут «данные биологии»? Биология учит о рождении организмов в порядке постоянных, природных его условий; но биология ничего не говорит о том, что случится, когда в дело вмешается само Божество, когда Святой Дух низойдет на избранное Им тело святой женщины. Она не утверждает, но и не отрицает ни самой возможности такого вмешательства Божества, ни тех или иных его последствий — просто потому что она есть биология, а не теология, учение о природных организмах и природных условиях их жизни, а не учение о сверхприродном Божестве, его силах и возможностях».

Автор переходит затем к рассмотрению основного 'противоречия' между религией и наукой, которое обычно усматривается в религиозной вере в чудеса, несовместимые с научной истиной о строгой закономерности всех явлений природы. Конечно, возможна религиозность и без веры в чудеса, и современный т. наз. «образованный» человек... часто ищет такой религии, очищенной от «суетверного» допущения чудес. Но нужно честно признать, что настоящая, горячая и глубокая вера всегда связана и с верой в чудеса. Ведь в сущности, всякая молитва — а какая же религиозность возможна без молитв — есть просьба к Божеству о его вмешательстве в жизнь, т. е., в конечном счете, мольба о чуде. Религиозный человек верует, что он находится под постоянным водительством Бога;

и если он усматривает волю Божию и в сцеплении явлений, обусловленных естественными причинами, то он не может отказаться и от мысли, что если Бог захочет, то Он всегда может и изменить естественный ход событий, т. е. сотворить чудо.

(...) Наука познает природу, как некую замкнутую систему сил и явлений; она совсем не утверждает, что природа действительно есть абсолютно замкнутая система, что вне ее нет никаких иных сил, которые могли бы в нее вторгаться; она только ограничивается познанием внутренних взаимоотношений в природе, так как только такое познание есть ее собственное дело, и потому она ровно ничего не говорит ни о возможности, ни о невозможности чудес.

Чтобы уяснить логическое соотношение, возьмем аналогичный пример из области соотношений между самими явлениями природы или их комплексами. Механика Галилея учит, что все тела, независимо от их удельного веса, падают на землю с одинаковой быстротой и ускорением; «противоречит» ли этому закону общеизвестный факт, что пушинка падает на землю гораздо медленнее, чем железная гиря, или что в воде дерево совсем не падает? «Нарушается» ли этот закон тем, что аэроплан вообще не падает, а способен подниматься вверх и лететь над землей? Очевидно нет. Ибо закон Галилея, подобно всем законам природы, содержит молчаливую оговорку: «При прочих равных условиях», или «если отвлечься от всяких посторонних влияний». (...) Методологически совершенно так же дело обстоит и с тем видоизменением хода явлений, которое имеет место при чуде, с той только разницей, что там дополнительной, изменяющей общий эффект силой является уже не другая сила природы, а сверхприродная сила. Если Христос, как передает Евангелие, ходил по воде, как по земле, то этот факт так же мало «нарушает» закон тяготения, как и факт полета аэроплана над землей, или плавания в воде тела более легкого, чем вода. Только в последних случаях действие закона тяготения, не будучи «нарушено», преодолевается силой мотора или сопротивлением воды, а в первом случае оно совершенно так же преодолевается силою божественной личности Христа. Если человек выздоравливает от смертельной болезни после горячей молитвы к Богу (своей или чужой), то это чудо так же мало «нарушает» установленное медициной естественное течение болезни, как мало его нарушает удачное оперативное вмешательство врача: только в последнем случае болезнь прекращается через механическое изменение ее условий, а в первом — через воздействие на эти условия высшей Божественной силы».

После рассуждений С. Л. Франка, показавшего, что никакая наука не в состоянии опровергнуть возможности чудес, приведем размышления проф. А. Дондейна на тему **чудо есть знамение Провидения Божия**.

В религиозной истории человечества чудо предстает как осязательный ответ Бога на веру человека, как видимое проявление Божественного Провидения в жизни святых. Расстояние, отделяющее чудо от обычных явлений природы, может быть более или менее велико. Некоторые из выздоровлений, рассматривающиеся как сверхъестественные, очень близки к тем исключительным случаям — вне всякого религиозного контекста, — объясняющимся влиянием психики на физическое состояние организма. В клиниках хорошо известно, что в какой-то момент — неизвестно как и почему — происходит резкий перелом в течение болезни. Что же касается воздействия психики на физиологию, в этой области наука продвигается пока еще ощупью.

Но есть и великие чудеса: умножение хлебов, почти моментальное восстановление большей части поврежденной ткани, усмирение бури, воскрешение мертвых.

Если бы подобные чудеса были только единичными, неповторяющимися явлениями, то они не имели бы доступного нашему пониманию значения. Понять — значит установить соотношение, открыть единство какого-то порядка. Понимание есть следствие двойной встречи: соотношения закономерно чередующихся явлений и восприятия этих явлений, их смысла и ценности человеческим умом.

Исследуем чудо под углом зрения этих предварительных замечаний. Чудо — явление необычное, но не изолированное. Несмотря на его исключительность и нерегулярность, оно подчиняется характерной для него одной закономерности. Смысл его в том, что в религиозной истории человечества оно является понятным людям ответом Бога на их веру или проявлением Божественного Промысла в жизни святых.

Всмотримся ближе в религиозный контекст, дающий возможность проявиться чудесам как огромной конструктивной совокупности. Уже одно существование Христа — грандиозное многозначительное целое; жизнь каждого святого, особенно жизнь Божией Матери, предстает как новое целое. Наконец, все эти совокупности, сочетаясь и дополняя друг друга, образуют целое — единственное явление исключительного значения.

Образ Христа в Евангелии встает перед нами как образ святого, Божьего человека, пришедшего в мир. Жизнь Христа, познаваемая через евангельское свидетельство, вся соткана из необыкновенных событий, кульминационным пунктом которых является воскресение. Христос пользуется чудом, как мы пользуемся жестом, чтобы под-

черкнуть свои слова. Его молитва перед Богом всеильна: *Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя (...). Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне; а если не так, то верьте Мне по самим делам (Ин 14. 10-11).*

Это чудесное существование Христа не является обособленным феноменом, как бы небесным явлением вне истории человечества, без связи с прошлым, без последствий для будущего. Если бы оно было таким, нашу веру во Христа было бы труднее обосновать, Евангелия были бы нам менее понятны, и чудеса, о которых они повествуют, не воспринимались бы нами так легко, как действительно совершившиеся. Если по истечении 20 веков многие продолжают верить в чудеса, совершенные Христом, то это потому, что такие чудеса продолжают совершаться на наших глазах: чудеса нашего времени освещают и подтверждают евангельские, а последние освещаются и подтверждаются современными чудесами. Действительно, самое великое из многочисленных чудес Христовых не должно было осуществиться при Его жизни: *Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит (Ин 14. 12). Идите, научите все народы (...)* и *се, Я с Вами во все дни до скончания века (Мф 28. 19-20)*. Вот самое замечательное чудо, включающее в себя все другие: Господь останется с апостольской общиной, которая во имя Его продолжит Его дело. Божественный Промысл, проявившийся в жизни Мессии, распространится также и на всех истинно верующих, на тех, кто будет искать прежде всего царствия Божия и правды его: *Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться (...)* *Ищите же прежде Царства Божия и правды его, и это все приложится вам (Мф 6. 25-33).*

И что замечательно со всех точек зрения — это дерзновенное обещание Христа, охватывающее одним пророческим словом все будущее века, полностью осуществилось и постоянно продолжает осуществляться. Жизнь каждого святого непрестанно доказывает его исполнение. Если искать в явлении святости некую постоянную величину, образующую его сущность и самую сокровенную тайну, то мы придем к следующему заключению: святой — это человек, буквально исполняющий евангельские заповеди и обретающий вследствие этого изначальную чистоту евангельской веры. Тогда в его жизни вдруг начинают осуществляться евангельские обетования: не только заповеди блаженства подтверждаются его жизнью, но только его апостольское горение, которое евангелист Иоанн справедливо назвал победой веры над миром, лежащем во зле, излучает свет на окружающих, но и евангельская атмосфера чудес вновь предстает перед нами в своей лучезарной красоте, как бы доказывая объективными и осязательными знаменами, что Господь живет в Евангелии. И все это продолжается до наших дней.

Эпоха Жан-Мари Вианнея, арского пастыря (1786-1855), не так далека от нас. Его жизнь открыто протекает перед тысячами очевидцев. Они ежедневно приезжают в Арс за советами к Божьему человеку, искавшему только одну истину. В чем же заключается тайна этой необыкновенной жизни? В том же, что лежало в основе удивительной жизни святых Бернара, Франциска, Винченца Ферьера и многих других: *Ищите прежде всего царствия Божия (...) и все остальное приложится вам.* Другими словами, тайна их жизни в совершенной и постоянной вере в Божественный Промысл. Бедность и умерщвление являются внешним проявлением этой веры, *потому что нельзя служить двум господам. Пастырь Арса уверовал в Бога со всей чистотой и простотой ребенка и Господь действительно стал для него Промыслом. И поэтому он проникал в самые сокровенные закоулки человеческой души, предсказывал будущее, исцелял больных, и пшеница умножалась по его молитве.*

Жизнь Луи-Мари Гриньона де Монфора (1673-1716), недавно канонизованного Церковью, не менее замечательна — такое же полное предание себя в руки Божию, та же бедность; то же ошутимое присутствие Божие, когда он распространяет свет евангельского учения. Гриньон де Монфор исцеляет слепых, умножает хлебы, усмиряет разбушевевшее море.

А вот еще два очень чтимых итальянских святых, всецело отдавшихся воле Божественного Промысла — Коттоленго (1786-1842) и Дон Боско (1815-1888). Их жизнь — непрерывное чудо. Они кормят и поддерживают тысячи бедных сирот и беспризорных — подонки молодежи, от которых общество отвернулось. Сколько раз иссякали запасы продуктов и денег, не из чего было приготовить еду на следующий день; нечем было заплатить нетерпеливому кредитору, требовавшему возвращения долга. И вот, в последнюю минуту, как по маговению магической палочки, вдруг неожиданно появляется незнакомец с телегой, нагруженной мукой; кто-то опускает в ящик для писем нужную сумму денег. Случалось, что находили сверток с золотыми монетами точно на недостающую сумму или в ящике, который перед этим тщательно обыскивался несколько раз, или в кармане самого святого, который был совершенно пуст минуту назад.

Вот только несколько случаев из тысяч; эти имена — обратите на это внимание — капля в море по сравнению с неисчислимой вереницей святых чудотворцев, порожденных евангельской мудростью на протяжении 20-и веков, отделяющих нас от Христа. Издали все это кажется легендарным; а имея дело с легендой, очень легко создавать гипотезы — человеческое воображение чрезвычайно богато. Но смотреть на это издали — это все равно, что уйти в отвлеченность и проглядеть действительность. Если же кто хочет взглянуть в нее, принять во внимание безграничное число свидетельств и бесконечное

число подтверждающих друг друга фактов, короче, — кто согласится приблизиться к святым, — тот во всем этом найдет нечто побеждающее всякое сопротивление. Жизнь каждого святого является своеобразным и подлинным воспроизведением евангельской веры и обетований, которые Христос связал с этой верой. Вот почему чудо представляет собой внушительное, неопровержимое и имеющее смысл целое. Оно подобно бесконечной золотой цепи, нисходящей от Христа к нам и восходящей от нас ко Христу. Оно — явное доказательство бытия Божия и того, что Бог не есть туманная и безличная сущность, а Отец, *видящий в тайне и знающий, в чем мы нуждаемся* (Мф 6. 8).

Приведем интересное размышление Анатоля Франса: «Конечно, верующие — кретины; но удивительно, что непонятные силы, проявляющиеся в чудесах, действуют всегда только в пользу этих кретинов». Действительно, это достойно удивления.

После знакомства с подлинными чудесами классические возражения против них кажутся весьма бледными. Да и происходят они от догматического рационализма, который теперь уже не в моде. Говорят, что чудо непознаваемо — чтобы понимать то, что превосходит законы и возможности природы, надо знать эти законы и эти возможности. В известном смысле это верно, но совсем не относится к нашему вопросу. Во-первых, можно знать что-то, не зная всего. Нет необходимости изучать тайны природы, чтобы знать, что $2 + 3 = 5$ и что пятью хлебами не накормишь толпу. Затем — нельзя смешивать понимание смысла какого-нибудь знамения с изучением физико-химических элементов, входящих в состав этого знамения, потому что оно является физическим явлением, подобным многим другим. Не требуется никакого знания физиологических и био-химических законов, управляющих сокращением мускулов, чтобы ребенок узнал улыбку своей матери и чтобы мы поняли смысл каких-либо слов или жестов. Чудо — это целое, имеющее смысл, и этот смысл можно познать и выразить.

Говорят даже, что чудо невозможно потому, что Бог не может нарушать Им Самим созданный порядок или что оно противоречит науке, которая устанавливает постоянство и закономерность явлений; следовательно, ее назначение вводить в норму все то, что на первый взгляд от этой нормы уклоняется. Со стороны человека было бы слишком большой претензией решать во что бы то ни стало, что Бог может и чего Он не может сделать. Ведь каждое наше действие использует и направляет физико-химическую энергию нашего тела и, в какой-то мере, всей вселенной, к определенной цели; однако законы вселенной этим не нарушаются. В таком случае, следует ли удивляться, что Господь использует энергетическую структуру мира, не нарушая ее, чтобы дать нам осязаемое знамение Своего присутствия?

КАК РОДИЛАСЬ ЭТА КНИГА

Мне посчастливилось познакомиться с о. Сергием Желудковым еще в 1971 г. во время одного из его очередных приездов из Пскова в Москву, и уже тогда я был покорен неукротимой энергией и светящейся чистотой этого человека. К сожалению, знакомство наше не было продолжительным: вскоре меня арестовали.

Год с лишним, проведенный в Лефортовской тюрьме, был для меня годом практически полной изоляции от внешнего мира. Под следствием письма вообще не выдавались, да и после суда меня достигали лишь немногие. Только в лагере цель стала чуть-чуть пошире и одними из первых ко мне через нее попали письма Сергея Алексеевича.

Лагерная цензура строга, и в письмах, идущих по официальным каналам, невозможно обсуждать большинство волнующих тебя тем. Практически любое высказывание, показавшееся цензору подозрительным, может быть расценено как «искаженное освещение внутренней и международной жизни» (говоря словами цензурной инструкции). А это автоматически влечет за собой конфискацию письма.

Поэтому я был рад, что о. Сергей нашел для нашей переписки нейтральную в цензурном отношении тему и начал частями пересылать мне свой реферат об анонимном христианстве. Это давало возможность регулярно получать от него весточки, не опасаясь, что они попадут под цензурный нож. Тот, кто был за решеткой, поймет, как это много — даже сам конверт с несколькими словами, написанными дружеской рукой!

Но неожиданно эта переписка стала для меня гораздо более значительной и серьезной, чем казалось вначале. Она затронула такие темы, которые меня волновали давно и глубоко, а в условиях концлагеря и тюрьмы зазвучали совсем по-новому, приобрели новый смысл, новые грани. Вопросы соотношения веры и атеизма, генезиса религиозного мирознания, происхождения морали, альтруизма, социальный смысл религии — все эти и многие другие вопросы не могут не иметь глубочайшего значения для любого культурного человека. Особенное же значение они, как мне кажется, должны иметь для людей, своєю волею или волею судеб вовлеченных в движение за права человека в Советском Союзе, или, как его еще называют, демократическое движение. Это движение, на мой взгляд — одно из наиболее значительных явлений нашего времени, знаменующее поворот к новой эпохе. Какой она будет — эта эпоха, — предсказать трудно, но к старому возврата нет.

Демократическое движение — не только политическое, но и в столь же большой степени — движение нравственное. Это и объясняет большой интерес к духовным проблемам — в том числе и к религиозным, само собою разумеется, — среди политических заключенных советских тюрем и лагерей 70-х годов. Не составил исключения и я. Отсюда и неожиданная острота, которую приобрела наша переписка с о. Сергием, вылившаяся в подлинную дискуссию.

Постепенно переписка перестала быть диалогом и приобрела полифонический характер. Неукротимой энергией о. Сергия в дискуссию были вовлечены и многие другие лица — из числа верующих христиан. Они переписывались со мною через о. Сергия, который любезно мне пересылал их письма в копиях (равно как и копии своих писем к этим лицам). По многим причинам личного характера эти участники дискуссии пожелали укрыться под псевдонимными инициалами.

Из атеистов в дискуссии, кроме меня, принял участие, к сожалению, лишь один человек — Григорий Сергеевич Подьяпольский. Этот добрый, благородный и талантливый человек, поэт, один из активнейших участников правозащитного движения, никогда уже не прочтет этого тома, где все наши письма сведены воедино. В марте 1976 г. он скоростижно скончался. Мир праху его.

И вот, когда все наши письма легли рядом, и мы их перечитали, нам с о. Сергием показалось, что, может быть, наши споры и разногласия представляют интерес и не только для нас — участников переписки. И мы решились предложить наши письма читателю. Даже если кому-либо наши рассуждения покажутся малоинтересными по-существу — все равно они имеют ценность как человеческий документ, иллюстрация наших духовных поисков, таких, каковы они есть.

Мы открываем книгу рефератом С. А. Желудкова, послужившим «затравкой» дискуссии (в лагерь он пересылался кусочками в письмах, но здесь мы его приводим в восстановленном целом виде). Дальше идут письма участников дискуссии, точнее, извлечения из писем, имеющие отношение к обсуждаемым вопросам (личные моменты, а также обсуждение других тем — опущены). Следует учесть, что я не всегда имел возможность обращаться непосредственно к моим корреспондентам: этому мешает жесткий лимит писем из лагеря и тюрьмы (от двух в месяц до одного в два месяца, в зависимости от режима). Поэтому многие ответы, адресованные им, содержатся в моих письмах к жене, извлечения из которых и приводятся в этой книге.

Письма приводятся, в основном, в хронологической последовательности их написания, кроме тех случаев, когда время написания

(из-за не прямой пересылки) существенно отличается от времени получения их адресатом.

Все письма приводятся в первоизданном виде. Мы не стали дополнять или «улучшать» их. Пусть все будет, как было. Внесена лишь минимальная правка (устранены некоторые явные ошибки), и в самых необходимых случаях даны примечания.

В приложении приведена часть моей лагерной переписки с Г.С. Подъяпольским, происходившей еще до написания реферата о Сергия. Затрагиваемые в ней вопросы имеют прямое отношение к теме дискуссии. Письма эти во многом проясняют позиции сторон.

Всякий, читающий переписку, должен постоянно помнить, что это — подцензурная переписка. О многом в ней умолчано, многое сказано эзоповским языком. Такие места читатель легко обнаружит и расшифрует сам. Многие вопросы (например, параллели между историей религии и историей общественно-политических идей, религиозный характер «научного» коммунизма и т.д.) не могли быть здесь обсуждены, хотя и заслуживают этого. «Дополнять» переписку мы не стали. Надеюсь вернуться к этим вопросам в другом месте.

Вот, пожалуй и все. Стоило ли выносить наши споры на всеобщее обозрение — судить читателю. Мы надеялись, что стоит.

г. Таруса, 2. 3. 1977 г.

Кронид Любарский.

С. А. ЖЕЛУДКОВ

**ЦЕРКОВЬ ДОБРОЙ ВОЛИ
или
ХРИСТИАНСТВО ДЛЯ ВСЕХ**

Реферат, нигде не прочитанный

*Посвящается
Крониду Любарскому*

1974

...Мы рассмотрели проблему, которую обозначили наименованием: «Христианство для всех». Вот как это выглядит в сокращенном итоговом изложении:

Есть *Христианство веры*. В самом общем смысле оно определяется как вера в Божественное достоинство Человека Иисуса Христа. Эта вера дается немногим, она есть особенный дар, по слову одного католического писателя — «поцелуй» Божественной благодати. Апостол Павел писал, что «никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым» (к Коринфянам, гл. 12). И в наше время вера в личную Божественность Христа бывает либо следствием исключительного откровения (приводилось яркое личное свидетельство митрополита Антония Блюм), либо наследием церковного воспитания. Христианство веры есть явление элитарное, это не Христианство для всех.*

Христианство универсальное, Христианство для всех есть *Христианство воли*. Автор напоминает и подчеркивает, что говорит с точки зрения Христианства веры. Христос—Вечный, Божественный Человек, и всякая направленность нашей воли к идеальной человечности есть направленность ко Христу. Конечно, не может быть ничего лучше, когда такое Христианство воли совмещается с Христианством веры. Но бывает и так, что люди, далекие от исповедания Христианства веры, далекие от всякой религии, по своим настроениям, оценкам, стремлениям, действиям оказываются явно *ближе* ко Христу, чем мы, присяжные, крещеные христиане веры. Современный католический теолог Карл Ранер* назвал таких людей «анонимными христианами». Тут уместно вспомнить, что писал об этом же еще в прошлом столетии А. С. Хомяков. «... не Христа ли любит тот, кто любит Правду? не Его ли ученик, сам того не ведая, тот, чье сердце отверсто для сострадания и любви? Не единственному ли Учителю, явившему в Себе совершенство любви и самоотвержения, подражает тот, кто готов пожертвовать счастьем и жизнью за братьев? Кто признает святость нравственного закона и, в смирении сердца, признает и свое крайнее недостоинство перед идеалом святости — тот не воздвиг ли в душе своей алтарь Тому Праведнику, перед Которым преклоняется воинство умов небесных? Ему недостает только знания; но он *любит Того, Кого не знает*, подобно самарянам, которые поклонялись Богу, не ведая Его. Говоря точнее: *не Его ли он любит, только под другим именем*; ибо правда, сострадание, любовь, самоотвержение, наконец — все поистине человеческое, все великое и прекрасное, все, что достойно почитания, подражания, благоговения, все это — не различные ли формы одного Имени нашего Спасителя?».

Христиане веры должны по достоинству оценить явление «анонимного» Христианства воли. Все лучшее в нашей человечности принадлежит Христу — и не может быть никакого другого Первообраза духовной красоты. По слову апостола Павла, «един... Посредник

между Богом и человеками, человек Христос Иисус» (к Тимофею I, гл. 2, ст. 5). Если бы вера в личную Божественность Христа была непременным условием приближения к Богу, то Христос был бы не посредником, а препятствием для совершенно подавляющего большинства людей, которые жили и будут жить на земле. Нет, по слову блаженного Иеронима — «Христос не так беден, чтобы иметь Церковь только в Сардинии». Христос — Глава всего человечества доброй воли, а не только нашей церковной провинции крещеных, из которых многие столь наивно думают о себе, что только они спасаются. Нет, принцип спасения — не в вере, самой по себе, а в *направлении воли*. Апостол Иаков в соборном послании (гл. 2) трижды настойчиво повторяет, что *«вера без дел мертва»*. Протестантские школы противопоставляли этому учение апостола Павла, что «человек оправдывается верою, независимо от дел закона» (к Римлянам, гл. 3). Но недоразумение рассеивается, как только мы сообразим, что этот апостол под «делами закона» разумел иудейское обрезание. Совершенно ясно представляется дело в евангельской притче о Страшном суде (Мф 25). Сын человеческий на решающем, последнем суде не говорит: *придите, наследуйте Царство*, потому что вы веровали в Мою Божественность. Нет. Он говорит: *придите, наследуйте Царство, потому что вы были добры ко Мне* в лице страждущих братьев Моих меньших. «Ибо голодал Я, и вы дали Мне есть... Болен был, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне». Милосердие, как и всякое иное проявление прекрасной, святой человечности — вот что фактически, сущностно приближает, приобщает человека к Абсолютному, Вечному Человеку. И это независимо от того, узнал ли человек своего Господа во Христе, в Его историческом явлении на нашей земле. Апостольский образ Церкви — *Тело Христово*. И вот оказывается, что в теле присутствуют живые клетки, которые не знают своего Главы.

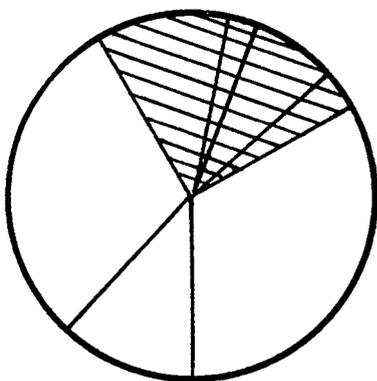
Но было высказано и другое суждение — что только Христианство веры и притом именно наше православное Христианство веры есть все-таки непременное условие наибольшей близости ко Христу. Это воззрение было представлено в такой графической схеме: круг — это наше православие, а далее располагаются концентрически кольца: католичество, протестантизм, затем иудаизм, мусульманство, потом индуизм и так далее до агностиков и атеистов доброй воли включительно — но на самом удаленном кольце.

Схема эта представляется некорректной, ибо приводит к абсурдам. Православный Иван Грозный оказывается в центре — ближе ко Христу, чем святой индуист Ганди. Абсурдный пример из современной жизни явился в истории двух академиков. Один, далекий от всякой религии, на деле показал истинное благородство и нравственное мужество, выступив в защиту страждущих «узников совести».

Другой, верующий православный, не только не присоединился к этой защите, не только промолчал, но подписал клеветническое обвинение против своего одинокого бесстрашного коллеги. Судя по этим примерам, схема оказывается ложной.

В противовес ей в дискуссии возник другой графический образ:

Всечеловеческая Церковь Христова есть Реальность высочайшего порядка, говорить о ней можно только в символах и парадоксах. Такова и эта графическая символизация Церкви. Ее центр—Христос, Божественный Человек. Ее окружность, граница—направление воли. Эта граница проходит между людьми и она проходит в душе каждого человека. Злая воля—всегда вне Церкви, только добрая воля—всегда в Церкви, и это независимо от всех наших исповеданий и поверхностных убеждений. Итак, круг — это Христианство воли, Христианство для всех. В заштрихованных секторах — Христианство веры.

Здесь особенно благоприятные, благодатные условия приближения ко Христу. Но и в других секторах, в других религиях и без религии осуществляется такая возможность. Эта возможность — Христианство воли... Радиусы секторов проведены условно, без всякого количественного расчета.

Этот графический символ Церкви автор будет иметь в виду при последующих размышлениях.

Показательно и многозначительно, что и в секторах *Христианства веры* нет формального единства—и разделением не видно конца. Ибо никогда уже католики не откажутся от принципа папского главенства в мировом христианстве—и никогда не согласятся с этим другие христиане Востока и Запада. И другие вероисповедные различия непримиримы. Кто нас в этом рассудит? В эпоху вселенских (имперских) соборов споры о вере решал собор. Сегодня если бы и собрался всемирный собор (что практически невозможно)—он не принял бы никакого общего решения и все разъехались бы обратно в свои стороны в добросовестном сознании каждый своей правоты.

Рассматривая три сектора Христианства веры, следует прославить великую жизнеспособность *католичества*. Об этом писал Н. А.

Бердяев: «...Католичество не одолеют и впредь, потому что в истории его жили не только грехи человеческие, жила в ней и вселенская Церковь Христова. Католичество остается осью западной истории. Все проходит, все минует, все тлеет, одно католичество остается. Оно вынесло все испытания: и возрождение, и реформацию, и все еретические и сектантские движения, и все революции. Чувство вселенскости, которое дает католичество, поражает своей мощью и приводит в трепет даже неверующих. Даже неверующие должны признать, что в этой исключительной силе католичества скрывается какая-то тайна, рационально необъяснимая»... Сегодня правда этих слов особенно убедительна. Но при всем нашем общем уважении к католичеству — тем более печально сознавать какую-то общую неловкость от догмата о личной безошибочности Папы в делах веры и нравственности. Да, конечно, в воинствующей Римской Церкви должен быть единый главнокомандующий и все должны ему повиноваться. Но зачем было облекать эту практическую насущную правду в столь неправдоподобную догматическую форму?

И мы имеем уже факты новейшей истории, когда Папа так явно для всех *ошибается ex cathedra*: энциклика Павла VI о запрещении противозачаточных средств, еще раньше — догмат Пия XII о телесном Вознесении Богородицы. *

В порядке примечания надо остановиться на этом новом догмате. «И восшедшего на небеса, и сидящего одесную Отца», — эти слова древнего Символа веры в наше время могут быть истолкованы только как образное выражение непостижимой тайны Воскресения. В некоторых древнейших рукописях Евангелий *нет Вознесения*, все явления Христа Воскресшего заканчиваются подобно явлению в Эммаусе: «И стал невидим для них»... Говорить о натуральном телесном «полете» Христа «через стратосферу» (есть еще у нас и такие эксцентрики) — сегодня просто кощунственно. В сущности, *мы не знаем, что и думать* нам о Вознесении Христа и, может быть, самое лучшее было бы смотреть на этот праздник как на символическое заключительное торжество Воскресения. И вот в такое-то время преподнес нам Папа новый догмат о *телесном* Вознесении Богородицы. А в некоторых кругах католичества проектировалось телесное Вознесение еще и Иосифа-Обручника. Хорошо, что хоть это не попало в безошибочный новый догмат, — и дай Бог братьям-католикам благополучно выбраться из этих новых трудностей, которые они сами наделали.

Наше *Восточное православие* сохраняет в неприкосновенности догматическое наследие неразделенной Церкви. Символ веры IV века да постановления соборов V и VII веков против учений о неполной будто бы человечности Христа — вот и все наши догматы. *
В этой догматической сдержанности — великое преимущество Вос-

точного православия и больше возможности для свободной христианской мысли. Сохранилось известие, как покойный патриарх Тихон возразил кому-то, обвинявшему покойного профессора М. М. Тареева в протестантизме: «Что ты, что ты — какой же он неправославный. *Православие тем и хорошо, что многое может вместить в свое глубокое русло*».

Так в основах — в учении веры. Но в том, что касается практики Восточной Церкви, лучше бы по возможности не употреблять термина «православие». Его историческое содержание многозначно, буквально же он выражает гордость, которая часто не имеет себе оправдания. Часто оказывается так, что наше православие неправославно. Не касаясь фактов и проблем, связанных с совершенно особыми внешними условиями, приходится отметить крупные недостатки нашего церковного Богослужения: закрытый алтарь, поразительное многословие, необъяснимые церемонии, фальшивые титула, торговля у свечного ящика, литургическое унижение женщины и многое другое. «Православием» называют слепое обрядоверие и церковное фарисейство. Автор недавно узнал, что есть дремучие духовники, которые именем «православия» запрещают новым христианам молиться за своих неверующих родных... Некоторые стремятся сделать «русское православие» знаменем ущербного национализма.

Но есть у Восточной Церкви и подлинно драгоценные сокровища прошлого: философия, мистика, аскетика, икона... Да и в церковном Богослужении нашем, при всех недостатках, многие находят качество особенной мистической теплоты. В принципе возможно и у нас литургическое возрождение в свободном, широком разнообразии форм.

Говоря о *протестантизме*, сразу же надо отметить, что у нас он представлен в своей самой худой, для некоторых прямо-таки отвратительной форме так называемого «баптизма».* Принципиально же протестантские идеи личной свободы и постоянного обновления форм принадлежат к самой сущности Христианства. Вероятно, правильна характеристика протестантизма как преимущественно «мужского» Христианства, и не случайна распространенность его в «мужских» северных странах. Существенный изъян протестантизма — отсутствие *всякого* почитания Божией Матери и святых, запрещенные молиться за умерших. Но в свободе протестантизма возможно ведь и возвращение его к этой древней практике Христианства... Однако есть в Западном протестантизме и такие явления, которые должны быть вынесены из сектора Христианства веры. Автор вспоминает встречу со студентом-теологом — да, теологом, который запросто объявил, что не признает за «Иисусом» никакого Божественного достоинства, считает Его «революционером». По-видимому, на Западе

подобные взгляды не такая уж редкость. Христос сказал, что всякая хула на Сына Человеческого простится человекам. Но нельзя же называть это Христианством веры.

Возвращаясь к протестантизму подлинному, христианскому, надо еще указать, что с ним связаны инициатива и неудача так называемого *экуменического движения*. * Оно задавалось целью: при свободе вероисповедных различий организовать единство действий всех христианских церквей. Но католики — едва ли не большая половина всех христиан на земле — от участия отказались. Остальные же церкви отказались от действий. В результате под титулом Всемирного Совета Церквей влачит существование малоавторитетная канцелярия.

Итак, *разделение* христиан по вероисповеданиям остается и ему не видно конца. Но изменилась атмосфера, исчезла вражда, все переходит от анафемы к мирному диалогу. Вспоминается крылатая фраза, сказанная нашим Киевским митрополитом Платоном (Городецким) в речи при посещении костела: «Наши перегородки до неба не достигают». Можно вообразить современное просвещенное Христианство веры как бы надконфессионального плана, когда человек с любовью и пониманием участвует и в Восточном, и в Западном обрядах, с благодарностью приемлет все лучшее, вдохновенное, что посчастливится ему встретить на каждом из этих трех направлений Христианства веры. Как выразился Карл Барт: *«Единство Церкви не создается — его открывают»*.

Это единство — в общем уповании всех христиан, которое основано на общей вере в Божественное достоинство Христа. «Сущность христианства — в Личности Христа, в космическом значении этой таинственной Личности... Через Христа Бог стал родным и близким человеку» (Н. А. Бердяев). Христос — *«Икона Бога Невидимого»* (к Колоссянам, 1). Христос — *«Человеческое Лицо Бога»*... Во Христе Бог явился нам воистину достойным совершенного преклонения и во Христе Человек явился воистину достойным Божественной славы. «Посему и Бог Его превознес и даровал Ему Имя выше всякого имени, дабы пред Именем Иисуса всякое колено преклонилось — небесных и земных и (даже) преисподних» (к Филиппийцам, 2). И Этот Человек в таинственной общности со всем человечеством сделал за нас невозможное для нас — Собою приобщил нас к Божественной жизни... Таковы общие символы Христианства веры, в этом — единая Надежда всех христиан на земле. И в этом — единственно-истинная, т. е. заслуживающая этого слова *Надежда* всего человечества.

Автор воздерживается говорить о других исторических религиях, потому что познания его в этой области крайне поверхностны. С точки зрения Христианства веры — *все религии истинны* в том, что у них есть общего с Христианством. Это общее — религиозная интуиция Божественной Святости, побуждающая человека нравственно «бояться» Бога, любить Бога, надеяться на Бога.

К религиям не-христианским надо отнести и религии новейшие, так сказать, самодельные, которые принимают этику Христианства, но не признают личной Божественности Христа. Таковы нехристианские ответвления протестантизма, таково наше толстовство. Характерна их претензия называть себя все-таки Христианством: так прекрасно моральное учение Христа. Но посмотрим, например, символ толстовства. Вместо Отца Небесного — «Хозяин», который велит нам, работникам, вести себя хорошо и делать добро. А сам он вовсе не добр, сам он скуп и жесток: он убивает работников, он не дарует им личного Воскресения, участия в Вечной жизни... При всем уважении к личности изобретателя такой религии — нельзя называть ее Христианством, — Христианством веры.

Христианство же воли открыто для всех. Ганди, Швейцер — вот наиболее известные имена праведников нашего века в «ино-религиозном» секторе Церкви Христовой.

Что такое *атеизм*? Кажется, для всех уже должно быть достаточно ясно, что атеизм вульгарный есть недомыслие, недодуманность. Атеизм более просвещенный, так сказать, интеллигентный должен признать присутствие за природными явлениями некоего Разумного Начала, по слову Эйнштейна — «Высшего Интеллекта», проявляющего себя в упорядоченности мира». Но в этом упорядоченном мире — зло и страдание, невинное, бессмысленное страдание. Вот сильнейший аргумент атеизма. «Высший Интеллект» — это не Бог, атеист не испытывает по отношению к нему религиозного чувства. *Кто же это, что же это?* Получается так, что мы существуем, копошимся под равнодушно-жестоким взором какого-то сверхчеловеческого Сознания, абсолютно нам чуждого и враждебного. И если атеизм вульгарный есть Абсурд бессмысленности, то атеизм разумный есть Абсурд какого-то чудовищного, кошмарного Смьсла... *Атеизм — это абсолютное Отчаяние, невыразимый Ужас.*

Когда человек мыслит себя в Абсурде атеизма — казалось бы, естественно ему опуститься, погибнуть. Увы, так это и бывает в явлениях цинизма и пьянства. «Станем есть и пить, ибо завтра умрем».

Апостол Павел цитирует эти слова пророка Исайи, показывая отчаяние человека без веры в Воскресение (2 Коринфянам, 15). Но вот, нет же — мы знаем удивительных людей, которые называют себя атеистами, практически же проявляют чудное благородство стремлений и великую душевную силу. В личном общении, в драгоценных встречах автор получил волнующее откровение «анонимного» Христианства воли. «Безрелигиозный сектор Церкви Христовой» — это не абстракция, это радостная реальность, которая с точки зрения Христианства веры только так и может быть обозначена. Мой друг называет себя атеистом, на деле же он поклоняется тому же самому, общему для всех, единственному Идеалу человечности, который мы, христиане веры, увидели во Христе. Но у нас, в Христианстве веры — наследственный и личный религиозный опыт, у нас молитва, таинства, чудеса, у нас надежды, от которых дух захватывает. А у него ничего этого нет, он поклоняется и служит, служит Богу совершенно, так сказать, бескорыстно, не ожидая себе никакой награды, никакой Вечности, из одного, можно сказать, воистину чистого, *свободного* уважения. Это возвышает его в моих глазах чрезвычайно. *Что это?*... Надо прямо так и признать, что это чудо, это какая-то таинственная глубинная, мощная связь человека с Высшей, Вечной Человечностью нашего Господа. Это очень таинственно.

В практике жизни, *достойной жизни*, такой человек *забывает* о теоретическом Абсурде, об отчаянной безнадежности своего будто бы атеизма. Но при всем уважении — нельзя назвать похвальным такое состояние неполной сознательности. И первое, что я уверенно посоветовал бы моему другу — это переименовать себя из атеиста в *агностика*.

Мне не по силам вести философский разговор, но для этого достаточно и простых честных размышлений. Из письма другого моего приятеля, образованного математика: «Для человека моего поколения и моей среды важно осознать, что атеизм не есть неизбежный выбор, что выбор зависит от нас самих». Все мы должны, по совести, согласиться на том, что *не знаем подлинного* последнего значения бытия. Только интуиция и религиозный опыт стремятся в символах выразить свои прозрения, как они полагают, в сверхразумную тайну. Если такая интуиция у меня отсутствует или, может быть, спит — я должен, по совести, воздержаться от суждения. Если у меня нет слуха — не могу я утверждать, что нет музыки. Почему это я обязан думать, что в основе столь таинственного бытия — будто бы бессмысленность или будто бы кошмарный Смысл, Смысл кощунственный, чуждый нашим человеческим святыням? А ведь именно это утверждает атеизм.

Аргумент зла и страданий не имеет решающего значения. Он действует при условии превратного представления о Боге, как о Самодержавном Властителе, Который будто бы повседневно управляет всем, что бы ни вытворялось в нашем мире — распоряжается землетрясениями, войнами и лагерями. Думая так, мы приписываем Богу все зло и все страдания в мире. Но ведь можно думать иначе. Бог творит мир не «внутри» Себя Самого, Он творит воистину, творит отдельный от Себя, *свободный мир*... И Он не вмешивается в жизнь свободного мира насильственно. Попробуем вообразить себя, так сказать, на месте Бога, сотворившего свободный мир. Если это подлинная свобода, то это свобода и для зла. А зло есть причина страданий. Страдают все — виноватые и невинные, потому что природа и человечество есть единый целостный организм. Вмешаться насильственно Богу в жизнь этого целостного свободного мира — это значило бы все нарушить, остановить, уничтожить... Итак, главный аргумент атеизма бледнеет перед прозрением о *свободе*. Да ведь и сама эта возможность нашего атеизма, возможность отрицать «существование» Бога — разве не есть это *откровение свободы*, которую даровал Бог человеку?

Но пусть не подумают, что такое представление о Боге означает только возврат к «деизму» XVIII века. В символах Христианства Бог — не равнодушный, благополучный Зритель. Нет, через Сына Сам Бог участвует в трагедии свободного мира, входит в нашу историю, несет бремя наших грехов, принимает наши страдания. Бог *сострадает* нам и Божественное сострадание абсолютно. Здесь уместно привести мало кому известные строки из «Герцин» Л. П. Карсавина: «*Страдаешь мукой Ты всего живого: в огне сжигаем, на дыбе разъят, в слезах ребенка Ты, в агонии больного*»... Тут надо договорить еще, что, вместе со всем этим мы, верующие, всегда таинственно чувствуем в Боге вседержительную мощь, Основу всякого бытия. Мы веруем в возможность чуда, в таинственный Промысл Божий в личной судьбе человека. Как это все совмещается — *мы не знаем*, это сверхразумные *тайны*, вечная проблематика Христианства. Привожу эти сведения бегло-конспективно, только чтобы показать, как все это значительно и как непросто. Нет, атеизм не есть неизбежный выбор, для этого нет вполне достаточных оснований.

Поэтому если у меня действительно нет никакой религиозной интуиции — мое место на позиции *агностика*. Покинуть ее — это значит выйти либо в Абсурд атеизма, либо в сверхразумную таинственность религии. *Бытие — тайна*, это чуткий человек должен бы ощущать ежесекундно, и у этой тайны только два альтернативных решения. Либо это *тайна безумная*, либо это *тайна священная*. По совести, крайне легкомысленно было бы остановиться на первом решении — ведь, право же, у нас нет для этого достаточных оснований. *Не знаем!*

Нерешаемость, непостижимость, неизвестность. В этой позиции агностика есть честность — и в ней уже есть утешение. Ибо неизвестность — это уже *вероятность Надежды*. Постоянная, пребывающая вероятность, ибо отвергнуть ее — это значило бы в ту же секунду принять вероятность обратного значения: *Отчаяние, Ужас, Абсурд*. А для этого, право же, у нас нет достаточных оснований.

Второе, что я посоветовал бы моему другу, это поближе познакомиться с Христианством веры. Паскаль написал: *«Вот наследник, который находит документы на свой дом. Неужели он скажет: а может быть, они фальшивы, — и не сочтет все-таки нужным исследовать их?»* ... Неужели мы откажемся проверить документы на Дом Вечности — мы, пребывающие в холоде безнадежности, во мраке смерти? Но тут я должен заранее предупредить о великих трудностях. Нужно будет сразу же войти в современную проблематику Христианства веры. Здесь так нужно бы живое общение, церковность в истинном значении слова, а у нас ее нет. Нужна информация, а она у нас так недостаточна, либо же так горестно не соответствует величию Христианства. Что уж и говорить о наших храмах, где бедные священники проповедуют теперь, как правило, всегда только на двойку — что уж и говорить о них, когда кафедры всемирного значения используются так недостойно, подчас прямо-таки издевательски нехорошо. В присутствии уважаемых людей мне было бы стыдно включить радио с религиозной передачей из Лондона или Вашингтона. Какой упадок, какая выдающаяся бездарность по сравнению, скажем, с передачами о спорте! Величайшее унижение Христианства. Единственное исключение — священник о. Александр Шмеман: но его не слышно.

Давно уже замечено, что проповедь Христианства никогда не оставляет только нулевого, безразличного впечатления. Всегда в результате — либо взволнованность, радость, душевный подъем, либо уныние, подавленность, отвращение. Очень опасна неискренность. Но не менее вредна бывает даже и искренность, когда она выражает себя в благочестивом примитивизме или в наивной апологетике «от науки». Со стыдом вспоминаю рассказ, как к знаменитому физикю явился добрый христианин и принялся убеждать его, ссылаясь почему-то на Эйнштейна, что он должен уверовать* в Бога. Ученый мягко возразил, что *«для этого нужны более глубокие основания»*. Он прав абсолютно. Уверование — это великое *таинство* души, чудесное рождение в ней личного молитвенного отношения к Богу Живому.

Должен быть какой-то сокровенный *высший смысл* в том, что сильному человеку не дается благодати религиозной веры. Мы можем оценить связанную с этим захватывающую идею *свободы*. Бог

наш чтит *свободу* человека. Он не заставляет Себя признать, Себе покориться принуждением «науки», логики или подавляющей интуиции. Трудно уверовать в Бога — но нельзя же и успокоиться в Абсурде атеизма. Нерешаемость, неизвестность — это *свобода*, постоянное напряжение свободы. И в этом положении благородный, милосердный, великодушный агностик, не сознавая себя религиозно, определяет себя религиозно фактически, в самом глубоком смысле слова религиозно. Да, мы *не знаем*, «существует» ли Бог. Существует Святая, духовная Красота истинной человечности. Согласен ли я вот так, ничего не зная о Боге, без всяких расчетов и гарантий, свободно преклониться пред этой Красотой, ее избрать в решающий Принцип моих стремлений и действий? Вот подвиг свободы, который с точки зрения Христианства веры заслуживает высочайшей оценки. **ДОСТОЙНО ЖИТЬ В НЕИЗВЕСТНОСТИ.** Вот девиз мужества и свободы, при *исполнении* которого бывает радость великая на небесах.

В заключение автор предостерегает от ошибочного впечатления, будто сказанным выше как-то унижается церковное Христианство веры. Напротив! Можно сказать попросту так: все у нас остается на своем месте, но очень расширяются наши представления о владениях Господа нашего Иисуса Христа.

Январь 1974 г.

Приложение к реферату

КОМУ ПОСВЯЩЕН РЕФЕРАТ

Кронид Аркадьевич Любарский — узник совести. Ему 40 лет, он астрофизик, кандидат физико-математических наук, у него 40 научных работ, 3 собственные и 15 переведенных книг. В январе 1972 г. он был арестован и после восьмимесячного следствия за действия, предусмотренные ст. 19 декларации ООН о Правах Человека, которые были расценены как преступление, осужден на 5 лет заключения в лагере строгого режима.

Этот приговор был для Крониды Аркадьевича особенно тяжким. Не только разлука с горячо любимой семьей (жена и дочь), с друзьями. Не только лишение возможности научной работы, чтения специальной литературы, дисквалификация. Само физическое существование узника подвергается непосредственной опасности.

Дело в том, что и до ареста он был уже серьезно болен. У него была резекция большей части желудка. У него был уже паралич с потерей речи. Такое состояние здоровья — не для лагеря строгого режима. Больному необходимо часто принимать пищу, а в лагере это невозможно. Питание там неполноценно, а передавать продукты, витамины, лекарства родственникам запрещено. Больному нельзя рано вставать по утрам, это вызывает обморочные состояния, а в лагере подъем в 6 часов утра непременно. В лагере у больного резко ухудшилось зрение: с -7 до -9. И с такими-то глазами ученый работал на шлифовочном станке, в последнее время шьет рукавицы.

В этих критических обстоятельствах узник проявляет великую духовную силу. Его речь на суде, особенно же его письма из лагеря жене, дочери, друзьям представляют значительную ценность и должны бы стать предметом специального обзора и комментариев. Автор реферата посвящает свою работу Крониду Любарскому с чувством глубокого личного уважения.

Сентябрь 1974.

о.С. Желудков

Р. С. К. А. Любарский находился в Мордовских концлагерях № 19 (ст. Потьма, пос. Лесной) и № 17 (ст. Потьма, пос. Озерный) с апреля 1973 г. по октябрь 1974 г., а затем до конца срока (январь 1977 г.) — во Владимирской тюрьме.

В лагере он был активным участником всех голодовок протеста против тяжелейших лагерных условий. Он автор и соавтор целого ряда писем к мировой общественности о положении советских политзаключенных. За передачу этих сведений на волю он неоднократно наказывался карцером, а осенью 1973 г. был на полгода помещен в лагерную тюрьму.

В октябре 1974 г. К. А. Любарский за «отрицательное влияние на других заключенных» был переведен во Владимирскую тюрьму, где отбывал назначенный приговором срок до конца. В тюрьме он также участвовал во всех протестах политзаключенных против беззакония и унижающих человеческое достоинство условий содержания заключенных. В числе других политзаключенных Владимирской тюрьмы явочным порядком перешел на Статус политзаключенного, отказавшись от принудительного труда. В 1975 г. Швейцарская организация за свободу и права человека присудила ему свою премию.

После освобождения в январе 1977 г. К. А. Любарский был правомерно выслан в г. Тарусу Калужской области, несмотря на то, что в приговоре у него ссылка отсутствует. Ему запрещено проживать вместе с семьей и работать по специальности.

К. А. Любарский продолжает активную работу по защите прав человека. Он один из распорядителей Общественного Фонда помощи политзаключенным, член Московской группы Amnesty International.

ОБ АВТОРЕ РЕФЕРАТА

Сергей Алексеевич Желудков (о. Сергей) родился в 1909 г. в г. Москве, в семье торгового служащего. Ушел из 8 класса средней школы и дальше занимался свободным самообразованием. Он был, в частности, вольнослушателем «обновленческой» Московской духовной академии в последние два года ее существования (1928-1929 гг.). Работал на самых различных должностях, последние годы перед принятием сана был главным бухгалтером на строительстве.

В 1946 г. принял сан священника. В 1952 г. поступил в Ленинградскую духовную семинарию, которую окончил в 1954 г. Служил в различных приходах.

О. Сергей широко известен в нашей стране и за рубежом как богослов, литератор, активный участник правозащитного движения. Его перу принадлежит целый ряд произведений, публиковавшихся в Самиздате и в зарубежных изданиях. В их числе «Литургические заметки» (1956, 1971), «Почему и я — христианин» (1970), «Открытые письма» П. М. Литвинову, А. Д. Сахарову, А. И. Солженицыну (1968, 1969, 1972) и многие другие.

С. А. Желудков — член Московской группы Amnesty International. В 1960 г. о. Сергей был снят с государственной регистрации и уволен за штат. Ныне живет в г. Пскове на пенсии.

О. Сергей пользуется всеобщей любовью и уважением за свою доброту, отзывчивость, гражданское мужество, принципиальность, широту взглядов.

Редактор

Свящ. С. А. Желудков — К. А. Любарскому

Дорогой Кронид Аркадьевич!

Не знаю, сообщила ли Вам Галя, * что мой реферат о Церкви доброй воли я посвятил Вашему имени. Я с интересом поджидал Вашей рецензии и надеялся учредить тематическую переписку с Вами, а может быть и с Вашими приятелями, по вопросам, которые были и могут быть поставлены. Но до сих пор я не получил ответа. Возможно, Вы по своей деликатности меня щадите — воздерживаетесь от возражений, которые могли бы поколебать мои убеждения. Приглашаю Вас не смущаться такими соображениями. Думается, что из Вашего лимита Вы могли бы уделить очередь на одно тематическое письмо раз в два-три месяца. Можно бы накапливать его в отрывочных записях, как Вы пишете Гале.

Позвольте пожелать Вам укрепления сил душевных в Вашей столь трудной жизни.

20. 7. 74

* Жена К. Любарского, Г. И. Салова. В значительной мере благодаря ее усилиям публикуемые письма были сохранены и приготовлены для печати. В частности, их забирали на обысках и возврат их потребовал от Гали немалых усилий. История эта описана в «Хронике текущих событий» № 34. (Примечание 1977 г.).

К. А. ЛЮБАРСКИЙ — Свящ. С. А. ЖЕЛУДКОВУ

Глубокоуважаемый Сергей Алексеевич!

Кронид Аркадьевич Любарский

Искренне прошу у Вас извинения за задержку ответа на Ваши письма. Вызвано это было исключительно спецификой моего нынешнего положения. В апреле я твердо собрался Вам ответить — как раз к этому времени я получил все письма — но неожиданно уехал из зоны и был разлучен с ними, а не имея письма под рукою, отвечать трудно (взять их с собой было нельзя). Апрель и май я находился в больнице, а в июне я обязан был написать старику-отцу, ибо, как выяснилось, мое предыдущее письмо к нему пропало. И вот, только нынешний, июльский лимит на письма я имею возможность по-

тратить на ответ Вам. Что делать: два письма в месяц. Не обессудьте...

Приступая к ответу на Ваш реферат, я ощущаю затруднения двоякого рода. Я с искренним, глубочайшим уважением отношусь лично к Вам. Тем огорчительнее мне, что мне придется выразить несогласие,

порой довольно резкое, с тем кругом идей, которые, как я знаю, составляют самую суть Вашего существа. Это неизбежно причинит Вам боль. Но что делать — притворяться, что я думаю иначе, я не могу, да и едва ли Вы одобрили бы это. Давно уже сказано: Платон мне друг, но истина дороже. В конце концов, серьезный разговор, каким является Ваш реферат, требует и серьезного ответа. Мы ведь не комплименты собрались говорить друг другу, а разговаривать по-мужски. Надеюсь, Вы поймете меня.

Второе, что затрудняет меня, связано с наслоениями последнего года и особенно последних месяцев. То, с чем пришлось мне столкнуться здесь в лагере и, особенно, недавние тяжелые события наложили на мое сугубо рациональное неприятие религии, существовавшее всегда, еще и эмоциональное, личное неприятие и возмущение. Это влияет на мои оценки, и я в этом отдаю себе полный отчет. Обещаю Вам, что я буду об этом помнить, и постараюсь, чтобы этот личный момент не привел бы к искажению того, что мне хотелось бы Вам сказать.

Мне трудно обсуждать те части Вашего реферата, где речь идет о вопросах чисто догматических, те части, где вы обсуждаете конфессиональные различия различных секторов христианства. Я слишком мало знаком с догматикой христианства, чтобы высказываться по этому вопросу. Это бы полбеда. Я опасаясь, что я плохо представляю себе и глубинную сущность христианства, и поэтому мои высказывания будут лишь высказываниями плохо осведомленного дилетанта. Что ж, в этом случае так их и примите: «И не оспаривай глупца»...

Думать о том, что весь ход наших мыслей лежит в разных плоскостях, меня заставляют Ваши суждения об атеизме. То, как Вы описываете его в реферате, показывает, что Вы просто творите атеиста по своему образу и подобию. Вы вводите в мир атеистов какой-то «Высший интеллект», «сверхчеловеческое Сознание», его «равнодушно-жестокий взор», «кошмарный смысл», «ужас». По сути религиозная, а не атеистическая концепция Мира: Вселенная и нечто вне ее, взирающее на нее.

Истинный Мир атеиста (пользуюсь этим словом только в его простейшем смысле — не верующий в Бога, — без всяких наслоений, которые уже приобрел этот термин) — не имеет с этим ничего общего. Видимо, ощутить этот Мир изнутри для Вас так же невозможно, как мне — ощутить изнутри Мир христианина. Мир атеиста — это Мир, детерминированный законами природы, и только ими, принципиально лишенный чего бы то ни было внешнего по отношению к нему. Мир, которого частицей являемся и мы сами, Мир, в принципе познаваемый и понимаемый нами. Этот Мир *творит сам себя*, и никто внешний не вмешивается в него и не наблюдает его, будь то сострадающе или равнодушно. И радостно сознавать, что мы, частица этого Мира, — *в силу*

одного этого! — тоже непрерывно участвуем в этом акте самотворения Мира! Каждый из нас, если хотите, немножко демиург. Верно и то, что эту функцию творения Мира мы разделяем и с любой иной частью этого Мира. Но, в отличие от нее, мы, во-первых, создаем эту свою функцию демиургов, а во-вторых, способны ставить себе цели творения. Таковы особенности человека. Этим он не «хуже» и не «лучше» всего прочего материального Мира. Просто он таков есть. В этом его функция. Он, если хотите, орган самопознания Мира.

Не знаю, сумел ли я сжато изложить, что такое Мир атеиста. Видимо, нет. Я этот Мир вижу изнутри, а Вы неизбежно будете смотреть на него со стороны. Но для меня этот Мир не ужасен, а радостен. Человек в этом Мире заслуживает уважения, ценен сам по себе, не потому, что он творение Бога, создан по Его образу или подобию, или вступает через Богочеловека в некую мистическую связь с Ним. Человек ценен автономно, только в силу того, что он Человек.

В историческом прошлом наиболее приближается к этой концепции концепция Ренессансного человека. XX век, существенно прояснивший точным знанием место Человека во Вселенной, дает для нее более серьезные основания.

Мы поняли, насколько неантропоцентрична Вселенная. Мы поняли, насколько относительно слаб и беззащитен в этой Вселенной Человек, сколь скромное место он занимает в мире. И одновременно мы поняли, что эта капля протоплазмы сама в себе обретает силу, достаточную, чтобы познать бесконечный Мир и даже изменять его. Это ли не вызывает уважение? *Легко быть сильным, легко быть Демиургом, если ты Бог. Труднее быть демиургом, если ты Человек.* Видимо, Вы помните старое стихотворение Дм. Мережковского (его у меня нет под рукой и, как обо всем, я пишу по памяти) о том как

...Шла толпа бродяг бездомных

К водам Ганга из далеких стран.

Непогода загнала их в буддийский храм, где они увидели статую Будды с огромным алмазом во лбу. И бродяги подумали о том,

Сколько хлеба, серебра и платья

Им дадут за дорогой алмаз

и решили взять его. Попытка эта вызвала громы и молнии, негодование божества. Но вожак их не испугался этого и смело выступил вперед, говоря:

Владыка Неба — Ты неправ!

И пристыдил Божество, ставящее почитание Себя выше страдавший «малых сих». Я не припомню всей его речи, но

Он умолк, и чудо совершилось:

Чтобы взять алмаз они могли,

Изваянье Будды преклонилось

Головой венчанной до земли.
Бог, великий Бог лежал в пыли.

Мне это стихотворение представляется весьма значительным. Позиция Человека явно достойнее позиции Бога. Он не имеет молний и все же решается бросить Ему вызов.

Нет, не абсурд, не ужас, не отчаяние — позиция атеиста. Это позиция законной гордости, понимание самоценности и бесконечная радость познания. Это страшно интересно, прямо-таки дух захватывает — быть инструментом самопознания Мира.

Вы, однако, правы, предлагая атеисту переименовать себя в агностика. Действительно, помнится, еще со времен Канта известно, что бытие Божие нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Поэтому, строго говоря, я действительно *не знаю*, есть ли Бог. Казалось бы, при позиции незнания обе платформы, верующего и атеиста, должны считаться равноценными. Но это не так. Вы должны смириться с тем, что Вы имеете дело с естествоиспытателем, с человеком научного склада мышления. Так вот — со средневековья, со времени становления современной науки, ученые всех веков и народов в своей деятельности руководствуются принципом, известным под названием: *брита или лезвие Оккама*. Он гласит: сущности не должны умножаться беспредельно. В расшифровке это означает — если факты не принуждают меня признать наличие некоей новой сущности, я не должен вводить ее в свои построения. В противном случае, если я, без оснований ввожу в свои построения сущность А, то почему бы мне не ввести и сущности В, С, D и так далее до бесконечности. Есть ли у меня основания вводить в мою концепцию Мира сущность «Бог»? Таких оснований у меня нет.

Кажется, Тьюринг в попытках определить, что такое разум, предлагал следующий эксперимент. Пусть за непрозрачной стенкой находится нечто: кибернетическая машина, Человек, или что-либо еще. Мы вступаем с ним в общение. И если по поведению этого «Нечто», которого мы не видим, мы не сможем отличить его от человека, то это нечто — разумно. Короче: разум — это то, что ведет себя разумно.

Так вот — воспользуемся тем же методом: *Мир, который мы наблюдаем, ведет себя так, как если бы Бога не было*. В этой связи вспоминается четверостишие Тютчева о «природе-сфинксе»:

...никакой от века

Загадки нет и не было у ней.

Это разумеется, не доказательство. Это обоснование выбора. Если я получу в руки факты, необходимые для введения новой сущности «Бог», я не поколеблюсь изменить свою позицию. К этому меня побуждает честность ученого. Пока же таких фактов нет.

Все это я написал, чтобы Вы лучше поняли, что такое атеизм.

Боюсь, что слабо написал. Ну, если Вы захотите, в дальнейших письмах мы обсудим еще эту тему.

До сих пор речь шла о приятии или неприятии концепции Бога. Я согласился с Вами, что термин «агностик» здесь вернее, ибо *неприятия* Бога у меня нет. Просто нет оснований для приятия Его. Теперь перейдем к религии. Я намеренно разделил эти два вопроса, ибо понятие «религия» включает в себя многие исторические, социальные, этнографические и другие наслоения. В понятии «религия» — не только Бог (если даже допустить Его существование), но и отношение людей к Нему и между собою.

Так вот, религия (а не Бог) для меня активно неприемлема по основаниям нравственным. Вас это удивит, ибо традиционно религия считается основанием всякой нравственности. Постараюсь объяснить.

Обращение к истории всех времен и народов убедительно показывает, что между религиозностью и нравственностью отдельного человека нет никакой связи. Примеров несть числа. Инквизиция и Борджиа, «обращение» индейцев и рептильность церковной иерархии, «неправославность православия», о котором Вы пишете, и мерзости сектанства ... Да что говорить! Это крайние проявления, но и не в столь диких формах — сколь много безнравственных христиан! И сколь много нравственных атеистов!

Социологические обследования не проводились, конечно, по этому вопросу, но если бы они были проведены, то, видимо, результат был бы прост: нравственность и безнравственность равно распределены среди верующих и неверующих. Религия и мораль (в лучшем случае) — величины независимые. Человек морален или нет не потому, религиозен он или нет. Этого своего впечатления я пока не могу, конечно, подкрепить точными цифрами, но и Вы не можете. Примеры — всегда только примеры.

Для доказательства моральности религии (конкретнее — христианства) обычно указывают на декалог. Он действительно в наиболее концентрированной и четкой форме формулирует основания общественной нравственности. Но вот что интересно — основные положения декалога с малыми вариациями повторены в моральных кодексах всех религий и даже нерелигиозных социальных учений. Это одно заставляет заподозрить, что дело не в богодухновенности декалога, просто он фиксирует основания естественной нравственности.

Не хочу уходить в сторону и обсуждать, что такое естественная нравственность. Выскажу лишь мою позицию биолога (ибо я не только астроном, но и биолог): естественная нравственность, равно как и естественное право — это сумма норм поведения, максимально способствующая сохранению человека как биологического вида *Homo sapiens*. Человек в своем эволюционном пути от стадного животного к

разумному социальному организму не потерял же в конце концов своей биологической природы! Основной закон сохранения биологического вида распространен и на него: вид должен увеличивать свою численность, расширять свой ареал, регулировать численность (плотность) особей так, чтобы индивидууму обеспечивался необходимый минимум средств существования. Все это требует от вида и определенных норм поведения, которые вырабатываются методом проб и ошибок. У животных — это жесткие законы иерархии в стаде, у человека — социальный опыт, фиксированный сначала в устных, а затем и в письменных преданиях.

Так что самое наличие декалога не есть еще свидетельство его богодухновенности. Им было бы то обстоятельство, что верующие в особой степени строго следуют ему, что вера повышает их мораль. Этого мы не видим.

Это о прописных истинах нравственности. Но религиозное мироощущение добавляет к ним и еще некоторые моменты, по сути своей аморальные и для меня неприемлемые абсолютно. Их, как минимум, два. Первое — это идея воздаяния. Идея рая и ада. Сама мысль о плате, воздаянии вводит в мораль, в поведение — корысть. Это уже безнравственно с моей точки зрения. Я, видите ли, должен быть честным и смелым, добрым и щедрым потому, что мне за это заплатят! Неважно, в чем эта плата состоит, неважно, что ею является спасение души. Плата велика, но это *плата*. И какие хитросплетения слов ни создаются вокруг идеи воздаяния, абсолютное большинство людей во все века воспринимали ее именно так. И чем проще человек, тем проще и воспринимает он эту идею. Отсюда такие крайности, как убеждение в возможности купить вечное блаженство — купить за деньги. Отсюда индульгенции и пожертвования на храмы, да и та торговля у свечного ящика, о которой Вы с возмущением пишете. Это примитив. Но и в самом непримитивном, возвышенном варианте, суть остается той же.

Это — развращающая, аморальная идея. Человек же должен быть нравственным не потому, что он **что-либо** получает за это, а без всяких условий. В конечном счете нравственность должна быть укреплена на уровне инстинктов, человек должен быть воспитан так, чтобы он не мог быть ненравственным. Идея воздаяния мешает этому. Она сводит мораль на одну доску со всем, что продается и покупается. А раз так, вопрос идет только о цене.

В тесной связи с этим находится и идея страха. Человек должен «бояться» Бога. В какие кавычки ни ставь это слово, но это все-таки слово «бояться»! Мы и так слишком много боимся. Человеку ли создавать себе лишние жупель? Богу ли хотеть, чтобы Его боялись? Невозможно понять, почему отношения между Всемогущим и смертными

должны строиться на такой основе! Велика ли честь для Всемогущего, что Его будут бояться существа несоизмеримые с Ним по силам, существа — Его же творения? Есть ли чем гордиться Демиургу, создавшему пребывающие в страхе существа?

Прошу простить мне это сравнение, но мир, построенный на такой основе, слишком напоминает лагерь. Идея «воспитания» та же: взыскание — поощрение, в зависимости от поведения. Несостоятельность такой системы давно уже подтверждена всем ходом истории.

Второй круг идей, для меня абсолютно неприемлемый — это идеи, связанные с понятием покорности. Основная идея, питающая другие, дочерние идеи — это идея покорности Богу. «Все в руце Божией». Как всегда в авторитарной системе, возникают и более низкие уровни, также требующие себе подчинения. И идея покорности освящает и их: «нет власти аще не от Бога», «Воздайте Кесарево — Кесарю» и т. д.

Самое страшное в идее покорности Богу — это не она сама по себе, а то, что ею воспитывается своеобразное миропонимание. Если человек однажды позволил себе покориться, не рассуждая, покориться абсолютно, то это погибший человек. Душу, разъеденную покорностью, очень легко подвести под любое другое ярмо. Лиха беда начало! В этом смысле религиозное мироощущение и мироощущение тоталитарных идеологий до страшного близки. «Не сомневайся!». «Верь!». «Те, кто выше тебя, лучше тебя». Крайности сходятся, несмотря на отмеченные в истории резкие конфликты. Но это конфликты не противников, а конкурентов.

В этом смысле религиозное и тоталитарное мышление совокупно полярны научному. Научное мышление все основано на праве сомнения. Все есть предмет проверки и критики. Ничто не должно быть воспринято на веру. Евангельский прообраз научного мышления — апостол Фома.

Вот здесь мы, пожалуй, подошли к центральному пункту нашего несогласия. Человек поверил в Бога. Казалось бы, надо радоваться, ведь Бог — это Бог. Но вот беда. Единжды допустив возможность беспредельной, безусловной веры, человек в принципе допускает возможность и других вер, вер в то, что отнюдь не Бог. И человеческая история показывает, что эта принципиальная возможность *всегда* осуществлялась. Такова уж структура человеческого мышления. Этим можно огорчаться, но нельзя этого не констатировать.

Это чувствовали и сами основатели религий. Призыв — «не сотвори себе кумира» — не случаен. Авторы его понимали, что верующий человек очень расположен верить еще и в любое иное, более близкое и понятное ему, верить в кумир. Это неизбежно диктует ему структура его мышления. И это тот призыв, который во все века оставался

безуспешным. Люди творили, творят и еще долго будут творить себе кумиры, пока не будет понято одно — высшая ценность для человека — это Человек. И ничто вне его, ничто над ним, ничто рядом с ним...

До сих пор шла речь об обобщениях. Позвольте мне теперь очень кратко коснуться некоторых моих личных живых наблюдений последних лет. Они сделаны в здешних, весьма своеобразных условиях. И своеобразие их в том, что они очень быстро обнаруживают истинную сущность людей и идей. Все хорошее и все плохое скорее чем где-либо достигает здесь своего крайнего выражения. Это обычное свойство трудных условий. Так вот — если я сейчас настроен так резко, как Вы почувствовали из этого письма, то львиная доля этих настроений — результат знакомства и наблюдений над местными верующими.*

Как правило, вера всегда влечет за собою безудержный, агрессивный шовинизм. Идея особой роли России, призванной нести через православие свет всему миру, тут же приводит к злему глухому непониманию нужд и забот любого другого, не-русского человека. Мне, русскому, стыдно за таких верующих, но, увы, среди здешних русских — именно они большинство, почти абсолютное. Я, со своей совсем иной оценкой, тут практически один. Но тем более мой долг показать, что бывают и иные русские.

Далее, уверовавший человек, здесь как правило, уходит «в никуда». Он замыкается в себе, забывает все некогда одушевлявшие его идеи, становится пассивным. Фактически умирает для других людей. «Все суета сует». «Все что есть — это по воле Божией, и надо подумать, за какие грехи на нас ниспослано это наказание». Удивительно удобная позиция, выгодная позиция, но кому? И вот еще любопытно — это позиция, доставляющая определенные выгоды и самим этим людям, чисто земные выгоды.** Ведь идея воздаяния распространена широко. И нет ли в этой позиции, гласно основанной только на религиозных понятиях, еще и некоторой доли, пусть неосознанного, но лукавства? Желания спокойно жить? И религия лишь обеспечивает для этого удобное прикрытие?

* *Примечание 1977 г.: По выходе из заключения я прочел создававшиеся почти в то же время «Дневники» Эд. Кузнецова. Близость наблюдений и оценок поразила меня. Среди них такое: «Характерно, что ничто так не отверщает от религии, как личный — особенно камерный — контакт с верующими».*

** *Примечание 1977 года: Речь идет о простом — лагерная пассивность, неучастие в протестах в политическом лагере уже вознаграждается: человек избегает суровых наказаний, получает дополнительные свидания, посылки и т. п. Это малое для многих в лагере становится крайне значительным. Увы...*

К этой, если так можно выразиться, социальной черствости добавляется еще и черствость личная. Я был свидетелем, как тяжелый кризис, развивавшийся в одном из наших друзей, не только не вызвал тревоги в этих верующих, но, напротив, вызвал радость, ибо эволюция шла в их сторону. «Исаия, ликуй!»... Ничего не помогало, даже мои мольбы, чуть ли не со слезами на глазах, поберечь человека, быть с ним повнимательнее. Пока не грянул гром.* Где же эта, даруемая верой, чуткость, открытость сердца?

В данном случае нет речи о том, что это индивидуальные особенности людей, безотносительные к их вере или неверию. Судьба поставила чистый эксперимент. Я лично наблюдал нескольких людей в течение более года и с ужасом убедился, как менялся на глазах человек, некогда бывший буквально средоточием всего лучшего, что может быть в человеке: честности, мужества, бескомпромиссности, доброты, мягкости... И все это все больше и больше отмирало в нем по мере того как катастрофически усиливалась в нем религиозность.

Ваши письма, в частности, вызывали у этих людей очень большой интерес, но при этом — резкое несогласие. Многие их возражения касаются чисто церковной проблематики, мне непонятной. Но вот: Ваше утверждение о том, что Ганди более близок к Богу, нежели Иван Грозный, вызвало протест, близкий к ужасу. Боюсь, что Вы для них — неправославный.

Но это заметки в сторону. Частности и личные наблюдения. Хотя и небезыңтересные, на мой взгляд.

Так как же с «анонимным христианством»? Я горжусь Вашей оценкой, оценкой одного из самых мною уважаемых людей, хотя и понимаю всю ее незаслуженность и преувеличенность (без скромности, просто реально оценивая себя). Буду лишь стараться в будущем стать достойным Вашего мнения обо мне. Но не могу согласиться с титулом «анонимного христианина».

Казалось бы, почему? Ведь, как бы мы ни спорили между собою, нас с Вами одушевляет одна мораль, одни стремления, одно дело, одни

*Примечание 1977 г.: Всего за два месяца до написания этих строк один из лучших людей в лагере, юноша чистойшей души и мужества, заболел — с явными признаками религиозной мании (самый распространенный в лагере вид душевной болезни). Кризис разразился в одну ночь: человек бросился на колючую проволоку запретной полосы, под пули охраны, а затем пытался покончить с собою, к счастью безуспешно. Верующие, ликовавшие по поводу его духовной эволюции, позднее горько каялись в своей слепоте. Но лишь позднее... Фамилий никаких я не называю намеренно. Участники событий, если прочтут эти строки, узнают всех персонажей и — себя.

идеалы. Так ли уж важно, как их назвать? Важно, ибо исторически со словом «христианский» сцеплено многое такое, чего принять я не могу. А человеческая психика устроена так, что принимает понятие в целом, таким, как оно сформировалось в истории. Назвав кого-либо христианином, пусть даже анонимным, Вы тем самым в глазах других людей создаете его вполне определенный облик, отличный от того, который Вы сами себе представляете и который действительно имеет место. Слово имеет самодовлеющую силу и пользоваться им надо осторожно.

Ваше понимание мне импонирует. Название это в *Ваших* устах — для меня честь. Но что будут вкладывать в это другие уста? Боюсь, что *Ваших* единомышленников будет среди них мало.

Все, что я писал до сих пор о религии, конечно, в первую очередь относится к христианству, к религии, с которой я знаком более, чем с другими. Хотя знаком, конечно, очень мало, так что не могу, конечно, сказать, что, по Паскалю, проверил документы на право владения со всей тщательностью. Но если «проверять документы» христианства, то почему бы не проверить и документы других религий? Мусульманства? Буддизма? Индуизма? Отбросить любую из них — значит сделать выбор до проверки, и тогда сама проверка теряет смысл. А «проверить документы» всех, даже крупнейших мировых религий — на это не хватит ни жизни, ни сил. Тут уже нужен другой образ: не знакомиться с документами на право наследства, а перерывать огромный архив, в котором, возможно, находятся такие документы, а возможно и нет. А ведь пока я разрываю архив, я мог бы возделывать свой виноградник! По-моему, ситуация именно такова.

Вы абсолютно правы, говоря о том, *что должен быть некий высший смысл в том, что сильному человеку не дается откровения религиозной веры*. Я тоже думаю, что такой смысл есть. И поскольку направление развития человечества — желаемое и действительное — в сторону увеличения числа людей сильных (духовно, речь идет и у Вас и у меня, конечно, не о сверхчеловеках), то каковы же исторические перспективы веры?

И если принять Вашу концепцию свободного Мира (все же, вопреки *Вашим* заверениям, мало отличающуюся от концепции деистов), если принять (на минуту), концепцию Верховной воли и Создателя, то не приходим ли мы к выводу, что Бог *не хочет*, чтобы людн были верующими. Когда они росли, Он давал еще им подпорку, но теперь, скажет Он, Вы взрослые, перестаньте же цепляться за материнскую юбку. Ведь вы — людн!

Видите, — и *Ваша* и моя концепция Мира в итоге не так уж и расходятся. И — это главное — они диктуют нам общую линию поведения, общие оценки Мира, в котором мы живем, общую мораль. Они дикту-

ют нам не разделение, а сближение. И это — в конце концов главное. Давайте работать рука об руку, уважать друг друга, не пытайтесь зачислить друг друга по своему ведомству. Ведь в этом и состоит великий принцип демократии, что все воззрения, все идеи, все концепции, не претендующие на уничтожение других, равно уважаемы и имеют абсолютное право на жизнь. Будем уважать друг друга не потому, что мы одинаковые, а потому что мы разные!

Вот вкратце то, что мне хотелось бы ответить Вам в связи с Вашим рефератом. Перечитывать письмо я не стану. И так я чувствую, что, видимо, я Вас огорчил. Но что делать, дорогой Сергей Алексеевич, — ответив иначе, я был бы неискренен. Это было бы много хуже. Кроме того, я уверен, что Вам, при широте Ваших взглядов, написать так можно и должно. Еще раз прошу все-же меня простить. Я очень люблю Вас лично, и мне было бы очень больно, если бы наши теоретические разногласия создали бы облачко в наших отношениях. Вы уж простите меня как христианин: не могу я быть иным...

10. 7. 1974.

Искренне Ваш, в ожидании ответа

Р. С. Очень благодарен Вам за те эссе, статьи и речи, которые Вы прислали мне. Большое впечатление произвела на меня речь Златоуста. Это действительно сильнейшее и поэтическое произведение. Еще раз спасибо. (*Примечание адресата: разговор о Пасхальном слове Златоуста*).

Эссе М. Бубера ценно центральной мыслью, но выражение ее недостойно самой мысли. Слабовато. От Бубера можно было ждать большего. (*Примечание адресата: «Здесь, где ты стоишь» М. Бубера*).

Что касается притчи Честертона, то она выдает лишь одно — полное непонимание автором предмета, о котором он пишет. Он обыгрывает научные открытия начала века, но обыгрывает неграмотно. Поэтому для физика вся притча стреляет мимо цели. (*Прим. адресата: «Розовый куст» Г. Честертон*).

Свящ. С. А. Желудков — К. А. Любарскому

(серия писем)

Глубокоуважаемый Кронид Аркадьевич!

Приношу Вам сердечную благодарность за письмо. Мне совестно — Вы так тревожитесь, что причините мне боль. Нет, поверьте, Ваше драгоценное письмо причинило бы мне только радость — если бы не боль при мысли о Вашей скорбной судьбе.

Благодарю Вас за корректную орфографию величайшего из слов и его местоимений. Вообще полемической вежливости надо у Вас учиться. Чтобы не пропустить ничего, я буду отвечать Вам последовательно по тексту вашего письма. Ответ мой будет в нескольких письмах.

С приветом и наилучшими пожеланиями...

30. 7. 74

†

Глубокоуважаемый Кронид Аркадьевич!

Теперь моя очередь опасаться — как бы не слишком огорчить собеседника. Но мы ведь условились, что у нас — мужской, мужественный разговор. А мужество Ваше уже прошло самые тяжелые испытания.

Мне очень не по себе в описанном Вами «мире атеиста». У меня острое чувство подавленности, несвободы. Почему это мне запрещается подумать о физической Вселенной «извне», почему я должен обязательно принять как аксиому, как догму, что действительность заключается только в физической Вселенной? И даже если говорить

пока только о ней — почему запрещается иметь понятие о Высшем Интеллекте? Когда ученый открывает закон природы и мы восхищаемся его интеллектом — как же тут не подумать о Высшем Интеллекте, который «установил» эти столь премудрые законы? Как согласиться, что для этого не требовалось никакого ума? Эйнштейн написал (цитирую по выписке из книги К. Зелинга): «Моя религия — это глубоко почувствованная уверенность в существовании Высшего Интеллекта, Который открывается нам в доступном познанию мире». Правда, он тут же назвал себя «пантеистом», в чем был уже догматизм. Но столь же догматично и отрицать само это естественное понятие о Высшем Интеллекте. Или вот эта Ваша декларация, что «мир творит сам себя»: для меня это — совершенно мистическое выражение, в котором я не чувствую мистической правды. Правда же рациональная заключается в том, что одинаково непостижимы для обычного нашего разума оба предположения — что мир сотворен и что мир не сотворен.*

Подождать с догмами, остановиться перед тайной, — в этом *свобода агностика*, и Вы признаете правомерность этой позиции — но тут же спешите уйти с нее обратно в мир догматического атеизма. Ссылаетесь на Вашу честность ученого. Но позвольте напомнить, что есть другие ученые, и притом самого высокого класса, которые свидетельствуют, что наука не запрещает им не быть атеистами. И даже напротив — некоторые заявляют, что наука-то и направляет их к религии. Мне запомнилось имя Нобелевского лауреата А. Комптона, который написал об этом очень просто: «Гипотеза о разумном Божестве дает более приемлемое объяснение Вселенной, чем любая другая гипотеза». Нашел эту выписку — это из сборника «Современные религиозно-философские течения в капиталистических странах», М. 1962, стр. 32. В этом же сборнике на стр. 124 приводится изложение взглядов реакционного философа Эмиля Жирардо: «...Сама наука толкает нас к познанию некоей мистической среды, которая не поддается рациональному познанию и не укладывается в рамки логических категорий. Раскрывая перед нами несравненно более богатую и более сложную, чем это предполагалось ранее, природу, наука напоминает нам об уважении к трансцендентности и к могуществу мистики. Позволяя нам прогрессировать в изучении реальности, наука толкает нас к познанию «ультрареальности», т.е. того, что мы оцениваем как метафизику. Бессилие физики, в частности атомной теории, объяснить существующую гармонию мира, заставляет нас предположить иной первоначальный Принцип, чем материальное начало»... В послесловии к переводу книги «Симметрия» Германа Вейля (М. 1968) излагается суждение автора, что «именно наука и особенно математика открывает для мыслящего человека путь к Богу». Разу-

меется, это — не доказательства; но это достаточные свидетельства, что совсем не обязательно ученому быть атеистом.

Вы подчеркиваете: «*Мир, который мы наблюдаем, ведет себя так, как если бы Бога не было*». Но позвольте заметить: в понятие «поведение мира» разве не входит и *религиозный опыт* человечества? Пусть он выражен не на языке науки; но объявлять его иллюзорным — это значило бы решать вопрос догматически. Верующий может возразить, что связи Бога и мира бесконечно таинственны — невидимы для науки. Бог — это не предмет, не «новая сущность» для естествоиспытателя. Бог выше всякой сущности и всякого определения. *Если бы Бога не было, то и ничего бы не было*. И вместе с тем мы можем уверенно догадываться, что вмешаться в «поведение мира» насильственно — для Бога значило бы *разрушить свой мир*, свой замысел свободного мира... Если представить эти доводы на суд агностика — он должен будет признать их уважительными. Я думаю, что «вопрос о Боге» должен всегда оставаться под знаком вопроса — в принципиальной нерешаемости.* Продолжение следует.

С величайшим уважением

31. 7. 74.

†

Глубокоуважаемый Кронид Аркадьевич!

Продолжая изучение мира атеизма, я обращаюсь к его ценностной, как Вы выражаетесь — нравственной характеристике.

Вероятно, Вы не будете возражать, если в целом Ваше мировоззрение определить как оптимистический безбожный гуманизм. «Высшая ценность — Человек». Какой Человек? Конечно, Вы имеете в виду не белокурую бестию. Везде по тексту Вашего письма видно, что критерий ценности для Вас — «*нравственность*». Если Вы разрешите, можно перевести это на общий язык нашего разговора так: *духовная красота*.

В гуманизме христианском, в Христианстве веры духовная красота называется *святостью* и ей принадлежит верховное владычество над всем бытием. Идеал человечности для нас — Христос, Сын Божий. В таинственной общности с Ним все мы, каждое лицо человеческое, надеемся на Вечную жизнь.

С такими идеями христианства я вхожу в мир гуманизма безбожного — и что же я здесь вижу: я вижу, что духовная красота, идеальная человечность здесь поругана, повержена в прах. Христос умер и не воскрес, и все мы приговорены к вечной гибели. Говорят, что пусть мы умрем — зато будущие поколения возрадуются чему-то на наших могилах. Но еще праведный Иов надеялся: «Мои глаза, *не глаза другого*, увидят Его»... Нам предлагается верить, что *глаза другого* увидят за нас что-то уж такое хорошее, чего и описать невозможно. Но увидят они то же самое, что и мы — свою смерть.

Где же этот Человек с большой буквы, высшая ценность бытия? Оказывается, что его нет — что это только обозначение суммы нулей, суммы смертей личного существования. А без личности нет и человечности. И даже обходя проблему личности, говоря о человечестве только собирательно, даже только физически: «Если нет Бога, нет Вечности — то нет и человечества. Ибо вот — и в Вечности его нет, и на земле его нет, на земле только дежурное, в свою очередь исчезающее поколение. А *все человечество* оказывается суммарно не на земле, а в земле — этой нашей общей могиле.

Есть ли нравственный смысл в этом царстве смерти? Только один пример. Вот человек страдает за правду, страдает вполне бескорыстно, не ожидая себе никакой Вечности, — и это в высшей степени нравственно, прекрасно. Но то, что он не увидит Вечности, будет уничтожен — это в высшей степени безнравственно, чудовищно безобразно, и с этим я никак не могу примириться. Я готов бываю иногда примириться с моим личным уничтожением, но с уничтожением Христа я не могу примириться. И с Вашим уничтожением я не могу примириться. *Такой мир не достоин существования, выражаясь на Вашем языке — это мир безнравственный.**

Итак, я имел основание, воображая себя в мире атеизма, испытывать чувство ужаса, сознание абсурда человеческого существования. Но вот, я читаю — Вы не унываете, Вам интересно жить, радостно жить... Правильно поступаете. Ибо и я-то ведь только воображал себя в мире ужаса и абсурда. С точки зрения верующего я думаю, что у Вас — очень здоровая душевная конституция, и в оптимизме Вашем действует природная и сверхприродная сила Вашей человечности.

.....

Глубокоуважаемый Кронид Аркадьевич!

Далее в Вашем письме Вы обращаетесь к критике религии — и здесь Ваши соображения весьма актуальны для нас, верующих. Мы находимся, как это можно назвать, в «теоретическом кризисе» Христианства веры. Говорю это в нестрашном смысле — в кризисе усовершенствования и развития. То, что на Западе так кощунственно, нелепо называют «смертью Бога», в действительности есть отмирание негодных религиозных представлений. «Бога мировая война убила», — говорит кто-то в романе «Тихий Дон». Фактически же войны и все наши беды XX века убили не Бога, а убили в нас ложное представление о Боге, что Он будто бы всем этим повседневно распоряжается и во всем этом виноват... Кто-то из протестантов на Западе писал, что нам следовало бы на некоторое время вообще воздержаться от употребления самого этого слова «Бог» — чтобы освободить его от наших привычных ложных и пошлых ассоциаций. Другой кто-то выразился в том смысле, что на обычном понятийном языке говорить о Боге нельзя, что так мы способны сказать о Нем только глупости... Увы, о современных движениях христианской мысли мы узнаем только вот так отрывочно из сообщений примитивной антирелигиозной литературы.

Наши условия таковы, что в лучшем случае мы оказываемся способны заново изобрести велосипед. По всей вероятности так надо сказать и о столь радостной для меня идее Церкви доброй воли, а может быть и о ее графической символизации (действительно похожей на велосипедное колесо). Изобретение это имеет прямое отношение к тому, что Вы пишете о независимости религии и морали.

Я слишком необразован, чтобы критически рассмотреть Ваши биологические идеи о происхождении морали и библейских Десяти заповедей. Покажу это специалисту. От себя только замечу, что глупо неверно называть ветхозаветные заповеди Христианством.

В исторических же примерах и житейских наблюдениях Ваших — сушая правда. Один мой приятель писал так, что если бы ему случилось попасть на необытаемый остров, он предпочел бы иметь товарищем все-таки верующего, чем атеиста. Он рисковал жестоко ошибиться. Смотря какой верующий и какой атеист. Имею великую честь лично знать людей героически высокой нравственности — академик, генерал, литераторы, врачи, математики, физики, столь быстро освоившие юриспруденцию: и вот — почти все они называют себя атеистами.

Но нельзя отрицать и той правды, что все такие наблюдения — только моментальные фотоснимки, по которым нельзя выносить однозначных суждений. Наши предки живы не только «на том свете» — они живут в нас самих, душа уходит корнями в глубины рода. Прекрасные цветы нравственности тех, кто называет себя атеистами, взошли на почве христианской семьи и христианской культуры. Грандиозный эксперимент антирелигиозного воспитания еще только в самом начале. Не знаю, как относитесь Вы к Достоевскому: кое-в чем конкретном он очень ошибся, но ведь многое он и предчувствовал в принципе абсолютно верно. И вот, он написал: «Если Бога нет, то все позволено». А в записную книжку внес для памяти: «Без Христианства же человечество разложится и сгниет»... Есть отдаленно похожее суждение о Пьера Тейяра де Шардена — почти не помню слов, передаю смысл так, как я его понял: если Человек не будет иметь личного бессмертия в Вечности — он должен будет «забастовать», отказаться возглавлять Эволюцию.

Итак, вопрос остается неясным. Обратимся далее к Вашей критике религиозных идей страха Божия и загробного воздаяния.

Еще в IV веке святитель Григорий Богослов писал: «Мне известны три степени в спасаемых: рабство, наемничество и сыновство. Если ты раб — то бойся побоев. Если наемник — одно имей в виду: получить. Если стоишь выше раба и наемника, даже сын — то стыдись Бога как Отца. Делай добро, потому что хорошо повиноваться Отцу. Хотя бы ничего не надеялся получить — угодить Отцу само по себе награда» (слово 40)... Как похоже это на то, что Вы пишете. Три ступени духовного восхождения и три мотива: у раба — *страх*, у наемника — *плата*, у сына — *любовь*. Идея страха и воздаяния в священном Писании имели не абсолютное, а исторически-воспитательное значение. По выражению Н. А. Бердяева, так преломлялся свет Откровения в темной природно-исторической среде человечества. Например, сравните образы: «Бог» первых страниц Библии, Который испугался, что люди достроят башню до небес и смешал их языки — и Бог Христианства, Который так возлюбил людей, что Сам сошел с небес и стал Человеком...* И в дальнейшей истории, уже в самом Христианстве, совершилось и совершается развитие религиозного сознания. В XIII веке прославленный Фома Аквинат додумался написать, что блаженством праведных в раю будет наслаждение от созерцания мучений грешников...* А сегодня мы читаем об этом с чувствами недоумения и возмущения. Так просветляется и очищается религиозная мысль. В последнем примере особенно явственно видно, как (опять это мысль того же Философа) люди проэцируют на религиозные представления собственную свою бесчеловечную жестокость.

Но позвольте обратить Ваше внимание, что идеи страха и воздаяния имеют также и нравственно-положительное значение. Бывает очень светлое чувство великого уважения — нравственного страха, например, перед родителями. Или боязнь оскорбить, опечалить любимого человека. Почему нельзя в этом смысле без всяких кавычек *бояться Бога*? И в идее воздаяния есть глубокий нравственный смысл, — это ведь идея справедливости. Опять вспоминаю мир атеизма: несправедливо и безнравственно будет, если за святую жизнь человек получит лопух на могиле... А в идее ада — великая истина: это не воздаяние извне, ад мы сами создаем себе здесь и уносим в Вечность. Гоголь писал о воспоминаниях — «страшилищах». А какое воспоминание у Пушкина! Вот это ад! У Достоевского в получении старца Зосимы ад — не внешнее воздаяние, а внутреннее свободное переживание. Известно, что Достоевский читал творения преподобного Исаака Сирина (VI в) и, может быть, Вам будет интересно, что этот святой писал об аде. «Говорю же, что мучимые в геенне поражаются *бичем любви*. И как горько и жестоко это *мучение любви*! Ибо ощутившие, что согрешили против любви, терпят мучение, большее всякого приводящего в страх мучения: *печаль*, поражающая сердце за грех против *любви*, страшнее всякого возможного наказания. Неуместна человеку такая мысль, что грешники в геенне лишаются любви Божией. ...Но *любовь* силою своею действует двойко: она *мучит* грешников, как и здесь случается *другу терпеть от друга*, и веселит собою соблюдавших долг свой. И вот, по моему рассуждению, таково есть геенское мучение: оно есть *раскаяние*». Итак, в идее ада — великая истина свободной духовной жизни, и идея эта делает честь человеку, который способен так мучиться. Избавление от *страшилищ*, способность *принять прощение* — это «будущее чудо» есть одна из главных надежд Христианства.

Продолжение следует. Примите сердечный привет.

2.8. 74

†

Уважаемый Кронид Аркадьевич!

Идея покорности Богу особенно Вас возмущает. Но прошу Вас выслушать и ее защиту. В известном письме к брату А. П. Чехов одобряет смирение перед Богом. И почему это, скажу я, мы должны непременно скандалить, бунтовать против Бога? У нас достаточно примеров, когда человек бунтует против Бога — и покоряется всякой

мерзости в себе и снаружи. Бунтовать против Бога — это значит бунтовать против Святыни, против Любви, против Красоты, против Свободы... Да, против Свободы — ибо истинная воля Божия в том и состоит, чтобы человек был свободен. Это опять слова названного раньше христианского Философа. О, если бы люди покорялись Богу — не знали бы они никакого тоталитаризма.

Вы только отчасти правы в том, что ложно понятая идея покорности Богу освящала покорность властям человеческим. Упомянутый Философ указал, что наоборот — люди на образ Бога переносили свои социальные категории господства и власти.

Вижу необходимость рассмотреть вопрос с этим трудным изречением апостола Павла о властях. Вот оно в контексте: «Всякая душа да повинуется властям предрержащим: ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению: а противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, а для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее. Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь злое — бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание творящему злое. И потому надо повиноваться не только из страха наказания, но и по совести»... Весь этот текст — одно из самых ясных указаний священного Писания на то, что нельзя воспринимать священное Писание безрассудно, законнически-абсолютно.* Кто-то остроумно заметил, что и диавол в пустыне употребляет священные тексты, искушая Господа. Евангелия, апостольские послания — это не гранит и не бронза, это живое слово, сказанное в конкретных обстоятельствах живой истории. Вот как было сказано и это: «Отдавайте кесарю то, что принадлежит кесарю, и Богу — то, что принадлежит Богу». Вы цитируете только первую половину фразы, а она произнесена вместе со второй в ответ на злую провокацию, и звучало это примерно так: платите языческому государству налоги, *но не отдавайте ему душу!*... Душа, совесть — вот предел повиновения мирской власти. Когда апостолы (другие, еще без Павла) были приведены в Синедрион и выслушали запрещение продолжать проповедь о Христе — они ответили, что *должны повиноваться Богу более, нежели человекам*. Нет сомнения, что это же в подобной ситуации сказал бы и апостол Павел — автор трудного текста. Выходит, что текст не имеет абсолютного значения, которое ему приписывают.* Вероятно, он был направлен против тогдашних анархистов. Апостол писал это римлянам, и можно догадываться, что за словами «власти» и «начальники» он имел в виду римскую милицию. Подставьте это слово в текст — и откроется его подлинный смысл. Да, милиция может иметь и относительно-положи-

тельное, нравственное значение: она охраняет общественный порядок, защищает жителей от разбойников и сопливых террористов, обеспечивает первую степень свободы — свободу ходить по улицам...

Продолжение следует.

3. 8. 74

†

Глубокоуважаемый Кронид Аркадьевич!

Я отвечаю Вам последовательно по тексту Вашего письма, но у Вас ведь наверное нет его копии. Поэтому я буду кратко напоминать Вам, о чем шла у Вас речь. Сейчас я перечитываю то место, где Вы писали о сходстве мышления религиозного с мышлением тоталитарных идеологий. Тому и другому Вы противопоставляете мышление научное, основанное на праве сомнения во всем. Евангельский прообраз научного мышления — апостол Фома.

Если прообраз, то я приглашаю Вас вникнуть в его подлинное содержание. Евангельское сказание приводит нас к моменту, когда Воскресший Христос предлагает Фоме удостовериться в Воскресении именно тем способом, как тому раньше хотелось — вложить руку в раны на теле Христа... *Фома не делает этого.* «Отвечал Фома, и сказал: *Господь мой и Бог мой*»... Потрясенный своим опытом религиозным, Фома отказывается от научной его проверки.

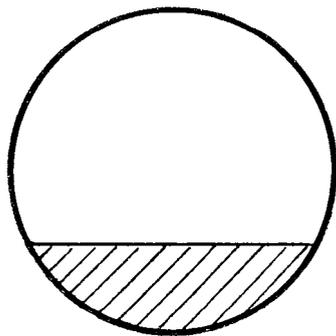
Апостол Павел писал: *«Видимое временно, Невидимое вечно»*. Глубокое различие (не противоречие, а различие) между мыслью научной и мыслью религиозной в том, что первая направлена на видимое, а вторая — на Невидимое.* Но есть и аналогические элементы науки и религии. Позвольте познакомить Вас с современником, в личности которого совмещается служитель религии и человек науки (биолог, врач). Это русский митрополит в Лондоне Антоний (Блюм). Лет восемь тому назад в академических лекциях он говорил о проблеме религиозных сомнений и в связи с этим проводил аналогии познания научного и религиозного. К сожалению, не имею текста, передаю содержание в кратчайшем виде так, как оно мне усвоилось. Наука основана на опыте — и религия тоже основана на опыте, только на опыте особого рода, — на опыте мистическом, религиозном. В науке сомнения обязательны, это ее метод — и в религиозном мышлении резонные сомнения могут иметь положительный, «творческий смысл», — говорил он. Сомнениями исправляются условности нашего восприятия абсолютной Истины, которая открывается нам в рели-

гиозном опыте. Поэтому — «не бойтесь сомнений!»...* Это был призыв оригинальный, смелый, но лектор имел на него особое личное право, потому что у него был свой самый подлинный религиозный опыт.

В этих же лекциях, а также в интервью он рассказывал историю своего обращения. В ранней юности он был атеистом — и притом атеистом уверенным, озлобленным. Однажды ему пришлось поневоле присутствовать на лекции о Христианстве, которую читал какой-то известный православный богослов. Лекция, говорит он теперь, была весьма неудачна, она его возмутила и, придя домой, он взял у матери книгу Евангелий, спросил — какое самое короткое, и принялся читать, — с тем, чтобы окончательно убедиться в негодности Христианства и больше уж к этому вопросу никогда не возвращаться. Читал он третью или четвертую главу по Марку — и вдруг ощутил невидимое, но как нельзя более для него реальное, живое присутствие Христа. Это перевернуло все. «Он имел одно виденье, непостижное уму». Он уверовал — изучил и принял церковное Христианство. А потом, будучи уже врачом, тайно принял монашество. Должно иметь в виду, что митрополит Антоний — человек очень достойный, можно доверять его искренности.

Вот единичный пример религиозного познания. Потрясающий мистический опыт — а затем приобщение к сродному ему ранее собранному общему опыту Христианства веры. Этот ранее собранный, соборный опыт запечатлен в священном «предании» — в Писании, в символах веры, в литургии, в учительстве, в искусстве.* Случай митрополита Антония — явление крайне редкое. У нас, христиан обыкновенных, как правило — личный опыт мистических переживаний весьма беден, ничтожен. Но мы приобщаемся к соборному опыту Христианства, его сопереживаем, чувствуем его целостную правду. Такова наша личнособорная «вера».

Теперь я нарисую символическое изображение — как представляется религиозному сознанию вся полная Реальность бытия:

«Видимое временно, Невидимое вечно». В заштрихованном сегменте — видимое, его и только его изучает наука. Это только «часть» (разумеется, не в пространственном значении) всей таинственной Полноты бытия. Проникнуть из видимого в Невидимое, из времени в Вечность средствами обычного познания невозможно. Только религиозная интуиция в своих символах отображает Невидимое — и притом только в его самом общем принципиальном значении.

Что сказал бы об этом рисунке ученый агностик? Он ответил бы: изучаю только видимое, об остальном (и есть ли оно) ничего не знаю — ничего утверждать или отрицать не могу.

Но не так рассуждает догматический атеизм. Только видимое, только временное — *и больше ничего нет*. И быть не может. *Запрещается* самая мысль о возможности сверхприродного, сверхразумного бытия. *Запрещаются сомнения* в догме атеизма. Одобряются сомнения верующих насчет религии, а сомнения в догме атеизма *запрещаются* безусловно.

Мне представляется, что по сравнению с суждениями верующего и агностика это суждение нравственно недостойно. Вы спросите: почему же, ведь и в религиозном сознании есть непререкаемые догмы и запрещены сомнения. А вот почему. Дело в том, что религиозное сознание так о себе и говорит, что оно основано не на научном, а на мистическом опыте, на некоей положительной интуиции о Невидимом. Поэтому религиозное сознание имеет моральное «право на догму». А сознание антирелигиозное такого морального права не имеет, потому что претендует на «научность». В науке же догма — ругательное слово.

Кстати, и в Христианстве понятие «догмата» должно быть пересмотрено (мы часто называем догматом то, что не является догматом). И сомнения в христианском сознании уже не запрещаются. В дополнение к тому, что известно о выступлении митрополита Антония, надо сказать следующее. Прежние церковные учителя, осуждая сомнение, имели в виду «со-мнение» *религиозное* — двоемыслие, *дво-едушие*, духовную травму, катастрофу. Но есть сомнения интеллектуальные, которые непременно (и поскорее) должны быть решены, — именно для того, чтобы не получилось двоемыслия. Некто правильно сказал мне однажды, что для современного человека «подавить» в себе разумное сомнение — значило бы тем самым уже признать свое поражение, побежденность сомнением. Сомнение, загнанное в подвал сознания, будет там гнить, отравляя душу. Нет — *Истина не боится сомнений*. Мы должны спокойно, без паники рассмотреть всякое сомнение. Либо оно окажется недоразумением — исчезнет. Либо оно справедливо — и тогда надо соответственно исправить, улучшить наши прежние представления по данному вопросу.

Либо будет разумно обоснована принципиальная нерешаемость вопроса, — и тогда успокоится интеллектуальная совесть.*

Извините, я понимаю, что Вам это ни к чему — что это могло бы представить интерес только для верующих. Но так уж вот получается, что в критике религии вы пользуетесь привычными мнениями, которые уже устарели и в этом я Вас должен исправить.

Прошу прощения — я упустил поздравить Вас с половиною срока. От всей души: да будет вторая половина намного короче. Да исполнится эта надежда.

6. 8. 74

†

Глубокоуважаемый Кронид Аркадьевич!

Как тяжело, как грустно читать Ваше сообщение о нас, христианах веры, оказавшихся в контрольной ситуации. И особенно — о новых, при Вас уверовавших христианах. «Судьба поставила чистый эксперимент» — и вывод Ваш ясен: религиозность *снижает* нравственность человека.

Рассуждая о феномене Ивана Грозного, один мой приятель написал, что этот «православный» государь не только не был христианином, но даже (как и некоторые другие злодеи, знаменитые и неизвестные) не был и человеком. Оставляя в стороне проблему «нечеловеков», я воспользуюсь этим примером в одном отношении. Если Ганди можно назвать христианином «анонимным», то Ивана надо назвать христианином «*только номинальным*». Приходится учредить этот термин, чтобы объяснить себе явление, которое Вы описали.

Недавно я слышал рассказ о священнике, который служит в Эстонии в беднейшем пустом храме. Кругом неверующие и протестанты, никто в церковь к нему не ходит. Но, рассказывают, стоит только в разговоре с любым тамошним жителем вспомнить о нем, назвать его имя — как лицо собеседника оживляется и как-то заметно светлеет. «*Тако да просветится свет ваш пред человеки*»... Оглядываясь на себя, мы, христиане веры, должны признать, что только очень немногие из нас могли бы получить такую оценку по этому «признаку света». Все мы, остальные христиане веры, должны быть названы христианами только номинальными. Такова действительность, это и открылось в Ваших очень трудных условиях, где все проверяется. Плохо наше дело.

А когда само обращение в христианскую веру прямо сопровождается у человека отчуждением от близких, очерствением души — тут я откровенно скажу, что вижу в этом признак душевного заболевания. Некто рассказывал мне, что где-то не так давно совещались психиатры — на тему: как отличать подлинно-религиозные мистические состояния от болезненной мании религиозности. И нашли безошибочный критерий: поведение субъекта в практической жизни. *Здоровая мистика сказывается в деятельной доброте.* Сожалею, что не записал рассказ обстоятельно. «По плодам их узнаете их». Апостол Павел писал христианам: «Испытывайте себя — в вере ли вы?»* Известная классическая схема преподобного аввы Дорофея: окружность, в центре — Бог, радиусы — жизни людей. Чем ближе к Богу — тем ближе к людям. А если ты далек от людей, не любишь людей — не обольщайся: значит, далек ты и от Бога. «Как страшно — верить и не любить!» (из наставлений о. Алексия Мечева, весьма почитаемого московского священника, † 1925). «Черствый христианин» — это невыносимое сочетание слов. Где-то я читал, как один баптист рассказывал в собрании, что когда он стал христианином, то даже кот домашний у него почувствовал это... Именно это время обращения к вере бывает особенно благодатно. А то, что вы описываете, есть болезнь, *дискредитация* Христианства.

Правду сказать, и агрессивный православный шовинизм представляется мне явлением психической ненормальности. Что же касается неясного упоминания Вашего о социальной пассивности верующего человека, то тут я должен оговориться, что иногда она бывает, на мой взгляд, нравственно оправдана. Проблема не может быть здесь конкретно описана.*

8. 8. 74

†

Глубокоуважаемый Кронид Аркадьевич!

В Вашем ответе Паскалю Вы написали, что «проверить документы» всех религий — «на это не хватит ни жизни, ни сил. Тут уже нужен другой образ: не знакомиться с документами на право наследства, а перерывать огромный архив, в котором, возможно, находятся такие документы, а возможно и нет. А ведь пока я разрываю архив, я мог бы возделывать свой виноградник! По-моему, ситуация именно такова ».

Я выписал эти Ваши слова, чтобы Вы перечитали их и убедились, что теоретически прав-то все же Паскаль. Надежды человека на Вечность — только в религии. Отказаться от изучения предмета, *такого* предмета по мотиву трудности — недостойно исследователя. В этом решении тайно присутствует уже сделанный выбор: Вы уже решили, что документы могут быть только фальшивы, что не может быть у человека надежды на Вечность.

Решение теоретически ложно, но оно сопровождается решением практически трудиться в осуществлении достойной жизни здесь, во времени. Трудиться — даже и без надежды на вечность. И это практическое решение вызывает восхищение. Ведь вот так «без документов», бескорыстно «возделывать свой виноградник» — это и значит на деле зарабатывать право на Вечность.

Возвращаясь к «теории», я должен признаться, что Ваше соображение о необходимости уж если изучать, то изучать не только Христианство, но и другие религии, — соображение это привело меня в некоторое замешательство. А ведь и я не изучал других религий — почему же отдал предпочтение Христианству? Только потому, что это первая религия, которую я узнал, религия родного народа?... Проверяя себя, я нахожу, что нет — не только это. В Христианстве мне открылось такое переживание идеи *Святого Бога*, которое представляется мне оптимальным. Это — абсолютно; выше этого, драгоценнее этого ничего уже быть не может, таково мое ощущение. Поэтому меня как-то не интересуют другие религии. По пословице — от добра добра не ищут. Но я говорил уже, что *все религии истинны* в том, что у них есть общего с Христианством — в идее *Святого Бога*.

Особенная же оптимальность, а следовательно и истинность Христианства — в идее *Божественной человечности*. Для Вас, гуманиста, это может представить особенный интерес. Вот, позвольте, может быть, Вы не читали или забыли — я приведу здесь случайно сохранившуюся у меня маленькую выписку из одной книги уже названного в этих письмах христианского Философа. «... Мое религиозно-философское миросозерцание может быть, конечно, истолковано, как углубленный гуманизм, как утверждение предвечной человечности в Боге. Человечность присуща Второй Ипостаси Святыя Троицы, в этом реальное зерно догмата. Человек есть существо метафизическое. Этого моего убеждения не может пошатнуть низость эмпирического человека. Мне свойствен пафос человечности. Хотя я убежден и убеждаюсь все более и более, что человеку мало свойственна человечность. Я теперь часто повторяю: «Бог человекен, человек же бесчеловечен». Вера в человека, в человечность, есть вера в Бога,

и она не требует иллюзий относительно человека»... А в христианском Символе веры — художественный образ: Христос, Вечный Человек на небесном престоле восседает одесную Бога, Отца.

Термин «анонимные христиане» не я придумал, он обозначает феномен великого, священного значения. Конечно, называть так кого-либо можно только в третьем лице.

Продолжение следует.

С глубоким сочувствием

10. 8. 74

†

Глубокоуважаемый Кронид Аркадьевич!

Далее Вы цитировали реферат — что должен быть какой-то высший смысл, когда сильному человеку не дается откровения религиозной веры. И Вы продолжали: «Я тоже думаю, что такой смысл есть. И поскольку направление развития человечества — желаемое и действительное — в сторону увеличения числа людей сильных (духовно, речь идет и у Вас и у меня, конечно, не о сверхчеловеках), то каковы же исторические перспективы веры?»

И если принять Вашу концепцию свободного мира (все же, вопреки Вашим заверениям, мало отличающуюся от концепции действий), если принять (на минуту) концепцию Верховной воли и Создателя, то не придем ли мы к выводу, что *Бог не хочет*, чтобы люди были верующими. Когда они росли, Он давал еще им podporку, но теперь, скажет Он, вы взрослые, перестаньте же цепляться за материнскую юбку. Ведь вы — люди!».

Так Вы написали. Мой ответ Вам приходится начать с опровержения. Вы неправильно меня поняли, я имел в виду конкретные случаи арелигиозности сильного человека. а не то, что будто бы вообще религия есть удел только слабых. Мы знаем факты глубокой религиозности чрезвычайно сильных, великих людей. Да вот, например, наш известный Писатель.* Относительно же Вашего утверждения, что число духовно сильных людей будет по ходу истории непременно увеличиваться,— относительно этого утверждения я должен сказать, что не могу к нему присоединиться. Я преклоняюсь пред духовной силой Вашего оптимизма, но *такое* его выражение приводит меня в недоумение.

* А. И. Солженицын (примечание 1977 г.)

Каковы «исторические перспективы веры»? Не сомневаюсь, что Церковь веры пребудет до скончания века — до конца земной истории человечества. Всегда будут люди, слабые и сильные, которым откроется мистическая правда Христианства. Только здесь, в Церкви веры хранится подлинная, единственная *Надежда* человеческого существования. Другое дело, что по всей видимости уже не будет «массового» (ужасное слово) исповедания Христианства веры. Это уже было в Византии, в Средние века на Западе, в царской России... Это была грандиозная дискредитация Христианства.* Евангельские пророчества о земной Церкви в конце истории весьма пессимистичны. Истинное, *фактическое* торжество веры совершится, совершается *за историей* — в бесконечно таинственном *Воскресении всех*.

К сожалению, у меня нет сейчас текста реферата и я не могу догадаться, какие выражения могли быть причиной второго недоразумения. Нет, Христианство веры не имеет ничего общего с концепцией деиств. Говоря о Христианстве, нужно сразу же отказаться от самого этого слова «концепция». Христианство сверхразумно, оно не может быть выражено концептуально. На языке понятий здесь неизбежны прерывность и кажущиеся противоречия мысли. Мир отделен от Бога — и Бог присутствует в мире. Для верующего человека Бог всегда может быть таинственно ему близок, — и это зависит от веры, от свободы самого человека. Я недостойн говорить о мистическом опыте и буду пользоваться чужими словами — чувствуя, сопереживая их правду. В мистическом дневнике французенки Г. Босси († 1955) есть запись, где Бог говорит: «Я уподобляюсь робкому человеку — Мне нужно, чтобы вы сделали первый шаг»... Когда верующий человек стремится к Богу — тогда, только тогда и Бог приближается к человеку. Искренность же веры выражается в практике жизни. «Истинно уверовать свойственно душе мужественной» (преподобный Нил Синайский). «Героя создает случай, праведника — *ежедневная доблесть*» (не помню, кто это сказал). Тот, кто проявляет ежедневную доблесть, тот молится Богу Живому «*как искренний друг*» (выражение преподобного Исаака Сирина). Истинно верующий человек может просить даже чуда. «Ожидай великого от Бога, и делай великое для Бога» (Вильгельм Карей). Бог бесконечно далек, трансцендентен миру — но вот таинственная правда, выраженная где-то у Шиллера: «*Божество вы в вашу воспримите волю — и Оно сойдет к вам с мирного трона*».

Поэтому нельзя так говорить, что Бог «не хочет» нашей свободной веры. Но правильно будет сказать, что Бог действительно *не хочет* принудить нас к признанию Его рационально-обязующими доказательствами. В этом смысле верно сказано, что возможность атеи-

зма есть откровение о человеческой свободе. «Бога нет» — действительно «нет» для обычных, в частности и научных средств познания. Но *Бог есть* в благодатно-свободном религиозном опыте человека. И *Бог есть* в глубине нашего существования — в свободе нашего выбора, как Святыня, Совесть, Любовь, Красота, — как идеальная, во Христе Божественная человечность. *Здесь, на этой земле, никакого другого откровения Бога не будет!**

Вот в таком смысле, если б осмелился, составил бы я, вместо Вашего, обращение Бога к свободным людям. Упомянул бы еще о невежественном человеке, который поклонялся Богу, пока думал, что это Он распоряжается громами и молниями. А как узнал невежественный человек, что это «электричество» — то изменил своему Богу. Поклонялся Силе — и изменил Святыне! Как это низко. Это — про «мужиков», забывших Бога. Зато — слава тем, кто сохраняет верность поклонения Святому Богу в этом видимом Его унижении. Это про наших церковных женщин. И тайное благословение от Господа тому, кто любит Его и страдает за Него без надежды.

Продолжение следует. Сердечный привет, мысленно я часто с Вами

12. 8. 74

†

Глубокоуважаемый Кронид Аркадьевич!

Начинаю с покаяния — прошу прощения за «мужиков» в моем прошлом письме. Напрасно я обругал их, они не виноваты — ведь так их учили. Желая побольше прославить Бога как Силу, невольно дискредитировали Святыню. Избыток благочестия, когда думают, что Бог Самолично всем распоряжается, ведет прямой дорогой к атеизму. Так у нас хваленая мужицкая «простая вера» что-то уж очень быстро сменилась на мужицкий нигилизм.

Нельзя целиком винить в этом и бывшее церковное учительство. Ибо кризис учения о Боге продолжается и сегодня во всем мире. Названный раньше христианский Философ писал: «... Нам говорили, что Бог присутствует во всем. Но присутствие Бога невозможно найти в чуме и холере, в убийствах, в ненависти и жестокости, во зле и тьме. Ложное учение о Промысле вело к рабьему преклонению перед силой и властью, к апофеозу успеха в этом мире, в конце концов к оправданию зла. Этому противоположно трагическое чувство жизни. Бог

присутствует в свободе, в любви, в истине и правде, в красоте. И перед лицом зла и неправды Он присутствует не как судья и каратель, а как оценка и как совесть. Бог и есть Тот, к Кому можно уйти от ужасов, безобразий, жестокостей мира»... Мне представляется, что философ прав. Но когда в житейском разговоре пробуешь высказать мысль, что стихийное бедствие или мучительная смерть ребенка — не от Бога, что это *поражение Бога*, временное торжество мирового зла, — то встречаешь недоверие со стороны своих же христиан православных.

Смотрите, вот я откровенно рассказываю Вам о наших трудностях и проблемах. Они как-то не задевают глубинной сущности Христианства. Конечно, оно переживает этот свой современный учительный кризис. Как? По всей вероятности, мы просто признаем принципиальную *нерешаемость* многих вопросов.

В заключение Вашего письма Вы указывали, что нас должно сблизить главное — общие оценки, общая мораль и Вы приглашали ко взаимному уважению. Да, поразительно это таинственное *духовное единство* людей доброй воли. Я наблюдаю, как разнятся эстетические вкусы даже у очень культурных людей; а некоторые, как я, и вовсе не способны по-настоящему оценить красоту поэзии, музыки, живописи... Но когда мы видим прекрасный или безобразный поступок — в этой оценке все мы единодушны. Есть у нас общий *Идеал* духовной красоты, есть и пребывает невидимый *Центр* символического круга. Мы ведем с Вами этот разговор из разных, можно сказать — из диаметрально-противоположных секторов. Пусть (как я думаю) в Ваших умственных построениях Вы ошибаетесь; но как нельзя более ясно я понимаю и то, что душевно, *фактически* Вы гораздо, гораздо *ближе* меня к Центру.

Заканчивая письмо. Вы в глубоко трогательных выражениях просили у меня прощения — будто бы Вы меня огорчили. Что Вы, что Вы! *Я Вам так благодарен*. Общение с Вами для меня благотворно. Я уверен, что и всякий, кто прочитает Ваше письмо, проникнется к Вам симпатией и уважением. Удивительное явление: антирелигиозное письмо оказывает религиозное действие. Не сердитесь — я не пытаюсь против воли зачислить Вас по моему ведомству. Это *Ваше* ведомство — вера в человека. Но и для нас, христиан, человечность в ее идеальной сущности имеет религиозное значение. Христос — Человек, и там, где проявляется истинная человечность, мы видим Божественный свет.

Перечитывая мои письма — смущаюсь, что не мог достойно

представительствовать от имени святого Христианства. Может быть, я посоветуюсь, попрошу помощи у людей более знающих — и тогда еще Вам напишу.

15. 8. 74

†

Глубокоуважаемый Кронид Аркадьевич!

Послал Вам ответ в десяти письмах. А у Вас — когда-то у Вас появится еще возможность написать мне! Покорнейше прошу Вас — не лишайте очереди родных и друзей. Для меня, для нашей темы Вы можете повседневно записывать заметки, размышления: а потом, когда придет моя очередь — прямо в таком виде и перешлете. Я же буду пока заполнять этот перерыв в одностороннем порядке.

Не оценили Вы моего реферата. Пусть плохое исполнение — но тема, идея ведь замечательная. Впрочем, понять это могли бы только христиане веры. К ним собственно и обращен реферат. Вашему же сектору адресовано только приглашение переименоваться в *агностиков*. По этому поводу хочу привести одну сохранившуюся у меня цитату. Мне кажется, она близка Вам по духу, хотя Вы вероятно не согласитесь с суждением автора о науке. Не удивляйтесь — это Поль Бурже, из предисловия к роману «Ученик». Обращение к молодому современнику:

«... В наше время смятенного сознания и противоречивых учений держись, как за ветвь спасения, за слово священного Писания: «познавайте древо по плодам его». Есть одна реальность, в существовании которой ты не можешь сомневаться, ибо ты ею обладаешь, ты ее ощущаешь, ты ею живешь каждую минуту: это твоя душа. Среди идей, теснящихся вокруг тебя, имеются такие, которые делают эту душу менее способной любить, менее способной желать. Считай достоверным, что такие идеи ложны в чем-то одном, хотя бы они казались тебе очень возвышенными, хотя бы их украшали чары наилучших талантов. Питай и воспитывай в себе две великие добродетели, две силы, вне которых нет ничего, кроме червоточины сегодня и агонии завтра: *любовь и волю*.

Современная наука, искренняя, скромная признает, что за пределами ее анализа простирается область непознаваемого. Старик Литтрэ, бывший почти святым, великолепно говорит об этом океане таинственного, ударяющем в наш берег, — океане,

который мы видим перед собой, который реально нам представляется и, однако, пуститься по которому мы не можем, не имея для этого ни лодки, ни парусов. И тем, кто скажет тебе, что за этим океаном таинственного зияет пустота, пропасть мрака и смерти, имей мужество ответить: «**ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ...**»

Агностик так и говорит: *мы не знаем*. Он может прибавить, что лично у него нет религиозной веры в Бога. Не так поступает *атеист*. Он провозглашает: *мы знаем, что Бога нет*. А по существу это ведь значит: *мы веруем, что Бога нет*. Зачем Вам такая компания?... Агностик — мирное и точное слово. И я продолжаю думать, что для агностика, если это искренний, глубокий человек — для агностика возможна религиозная *надежда*.

С сердечным приветом

19. 8. 74

†

Глубокоуважаемый Кронид Аркадьевич!

На днях я побывал в другом городе и беседовал о Вашем письме — отклике на мой реферат — с моим другом Б... Это молодой человек абсолютной искренности и высокой культуры. Его суждения представляют для нашей темы особенный интерес, потому, что в свое время он сам побывал в Вашем мире атеизма, хорошо его знает. К сожалению, в настоящее время он очень занят — написать ничего не успел. Передаю пока только самое общее содержание его рассуждений в самом кратком виде, как я их понял, своими словами.

Б. говорил, что его поразило страшное несоответствие уровней: вопросы, которые ставит себе человек — и ответы, которые Вы ему предлагаете. Спрашивает человек, *личность* в своем полном достоинстве. Спрашивает: *в чем Смысл и Надежда человеческого существования?* Истинный Смысл, подлинная Надежда. Ответ, который Вы ему предлагаете: весь смысл существования, вся надежда личности в том, чтобы исчезнуть навеки, предварительно поработав несколько лет в научном учреждении.

Апостол Павел написал: «Скорбь и теснота всякой душе человека, творящего злое». Человек согрешил, его мучает совесть. «В уме, подавленном тоской, теснится тяжких дум избыток»... Человек испытывает ужас от сознания своей подлости, неутолимое раскаяние в непоправимом поступке. Откуда в нас этот таинственный внутренний голос, ничем неподкупная совесть? Вы отвечаете: ничего тут нет страшного, ничего священного, ничего таинственного — просто это сигнал отклонения от нормы поведения, выработанной методом проб и ошибок для сохранения биологического вида.

Такие Ваши ответы Б. назвал унижением человеческого достоинства — унижением, тем более удивительным в устах достойнейшего человека. Вы — гуманист, а сводите человека, *личность* с ее абсолютными запросами на роль всего только научного сотрудника в институте. Это — разные уровни. Человек без Бога оказывается недостаточно человеком. Мораль без Бога оказывается аморальной.

Б. говорил еще и о ненаучности некоторых Ваших высказываний. Надеюсь, что он найдет все-таки время, сам обо всем этом напишет. Главный его вывод: Ваше мировоззрение не соответствует богатству Вашей личности.

†

В том городе я побывал в больнице у другого моего знакомого В. У него — опухоль мозга, уже были две операции... Страшные боли. В промежутках он говорит: «ничего, *все хорошо*». Мне сказал: «*радуюсь*, что страдаю я, а не Таня (жена), не дети, не друзья». Жена с утра до вечера дежурит у больничной постели — вот уже третий месяц. Оба они недавно приняли Христианство — и вот, находятся в испытании такой великой, невестимой скорби.

В больнице я мысленно сравнивал судьбу Вашу и В. С какой радостью он принял бы взамен своего Ваше несчастье. Хотя и Вам бывает очень, очень трудно — но у Вас есть ведь надежда относительно благополучно завершить этот Ваш подвиг. С таким пожеланием сердечно Вас приветствую.

10. 9. 74

Корреспондент 3. — свящ. С. А. Желудкову

†

Дорогой о. Сергей!

Заранее прошу прощения. Я убежден, что такое количество сложных и важных вопросов на страницах письма обсудить невозможно. Просто руки опускаются. Но сдаваясь перед Вашей святой настойчивостью, еще раз попытаюсь что-нибудь сказать. Я наверное буду повторяться, так как мы много раз возвращались с Вами устно и письменно к этим темам. И так, если буду говорить несвязно и кратко — пеняйте на себя. Сами же меня втянули.

1. **Анонимное христианство.** Я должен выразить свое согласие с мнением высокоуважаемого Кронида Аркадьевича. Он прав, отклоняя от себя подобное наименование. Этот термин — *наш* и только наш. Он *не может* быть ни мусульманским, ни индуистским, ни атеистическим. Почему? Потому, что он вытекает только из нашего понимания истории. Для нас ее тайна связана с непрерывным действием Божественного Слова в мире. Оно говорило в мудрости древних и в пророчествах, Оно воплотилось во Христе Иисусе. И *поэтому* для нас каждый, кто следует голосу совести, кто служит людям, может оказаться служителем Христовым, даже если он об этом и не подозревает. И напротив, человек, который попирает евангельские заветы, становится предателем Христа, даже если он носит сан. Я готов принять Ваш тезис, что в каждом нравственном поступке — отблеск Христова света. Но подчеркиваю, еще раз, это с *нашей* точки зрения, с позиции Вашей, моей, общехристианской веры... Навязывать же нехристианину этот взгляд — бессмысленно и нетактично. Мы можем сказать ему лишь, что опознаем в его добре действие высшего Добра. Но уже его дело, как он к нашим словам отнесется.

Недавно один французский атеист написал в конце своей книги, что «после многих лет безверия открыл в себе христианина, который в нем всегда жил». Это — радость самопознания, но извне он получить ее не мог. Вера осуществляет себя в глубине духа.

Впрочем, у этой проблемы есть и объективный аспект. Античный идеализм и китайская философия ставят на первое место общество, государство и требуют от человека служения ему. Индийские системы, признавая мир тленным, иллюзорным или бессмысленным, хотя и учат состраданию, но не верят в ценность человеческой личности. Так и в позднем пантеизме — от стоиков до Гегеля. Для атеизма человек — только природный феномен, лишь более сложный, чем муравей или обезьяна. Его можно уважать, если нравится, или считать мразью (как Ницше — самый последовательный атеист). Но из материализма не вытекает ни учения о ценности личности, ни этики самоотвержения и любви. Бестиализм нацистов вполне укладывается в это воззрение. Только Христос говорит о безусловной ценности личности (Пастырь оставляет 99 овец, чтобы найти одну заблудшую). Только из Евангелия естественно и логично вытекает этика самоотвержения и действенной любви (а не просто сострадания). Поэтому можно и говорить об «анонимных христианах» (в плане объективном). Появлением своим они обязаны не только тому, что в них есть образ и подобие Божие, но и тому, что они воспитались в христианской культуре. Те нравственные понятия, которые пронизывают хотя бы русскую классическую литературу, оказывают огромное воздействие на умы. Весь комплекс понятий о добре и зле вырос из христианства. Это касается и Ганди, который об индуизме ровно ничего не знал, когда уже получил высшее европейское образование. Он увлекался Толстым и испытал сильное западное влияние. Вместе с европейской цивилизацией христианские идеи незаметно проникают во все концы мира. Оно оплодотворяет даже движения, ему враждебные. Подобно тому как русские нигилисты чтили Христа, отрицая христианство, Че Гевара ведет себя как человек, побуждаемый христианским импульсом. Он хочет блага для «ближних» и готов отдать за это жизнь. Это не то, чему учили Сократ или Конфуций, Аристотель или Шопенгауэр. Это учение Евангелия.*

2. Границы христианства. Если мы будем говорить о христианстве в строгом смысле слова, то оно обнимает всех, кто исповедует Христа как высшее откровение Божества миру. Это есть Церковь невидимая, так сказать, Церковь в широком смысле слова. Есть и другая Церковь — братство людей, принявшее форму земной организации. Сам этот процесс не есть упадок, но лишь условие для реализации Евангелия среди людей. Разделения среди христиан связаны с тем, что различные типы христианства не сумели понять, что оно шире любого частного своего проявления. Это результат ксенофобии. Но я верю, что эпоха разделений есть лишь болезнь роста христианских народов. И со временем все это преодолется (к тому уже много реальных признаков).

На Ваш вопрос о Ганди и Иване Грозном я могу ответить лишь: да, Иван Грозный христианин, но он *плохой* христианин, не узнавший самого главного в христианстве. Он человек, но он человек, оказавшийся в когтях демонических страстей. А *Ганди не христианин*. Однако его отношение к Богу и людям бесконечно ближе евангельскому, чем у иных формальных христиан (не говоря уже о Грозном и других).

А как же будет судить их Бог? По их вере и совести. Значит, скажете, спасение возможно и вне христианства?

Ответ на этот вопрос связан с тем, что мы понимаем под «спасением». Следует признать, что в вульгаризированной теологии, которая нередко заражала и серьезных мыслителей христианства, «спасение» мыслилось по упрощенной схеме: попал в рай — спасся, нет — погиб. И «спасение» приобретало узкий «загробный» смысл. При этом формальной принадлежности к Церкви в данном случае придавали утрированное значение.* Я легко могу понять, как могла укрепляться подобная точка зрения в «дисциплинарные» эпохи, но она по существу чужда христианству. Оно вообще не делает ударения на посмертии. В Евангелии о нем сказано очень мало, да и то в приточной форме. Наше чаяние — в грядущем преображении мира, в космическом просветлении твари и человека. «Чаю воскресения мертвых»... Упор на частной судьбе за гробом в этом «эоне» явился как прямое влияние «языческих» доктрин: египетских, пифагорейских, платоновских.

Мы, конечно, верим в воздаяние. Верим в то, что существует некий нравственный миропорядок, который трудно обозрим в рамках посюстороннего опыта. То, что греки провидели в Дике, а индийцы в Карме — есть предощущение этого миропорядка. Для начальных ступеней сознания нужно было нечто более четкое и простое, а именно: грех и как естественное следствие его — возмездие.

Но при всем этом нам не дано проникнуть в тайны путей Божиих, и попытки их рационализировать избочливает книга Иова.

Возвращаясь к теме «спасения». Вынужден говорить крайне схематично.

Полнота бытия, которую мы субъективно и условно называем «блаженством», возможна лишь в единении с Источником бытия. Космос и человек, отпадая от Него, оказываются в извращенном состоянии. Разумеется, Бог может все это механически изменить и «спасти». Но Он оставляет миру свободу, ибо мир сам может возвратиться

к Нему, во главе с человеком. Всякое «возвращение», всякое переживание близости с Богом есть уже признак «спасения», совершающегося *здесь и теперь*. Этика есть лишь коррелят для этого, почва, без которой Богообщение может выродиться в фантом («прелесть»). Вы об этом сами пишете.

Мы верим, что поскольку высшее откровение Божие это Христос — то путь к спасению идет через Него. Христианство абсолютно для меня *не потому*, что в нем больше нравственных людей или потому, что более утонченная богословская схема, а в силу его христочентричности. Только Иисус и Его Евангелие делает нашу веру Божественной. Ведь не случайно он говорил о Себе как о «Пути», как о «Двери». «Ко Отцу — только Мною». Все религии по-человечески истинны, ибо содержат в себе в целом верное угадывание Высшего Бытия и подлинные переживания связи с этим Высшим. Но библейское откровение, завершенное в Лице Богочеловека, есть как бы встречное движение Творца к нам.

3. Церковь. О ней говорится уже в Евангелии, когда в нее входило всего несколько десятков человек. Следовательно, она *не есть* *завершенное*, *заклоченное*, *замкнутое* целое, но — растущий организм, нечто, находящееся в постоянном движении. Всегда вспоминаю при этой мысли притчу или видение Гермы* о башне, которую созидают верующие. Она единая — по замыслу, по потенциальной распространности на весь мир. Между тем на деле она далеко не едина. (Здесь уместно вспомнить католический взгляд на человечество как на потенциальную Церковь. Об этом хорошо писал Карсавин*). Она *святая*. В библейской терминологии это значит — целиком принадлежащая Богу, проникнутая Его Духом. Но и это еще только начинается... Она *соборная* т. е. вселенская, и это пока лишь возможность, хотя уже и более реальная. *Апостольство* же ее связано с живой традицией, которая восходит к первому поколению верующих. Знаком этой связи является иерархия. Иерархия не просто изобретение человеческое, но нечто исходящее от Христа. Я верю Ему, Его словам о «власти вязать и решать», но веры этой не собираюсь навязывать ни протестантам, ни кому-либо другому. Преемственность иерархии есть внешний знак присутствия в Церкви Христа, и пусть иерархи не всегда бывают достойны ее, но ведь не им мы верим, а Христу.

Видите, о. Сергей, я ничего кроме исповедания веры Вам предложить не могу и надеюсь, что во многом она у нас общая. Я не экклесиолог. И не хочу углубляться в дефиниции о Церкви. Об этом куда лучше меня могут сказать такие люди, как о. Николай Афанасьев* и другие.

* Прот. Н. Афанасьев. *Церковь Духа Святого*. Париж, 1971 г.

Вы очень хорошо и тонко написали о свободе, об искушениях христианина, об интеллектуальных и моральных трудностях на его пути. Добавить можно много или ничего. Повторю лишь, что «христианство воли» — признаю, но только с христианских же позиций и готов видеть в каждом «человеке доброй воли» брата, если не по вере, то брата в служении. Вспомните притчу о сыне, который сказал «не пойду», но пошел, и о другом, который на словах был готов все сделать, а сам не двинул пальцем. То, что Ганди был человеком молитвы, роднит меня с ним, но я не буду обманывать себя и индуиста, говоря, что мы ничем не отличаемся по вере. Для него Христос — одно из воплощений Бога, а для Швейцера — простой учитель морали. Если я соглашусь с ними, я потеряю право называть себя христианином. Слова все-таки не столь уж пустая вещь. Если атеист совершает подвиг — я восхищаюсь им и верю, что он, не ведая Христа, служит Ему. Я даже могу сказать ему это, но только в плане исповедания *своей* веры.

Я вполне поддерживаю Вашего достойного корреспондента, который призывает нас жить и трудиться на благо людей, придерживаясь каждый собственных взглядов. Прав он и в том, что у людей «добрый воли» всегда найдется общее. Недаром католики и коммунисты шли в Сопrotивлении рука об руку.

Конечно, его критика христианства вызывает у меня ряд возражений. И я мог бы сказать ему многое. Однако боюсь, что он воспримет это как навязчивость и пропаганду. А мне бы этого не хотелось. Я знаю, что Господь видит каждую душу и внутренний путь каждой личности очень своеобразен. Если вера не дается в опыте, говорить о ней можно лишь как о феномене. Не думаю, что атеизм имеет нечто подобное,* ибо он — нигилистичен по существу.

1. Кронид Аркадьевич говорит, что мир определяется законами, и в этом его суть, и ведет он себя так, как будто бы нет Бога. Но для меня именно закономерности Вселенной и познаваемость мира есть свидетельство о космическом Разуме, о Творце. Конечно, люди нередко изображали Его в виде «Повелителя» на манер земного деспота. Но это ведь только «идол» или наглядное пособие для дикарей (которые и поныне не перевелись). Опыт и теология единодушно го-

ворят о полной непроницаемости, *инакости* Божества (для этого в Ветхом Завете даже есть особый термин «святость» — не смешивать с моральной категорией). Бог дается нам только тогда, когда Он Сам открывается интуиции, разуму — сознанию. И здесь Он все же умален, «учение» о Нем построено на антиномиях и парадоксах, потому что Его нельзя втиснуть в утлый мир нашей логики и разума* (утлый — в сравнении с Ним).

2. Для христианства «демиургичность» человека бесспорна. Бесспорна и его свобода, если он не подавит ее в себе. Но все это — природные свойства людей. Ничего здесь не нужно «доказывать». Мы уже *имеем* в себе тот духовный мир, которого нет ни в галактиках, ни в инфузориях, ни в высших животных. Бескорыстное стремление к знанию, к красоте, радость творчества, самоотдачи, добра, все это — чудо с точки зрения Вселенной, которой не ведомы нравственные принципы. Это — только в нас. И как мы не изобретаем природу, из которой вышли и с которой телесно связаны, так и духовный мир не есть наше измышление, но та Среда, которой принадлежит наше внутреннее существо.

3. «Страх» Божий объявлен Библией «началом мудрости». Это не просто страх наказания, это трепет, который вызывает у нас все непостижимо-великое и прекрасное. Это ощущение того, что *выше* нас. Устремленность человека к этому Высшему — его врожденная черта. Она бывает искажена, направлена на уродливых идолов, но она есть. Здесь не корысть (ее резко осуждает Библия уже в Ветхом Завете), но — *потребность*, необходимость войти в контакт с Высшим. Корыстен ли человек, когда хочет есть, пить, думать? Нет — это его свойство, за которое его никто не осудит.

Конечно, в религиозной жизни много искажений, связанных с корыстно-магическим отношением к Богу. Но это-то и является грехопадением человека.

Страх наказания? Да, он играл (и иногда играет) роль. Но он остается лишь констатацией нравственного миропорядка. Это как предостережение. Можно ли сказать, что предупреждение, данное ребенку, чтобы он не ел ядовитых ягод, есть полицейский приказ, устрашение?...

Воздаяние — это та же закономерность, которая так восхищает Кронида Аркадьевича.

4. Покорность Богу не есть унижение. Он открывает человеку путь свободы. Но только следуя Его путем (пусть и бессознательно) человек обретает себя. А о пассивности что сказать? Разве Моисей, Магомет, Златоуст, пророки, Сократ, Савонарола, Гус или мученики

наших дней были людьми слабыми и безвольными? Именно у тех людей, которые были подлинными выразителями духа веры, мы находим огромную силу и волю к борьбе. Они оказывались сильнее армий. Разумеется, опять-таки есть и будет много людей, которые будут искать в вере «тихой пристани». Но на самом деле Евангелие — это призыв, требование, задача, великая ответственность. Как много еще предстоит сделать! Неисчерпаемая сила Христова Слова только начинает разворачиваться. Его масштабы превышают частные культуры и отдельные эпохи. Быть может, оно превышает и все, что мы знаем теперь о человеке. Наш странный, но дорогой нам мир — еще в колыбели. А Христос только родился в мире. И люди отображают Его свет лишь в неумелых порой картинках, как и положено детям...

Тот, кто уходит в себя, кто становится квинтистом, и при этом считает себя христианином — на самом деле очень далек от духа Евангелия. Да, «все суета», да, «жизнь быстротечна», да, Его Царство «не от мира сего»; но в *этот* мир мы посланы, и то, как мы пройдем по нему и что совершим, будет мерилом нашей верности вечному Завету Христову. Мне было очень тяжело читать те строки в письме Кронида Аркадьевича, где он описывает состояние своих друзей, но я просил бы его от души: пусть он не мерит по этим отдельным случаям о целом. Человек слаб и Евангелие для него часто слишком трудная задача. Будем же снисходительны друг ко другу.

В заключение я хотел бы сказать, что противопоставлять веру и религию рискованно. Это все равно как противопоставлять талант и мастерство. Человеку свойственно «умножать таланты». Все то, что дано ему в непосредственном созерцании, чувстве, вере, интуиции — он привык осмыслить и связывать со своей повседневной жизнью. В этом-то и заключается религия. Она есть сумма опыта прошлых поколений, который служит для нынешних и будущих. Религия есть не только связь с Богом, но и связь между людьми (через Него). Когда же религии разделяют, это бывает по двум причинам: 1. когда люди хотят сделать свою традицию обязательной для всех; 2. когда в Откровении является ясное отрицание каких-то форм религии. Например, человеческих жертв. Тогда возникает рубеж, водораздел, отвержение. Это свойственно и науке, которая обогащается не только положительными открытиями, но и установлением порогов и ошибок (вроде вечного двигателя).

И еще. Нравственность не есть порождение естественного отбора и других природных процессов. Как говорил Хаксли: «И преступник и добродетельный человек — дети природы». В этике есть много того, что бросает вызов природе. Человек теряет в ней даже ин-

стинкт самоохранения, один из сильнейших. Этика — поразительный, уникальный в природе феномен. Она вытекает из сознания и ощущения, что есть *иные*, нежели природные законы жизни. Более того, религия оказывает определяющее воздействие на все области творчества. От того, как человек представляет себе Высшее, мир, себя самого и свое призвание в мире — зависят формы искусства, социальные структуры, развитие науки и хозяйства. Это звучит, может быть, голословно, но увы, здесь нет места для тщательной аргументации.

Дорогой Кронид Аркадьевич! Еще раз простите и не подумайте, будто я хотел Вас агитировать и что-то Вам навязывать. Просто делился мыслями по вопросам, которые всех нас затрагивают так или иначе. Надеюсь, что Вы не обидитесь, если я добавлю, что буду теперь молиться за Вас.

С глубоким уважением...

27. 9. 74

(Письмо это было переслано в копии о. Сергием К. А. Любарскому; первая половина — в лагерь № 17 в пос. Озерном (Мордовия), куда он на короткое время был переведен из лагеря № 19, а вторая половина уже во Владимирскую тюрьму, где К. А. Любарский и провел последние два с лишним года своего срока.)

Свящ. С. А. Желудков — корреспонденту З.

†

Дорогой З.!

Благодарю Вас за письмо. В нем достойно представлено Христианство веры. И реферат мой написан тоже с точки зрения Христианства веры. Поэтому в наших текстах много общего. А в чем у нас расхождения — это мы сейчас установим, перечитывая Ваше письмо по порядку.

1. Можно ли назвать анонимного христианина так в лицо — это вопрос третьестепенный. Дело такта, все зависит от того, какое у человека представление о Христианстве. Недавно мой друг В. рассказал мне, что по некоему случаю от всей души назвал добрую атеистку христианкой. И что же — она ответила, что «такой похвалы недостойна». А другой может принять такую же похвалу в обиду. В одной записной книжке я прочитал заметку, что наше слово «кретин» происходит будто бы от французского «кретьен» (христианин).* Так ли это — не знаю, характерна сама эта заметка.

Дальше по Вашему тексту у меня нет существенных возражений — до той фразы, что «весь комплекс понятий о добре и зле вырос из христианства». Так ли? Разве до Евангелия не было этих понятий?

Относительно же покойного Че Гевары — не говоря худого слова, я с Вашей характеристикой не согласен. Разбой, убийства — какой уж тут «христианский импульс».

2. Разделения среди христиан веры непримиримы. Мои соображения об этом Вы не рассмотрели, не опровергли.

Что Иван Грозный — номинально христианин, об этом никто не спорит. Один мой друг говорит, что даже и не только номинально — постоянно каялся, мол, в своих злодеяниях. Но речь у нас была не о психике этого православного царя, а о разительном сопоставлении его с индустом Ганди. По ложной схеме выходило так, что первое лицо ближе ко Христу — абсурд очевидный.

В Ваших размышлениях о спасении меня остановила фраза, что Бог может спасти нас «механически». Нет, не может — «Бог сотворил нас без нас, но спасти нас без нас Он не может» (бл. Августин). Вопросы об «отпадении» космоса, о грядущем его «преображении» для меня весьма темны. В одном я с Вами согласен — что «нам не дано проникнуть в тайны путей Божиих».

3. Догмат о Церкви веры—это проблема, которую изучают «экслезологи» и никак не могут между собой договориться. К ним Вы меня отсылаете. А к моей графической символизации Вы отнеслись со святой непроницаемостью. Я мог бы написать даже о Вашей просто недостаточной внимательности. Ибо нигде ведь я не говорил, будто «мы ничем не отличаемся по вере» от Ганди или Швейцера. Но если уж употреблять плохое слово «христоцентричность», то надо принять его подлинный смысл. Верую и исповедую, что Христос — воистину Глава не только расколотых церковей веры, но и всего человечества доброй воли. Перефразируя известное изречение бл. Иеронима — Христос не так беден, чтобы иметь Церковь только в Чистом переулке[‡] или даже только в Риме. Сегодня о страданиях Христа говорит академик Сахаров, а Папа молчит...^{*} Об этом же хорошо написал один автор, сравнивая деятельность «Международной Амнистии» и Всемирного Совета Церквей.

«Где любовь Божия, там Христос, а где Христос — там и Церковь с Ним» (Лякордэр). Вот другой парадоксальный символ мистической универсальности Церкви Христовой. Можно сказать и так: где любящая, свободная, творческая человечность — там Христос и с Ним, конечно, вся Его Церковь. Разве можно разлучать Христа и Церковь? Если я в чем-то крупно тут заблуждаюсь — Вы должны разъяснить это мне обстоятельно.

* * *

Вторая часть реферата — обращение к атеисту. Здесь я имел в виду одно — установить, что «в пределах только разума» правомерна позиция агностика, но не атеиста. В переписке тема произвольно расширилась. Я вполне оценил благородство Вашего устного замечания, что в данных необычных обстоятельствах дискуссия вообще-то неудобна. Но ведь можно и без спора просто, как Вы пишете, поговорить по-душам об интересующих нас человеческих проблемах.

16. 10. 74

*(Копия этого письма также была переслана автором
К. А. Любарскому во Владимирскую тюрьму.)*

[‡]В Москве в Чистом переулке находится резиденция Патриарха.

К. А. Любарский — свящ. С. А. Желудкову

Дорогой Сергей Алексеевич!

Я получил *все* Ваши письма, по 12-е включительно, и даже повторение письма № 5, которое, действительно, запоздало, и оригинал и повторение были вручены мне одновременно. Видимо, сказалось содержание письма № 5: ведь в нем речь идет о покорности власти, и власть изучала, нет ли тут скрытой непокорности. Непокорности найдено не было, и письмо вручено. Так что, как видите, призывом апостола Павла осталась довольна не только древнеримская милиция.

Простите мне, ради Бога, эту парфянскую стрелу, не мог уж я, старый спорщик и поперечник, от нее удержаться. Но по той же причине не могу я удержаться и от этого письма. 12 писем, как 12 медных таблиц, гудят во храме и взывают к ответу. И вот я, оставляя в сторону родных и знакомых (а у меня их, как у кролика в сказке Милна о Винни-Пухе, много), пишу снова Вам.

Игривый тон, от которого я никак не могу избавиться в начале этого письма, вовсе не означает несерьезности моего отношения к теме. Сейчас мы к ней перейдем... Просто у меня сегодня очень веселое настроение. И есть чему радоваться — уже и впереди не так уж все мрачно.*

В надежде славы и добра

Гляжу вперед я без боязни...

Ну, — к делу! Положил рядом Ваши письма и буду следовать им. Поскольку у Вас есть их копии, то я могу обойтись без цитат. Это мне, лентяю, облегчает дело.

* Тогда только что неожиданно были освобождены из лагеря и из тюрьмы политзаключенные С. Залмансон и С. Кудирка. Увы, надежды, пробужденные этим, были напрасны — это был лишь очередной ход в дипломатической игре. Но не напрасна радость — и все-таки Сильва и Симас свободны! (Примечание 1977г.)

Итак, Вам не понравился нарисованный мною «Мир атеиста». Видимо, в этом виноват я, это недостаток моего философского и литературного дарования; не сумел я этот Мир нарисовать так, как я его чувствую. Жаль только, что Вы не объясняете, почему у Вас в этом Мире возникает острое чувство подавленности, несвободы.

Впрочем нет, одно объяснение Вы даете. Это, якобы, то, что в этом Мире «запрещается иметь понятие о Высшем Интеллекте». Если это главное, то спешу Вас заверить, что это не так. В Мире атеиста *ничего не запрещается*. Я этого специально не оговаривал, ибо мне это казалось ясным само собою. Видимо, зря. Идея Бога не появляется в Мире атеиста не потому, что она запрещена (Мир ученого несовместим с запретами), а потому что в ней нет необходимости.* Вспомните знаменитый ответ Лапласа Наполеону: «Сир, я не нуждался в этой гипотезе».

Вы зря не остановили внимания на «лезвии Оккама», на принципе, который я сформулировал в прошлом письме. Этот принцип — центральный в мышлении ученого. Этот принцип *ничего не запрещает*. Он лишь предостерегает от поспешного введения в рассмотрение новых сущностей, идей, понятий, введения их тогда, когда необходимость в них не назрела.

Вы предлагаете мне «остановиться перед тайной», сказать «не знаю». Верно. Действительно «не знаю», ибо с точки зрения ученого не наблюдаю в Мире никаких проявлений Творца. Это не отрицает Творца, но и не доказывает Его существования. Но — внимание! — с той же степенью уверенности я могу сказать, что существует также и Икс, Игрек, Зет и любая другая сущность, для которой у нас нет даже названия. Я действительно не знаю, существует ли Икс или Зет, но и не *отрицаю* их. Если агностик последователен, то он должен наравне с Творцом допустить и Икс, Игрек и Зет (Вы спросите — что это такое? Не знаю, отвечу я, нечто мне неизвестное. Может быть, оно тоже есть). Вряд ли Вас устроит такое «незнание». Кто доказывает слишком многое, тот не доказывает ничего, гласит поговорка. Кто допускает существование слишком многого, тот не допускает ничего. Именно против такого беспредельного умножения сущностей ‡ и направлено лезвие Оккама.

‡ Зря Вы все-таки против слова «сущность» («Бог не — сущность»). Используйте любое другое слово. Ведь пишете же Вы сами, что Бог — «величайшее из слов». Величайшее, но все-таки слово. Так и сущность. Раз мы с Вами рассуждали о Боге, значит Он все же есть Нечто — идея, понятие, — подберите сами термин для обозначения того, о чем можно рассуждать.

Сказать же «не знаю» лишь в отношении Бога, выделить Его как-то среди прочих сущностей Икс, Игрек, Зет, агностик не может. Ведь выделить Его среди прочих неизвестных, значит уже по сути дела сделать Его известным, более известным, чем все прочее, признать Его существование. А это уже не позиция агностика.

Итак, Вы видите, что позиция агностика некомфортабельна. Для меня, неверующего ученого — потому, что нарушает принцип Оккама, регулирующий мышление ученого, для Вас, верующего священника, — тем, что низводит идею Бога из величайших в рядовые. Не удивительно, что так. Любой паллиатив — неудовлетворителен.

Так обстоит дело с «запретами» в Мире атеиста. Нет их, этих запретов. Как только появится в этом Мире что-либо, действительно требующее введения идеи Бога — я первый поддержу ее. Но нет этого... А запреты в мире ученых вообще не в моде. Вы, видимо, знаете, что никаких гонений на верующих ученых (в том числе, названных Вами и многих других) *со стороны неверующих ученых* никогда не было.* Гнали, но не ученые, и это уже другой вопрос. Так что Вашу свободу в Мире атеиста никто не стесняет. (Не могу сказать этого же в обратном смысле: к сожалению, неученые верующие, бывало, гнали не только ученых неверующих, но и ученых верующих).

Что касается приводимых Вами примеров, что и ученый может верить, то кроме замечания, что ссылка на личности — не аргумент, хочу отметить два обстоятельства. Да, верующие ученые есть, и немало, но большинство их, подобно Эйнштейну — пантеисты (оговорка его не случайна).* А Вы сами чувствуете, что пантеист — «не тот» верующий, о котором идет речь, не случайно Вы с неудовольствием заметили эту оговорку. Второе: никто из ученых верующих не выводит идею Бога из своих наблюдений над Миром.* Заметьте, все их декларации о Боге сделаны всегда в самой общей форме, без ссылок на какие-либо конкретные основания. Не так, как это делает ученый, рассуждая о чем-либо ином. Ибо любой ученый, кроме того, что он ученый, еще и просто человек. И это «просто человеческое» и рождает в нем идею Бога (причины зачастую имеют сугубо личный характер), которая и проецируется им на сферу его профессиональных занятий. Итак, я не утверждаю, что ученый не может поверить. Может, но эта его вера не вытекает из его научных наблюдений. И не может быть иначе, ибо тогда это была бы не вера, а знание.*

Так обстоит дело с позиции агностика. К вопросу же о вере вне знания, к вере — озарению мы еще вернемся.

Теперь — о ценностной характеристике Мира атеиста. Вам Мир смертных людей, человечество без загробной жизни, представляется ужасающе несправедливым. «Лопух на могиле» — вот, по Вашему

мнению, единственная награда в Мире атеиста, и все человечество Вам представляется лишь сплошной суммой нулей. Огорчили Вы меня таким плоским представлением.

Нет, Мир атеиста это не обещание молочных рек и кисельных берегов для будущих поколений; человек в нем не сырье для создания неопишимо хорошей жизни когда-то потом. И человечество — не арифметическая сумма умерших и живущих людей.

Вы думаете, человечество — это только три миллиарда людей, живущих сейчас на Земле? Нет, это они плюс гигантское материальное и духовное наследие всех живших до нас людей. Человечество — это мы плюс бесконечно сложные невидимые связи, которые создает между нами запечатленная наука предков, поэзия, музыка, этика, религиозно-философский опыт (да, и он), все творения рук людей, до нас живших. Вот что такое Человечество, а не сумма нулей.

Вот — жил человек по имени Шекспир. Что же, если допустить, что нет загробного воздаяния, то ему остается лишь лопух на могиле? Нет, Сергей Алексеевич, и без загробного воздаяния ему остается наша — живых — память и любовь, благодарность за замирание сердца над диалогом Ромео и Джульетты, за слезы над судьбою Лира, за раздумья совместно с Гамлетом... Могила Шекспира читится, а вот на могиле Гомера наверное и впрямь растет лопух, но значит ли это, что лопух — единственное ему воздаяние? Нет, в Человечестве реальном, а не в придуманной Вами сумме нулей, не умирает ничего, не умирает — и без загробной уплаты. Я сам помню Шекспира и Гомера, и знаю, что то, будут ли помнить меня, зависит только от меня. Постараюсь же жить так, чтобы заслужить эту память у своих детей, у потомков — вот так или примерно так рассуждает атеист. И как совершается это воздаяние, он видит — не в потустороннем мире, в который он может только верить, не у грядущих поколений, до которых он не доживет, а ежечасно, ежеминутно — сейчас, вокруг себя.*

Так что я, видимо, был не совсем прав, говоря, что неверующий человек живет и работает бескорыстно. «Корысть» есть — это память поколений, в которой он хочет жить. Есть лишь одно великое отличие от «корысти» верующего. Воздаяние здесь такого сорта, что исключает любые формы торга. Для этого воздаяния индульгенций не купишь, сама идея эта в голову прийти не может. Здесь немислимы изречения типа «не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься». Такое воздаяние не оставляет места для уловок.

Не лопух на могиле, а сопричастность к построению великого светлого Мира — нет, не фантастических миров будущего — а того

Мира, в котором мы живем с Вами *сейчас*. Да, я называю этот Мир светлым, ибо в нем, кроме болезней, войн, лагерей, предательств есть — *уже есть* — «Илиада» и теория относительности, Парфенон и подвиг Альберта Швейцера, «Война и мир» и Руанские соборы Монэ... Он уже построен, этот мир, и в то же время будет строиться всегда. И его построил Человек, а не некто извне, а значит и мы с Вами, как люди, каждый в меру своих сил. И в этом — источник нашей гордости, в этом наше воздаяние.

Я не считаю такой мир несвободным или несправедливым. И этот мир *уже* видят не глаза другого, а *мои* глаза. И наличие мерзостей этого мира ничуть не противоречит сказанному. Эти мерзости — и есть точка приложения моих сил, скажет атеист, я не буду сидеть сложа руки и лишь наслаждаться райским пением. Наслаждаясь — я одновременно внес в этот мир и свою лепту.

Итак, вот суть нашего несогласия в этом вопросе: Вы считаете, что Шекспир жив только в мире ином. Я же вижу его живым и в мире сем. И пребудет вовеки... У атеиста религиозное чувство *в этом смысле* заменяется чувством истории.* Как-то на эту тему я написал Гале большое письмо, ею не полученное. Увы! Древнеримская милиция тоже ведь не всегда была либеральной.

Несколько слов по поводу Вашего замечания, что «нравственные атеисты» выросли в питательной среде христианской культуры. Это верно. Но верно и другое — само христианство возросло на питательной среде дохристианской культуры. И так далее, до бесконечности.* Каждый из нас — результат длительной нравственной и культурной эволюции человечества, каждый впитал в себя это наследие предков, в том числе и то, которое запечатлено в христианстве. Вопрос лишь в том — считать ли христианство результатом Божественного откровения или формой записи человеческого опыта. (Как таковая, христианство включило в себя и ветхозаветные идеи, но конечно, как Вы верно заметили, к ним не сводится).

В этой связи не могу не возразить самым резким образом против привлечения Вами столь популярных ныне слов Ивана Карамазова: «Если Бога нет, то все позволено». Мне эта мысль представляется глубоко неверной, более того, глубоко вредной. Это — концентрированная форма «рабства» по Григорию Богослову, уж отнюдь не сыновства и даже не наемничества. В этом-то и дело, что *не все* позволено, даже если Бога нет. Не *позволено* потому, что есть *люди*, кроме тебя самого.

Говоря об этом, мы тем самым перешли к следующей затронутой Вами теме. Вы говорите о том, что идеи страха и воздаяния, идеи рая и ада надо понимать как «внутреннее переживание». Особенно

ярко Вы пишете об этом, когда речь идет об аде, и ссылки на Пушкина и Гоголя, Достоевского и Исаака Сирина — убеждают. Но — вот в чем дело: если геенское мучение — это раскаяние, если (как Вы пишете далее) Бог выступает как любовь, красота, как совесть и оценка — то не достаточно ли самих этих понятий, вполне человеческих? Зачем добавлять к этому идею Бога? Совесть, красота и т. д. — достаточно самодовлеющие понятия, ценные сами по себе, даже не соотношенные с Богом. Их незачем проэцировать на Бога. Их создал Человек — и это, наряду с прочим, то, что заставляет меня гордиться человеком-демиургом (почему он их создал — с моей точки зрения — я уже писал в прошлом письме). И придание этим понятиям Божественного смысла ничего к ним не добавляет. Более того — убавляет. Если человек чтит совесть и красоту сами по себе — это прекрасно. Но если ему для этого необходимо еще поддержать их Божественным авторитетом, то плохо дело. Значит, ему одной совести мало. Нужна ему палка,* нужен хозяин. Тут-то и проникает в сознание то «рабство», о котором писал Григорий. Именно здесь одна из самых больших лазеек для тоталитарного мышления.

Кстати, где-то тут рядом обретается и «трудный текст» апостола Павла о властях. Вижу, что Вы и сами недовольны Вашим толкованием этого текста как текста *ad nos*. Уж очень оно натянуто. Скажу лишь, что если это так, то включить подобный случайный текст без специальных пояснений в Книгу, которой придан авторитет Божественности — серьезно ли, достойно ли? Тысячелетия этот — и другие — тексты требовалось понимать только буквально. И сейчас — один мой друг, хороший человек, верующий, с которым Вы, видимо, познакомитесь (не из номинальных христиан) — сказал мне недавно: «Если я хоть на минуту допущу, что Священное Писание надо понимать не буквально — то Бога нет».*

Так что текст действительно труден. И недостойн. Тут уж не сыновство. Тут рабство.

*Примечание 1977 г.: человек этот — А. А. Петров-Агапов. Когда я писал эти строки, я искренне считал его хорошим человеком... Улучшать прошлое — не хочу. В 1977 г. этот человек, выйдя из лагеря, опубликовал в «Литературной газете» статью-донос на своих бывших друзей (и некоторых единоверцев). Двое — А. Гинзбург и Ю. Орлов были сразу за этим доносом арестованы. Статья А. Петрова-Агапова насквозь пронизана христианской терминологией (не скажу — духом)... А я считал уж его-то исключением, редким исключением из лагерных христиан. Где ты, «вера, воскрешающая мертвых»?!

А предел покорности — душа — какое удобное это прикрытие для любого приспособленца! «Я, мол, тебе пятки лижу, но в душе я тебя, братец, ненавижу» — уж лучше бы он лизал пятки от всей души! Ведь устанавливая этот предел — в душе, Вы тем самым освящаете лицемерие. Нет, предел стоит ближе. Он включает и поведение человека. А то ведь даже Горький, и то писал о людях, бунтующих в тиши гостиных...

О мистическом опыте откровений. Да, мне известны подобные случаи. Сведенборг, например. Знаком я и с некоторыми очень впечатляющими *личными* рассказами. Это случаи крайние, и у меня есть на них своя точка зрения, которую позвольте мне не высказывать. Поговорим об откровении вообще, ибо вера, как таковая, как мы, кажется, уже согласились, не может быть приобретена знанием, а дается лишь в откровении.*

Но тогда — вот что удивительно. Откуда такое фантастическое разнообразие догматических и схизматических оттенков? И ведь каждому явился Дух Святой, каждому было откровение, но он, получивший откровение, яростно гонит другого, получившего откровение. Это нам, ученым, можно спорить и ссориться. Наша наука — дело рук человеческих, естественны ошибки и несогласия. Но откровение — это Откровение Абсолютной Истины! Так нет же, и эта истина оказывается не абсолютной! В чем же тогда ее смысл?

У Мережковского в «Юлиане-Отступнике» есть великолепная сцена, когда Юлиан наблюдает за христианским Собором и с презрением смотрит на склоки и драки святых отцов, злобно не умеющих договориться ни о чем. Да и то — не такова ли вся история Церкви... Если так, то возникает вопрос: «Да было ли вообще кому-либо Откровение? Не может же Откровение быть таким мелочным, неполным, худосочным!?» Каждый, конечно, вправе объявить подлинным Откровение — свое, и только свое. Но это лишает разговор серьезности.

Здесь по внутренней логике Вашего письма Вы приходите к «догмам атеиста» и вновь утверждаете, что в «догмах атеиста» «сомнения неверующих запрещаются безусловно». Уму непостижимо, откуда это взято? Впрочем, я об этом уже писал в начале письма. Нет у атеизма никаких догм, и запретов тоже. Если, конечно, не рассматривать исключительно как атеиста какого-нибудь администратора, увольняющего с работы «за веру». Но я надеюсь, Вы понимаете, что он действует не в качестве атеиста, а в качестве администратора.

Говоря же о запрете сомнений со стороны верующих, я тоже не имел в виду церковных администраторов, не суд над Галилеем. Администраторы всюду одинаковы — и в Церкви и вне ее. Я имел в виду внутреннее убеждение большинства верующих — «не христиа-

нин не спасется». Каждый из них в душе своей (а не административно!), изгоняет нас, неверующих.*

Никаких подобных запретов у атеистов нет. К сожалению, слово это немного загажено всякими воинствующими безбожниками. Я вместо него предпочел бы слово «свободомыслящий». Оно не мною изобретено и сейчас широко используется для обозначения неверующих людей.

А позиция «не христианин, не спасется» — вот уж поистине странная позиция. Не потому, что я жажду спасения — я ведь в него не верю. А потому, что я знаю, чем эта угроза является для самого говорящего, знаю, какой смысл он в это вкладывает. Здесь зерно, которое разрастается дальше в «недоброе христианство».

Вы абсолютно правы: во многих из наблюдавшихся мною случаев налицо религиозная мания. Во многих — но не во всех. В этих других «недоброе христианство» цветет пышным цветом. Это христианство Великого Инквизитора. Да, это дискредитация христианства. Но, видимо, Вы должны подумать, что же есть такое в христианстве, что допускает такую дискредитацию.* Ведь это не чьи-то сторонние злые происки?!

Из многих затронутых Вами тем тезис Паскаля представляется мне наиболее интересным. Звучит, правда, немного смешно: «мой ответ Паскалю» — кто Паскаль и кто я?! Но, думаю, все же прав я, а не Паскаль (это, конечно, не значит, что я умнее Паскаля. Я не умнее Ньютона, хотя на абсолютность или относительность пространства-времени смотрю вернее, чем он).

Заметим для начала, что отказ от «проверки документов на владение» осуществляется отнюдь не по мотиву трудности. Мотив состоит в том, что неизвестно, существует ли сам объект поисков. Ведь приступая к разборке архива надо иметь хотя бы какие-то основания для надежды найти в нем нужные документы. Иначе это будет напоминать поиски потерянной где-то монеты под уличным фонарем на том основании, что тут светлее. Искать надо не там, где светлее, а там, где монета обронена.

Вам этот мотив должен быть понятен. Ведь Вы тоже отказываетесь «проверять документы» иных религий. А почему, собственно? В Вашем отказе уже присутствует выбор, обосновать его Вы можете только априорной убежденностью, что Ваше переживание Святого Бога оптимально. А может быть в иных религиях Вам откроются такие новые пласты Божественных откровений, каких Вы себе и представить не можете, и только поэтому Ваше переживание кажется Вам оптимальным? Может быть, Вы по отношению к этим неизвестным Вам откровениям находитесь в том же отношении, что и я — к откровениям христианства? Пишете же Вы, что Ваш опыт мистических переживаний беден...

А ведь среди других религий есть и не менее массовые, и более новые, хронологически следующие за христианством, как христианство за иудаизмом. Ислам, например. Но Вы отказываетесь взглянуть на его документы. И довод Ваш, что Вы стали христианином не только потому, что родились в России, в христианской среде — конечно, не убедителен. Именно потому и стали. Представьте себя индийцем или японцем — так ли бы развилось Ваше мировоззрение? Ну, ладно, пусть Вы *лично* не поэтому стали христианином! А как быть с миллионами русских и с миллионами индийцев? Почему «переживание Святого Бога» открывается только русским и не открывается индийцам? (Единицы христиан-индийцев, конечно, не меняют дела по существу). И умоляю Вас, не говорите мне об особом предназначении Святой Руси, об ее избранничестве. Хорошо вижу, к чему приводит это. Слишком хорошо. Начинается с избранничества, а кончается пухом из подушек. Это — лучшая антирелигиозная пропаганда.

И далее — почему, собственно, Вы полагаете, что я отказался от «проверки документов»? Вовсе нет. Я читал Библию, оба Завета, многое из религиозно-апологетической (и, конечно, критической) литературы, чрезвычайно подробно и много беседовал с верующими людьми. Много мне хотелось понять и, мне думается, многое я понял. Конечно, я знаком с религиозной философией хуже, чем Вы, неизмеримо хуже, но и не совсем уж невежда. И вот, в результате этой проверки я нашел эти документы не то что бы фальшивыми, но с истекшим сроком давности.

Можно, конечно, потребовать, чтобы я еще и еще углублялся в церковную и религиозно-философскую литературу — пока не поверю. Требование это было бы приемлемым, если бы я (и любой человек вообще) думал только о себе. Я искал бы себе документы на дворец. Но, роясь в архивной пыли, я рискую оставить детей своих без дома вообще, дом оставить недостроенным. Пусть лучше я буду без дворца, но дети будут жить в теплом и удобном доме.

Хорошо, если документы будут найдены. А если нет? Как жить тогда? Вы скажете, что Вы *знаете*, что они непременно найдутся. Вы знаете, но я-то *не знаю*. И если я поверю Вам на слово и буду дальше и дальше искать документы, то тут-то как раз и будет наличествовать заранее сделанный выбор — убеждение, что документы есть, непременно есть и надо только отыскать их, и ради этого можно отказаться от строительства дома. Напротив, в отказе от дальнейших поисков такого тайного уже сделанного выбора нет: может быть — документы есть, может быть — нет, но гоняясь за ними, я рискую остаться без дома для себя и для детей.

Тем более, что Вы мне подаете пример. Вы «не ищете добра от добра». Я тоже. Только добро мы понимаем — в этом контексте только — по-разному.

Итак, я все опять к тому же — Человек должен *сам* быть демиургом... Пусть строит то, что может. Зато сладки плоды трудов своих.

Недооценка этого постоянно сквозит в Ваших письмах. Все Человеческое для Вас велико лишь постольку, поскольку оно где-то в глубине своей озарено Божественным светом.* Совесть — Бог, Любовь — Бог, Красота — Бог. Вы верно отмечаете, что было время, когда Бог был — молния, гроза, землетрясение, извержение вулкана. Сейчас мы знаем, что молния — это не Бог, землетрясение — тоже. Мы знаем — что это. Недра человеческой психики мы только начинаем проникать. Пока они еще не познаны нами, и всюду, где не познано, человек помещает Бога. Но так будет не всегда, и в этом порукой нам — непрестанное сокращение сферы Божественного. Сначала из нее выпали ручьи и деревья, придорожные камни и вулканы... Затем отпало и небо — физическое небо... остались недра психики. Но будет время, когда выяснится, что Совесть — это Совесть, Любовь — это Любовь.* Не Бог. Станут ли они от того «хуже»? Я знаю, что радуга — это солнечный спектр, атмосферное явление. Но разве от этого я перестаю ею восхищаться?

Так стоит для меня вопрос о Боге. Не знаю, ясно ли я его изложил, но, поскольку Вы в конце своих писем возвращаетесь снова и снова к этому вопросу, повторяю — я не «знаю, что Бога нет». Я, как Лаплас,* пока не нуждаюсь в этой гипотезе. Я не «запрещаю» ее, но требую от выдвигающих ее серьезных оснований. Пока их нет для меня. Практика же — личный опыт и историческая ретроспектива настораживают.

Если говорить честно, то если и есть «вариант» христианства, мне духовно наиболее близкий (если бы пришлось выбирать), то это — Ваш, изложенный Вами. Но — Вы правы — Ваши же братья православные Вас не понимают. Тут я со всех сторон слышу одно — что Вам надо покаяться.

.....
А Ваш реферат я оценил — может быть, я, старый ругатель, просто хвалить не умею... Это великолепно — видимо, впервые христианин делает такой прямой шаг к, я бы сказал, «моральному экumenизму», не держа за пазухой камня фатальной загробной гибели для нас, неверующих.* Это важный шаг. Без него трудно достигнуть того, о чем писал Толстой — «объединиться всем хорошим людям» в противовес плохим (Вы знаете эту его мысль, я точной цитаты не имею под рукой). Ну, а то, что я не принял «анонимного христианства» — посудите сами, как бы Вы восприняли, если бы я, желая Вас похвалить (для меня это высшая похвала), назвал бы Вас «анонимным свободомыслящим»? Или — еще того более — «анонимным атеистом»? Так что пребудем каждый в своей «епархии». Это не поме-

шает, а поможет нам работать рука об руку. Ибо

...если все шагают в ногу,

Мост обрушивается!

В разнообразии — многоцветье мира.

И напоследок — маленькое замечание. Я бесконечно благодарен Вам за высокую оценку моей скромной персоны, но она преувеличена бесконечно. Я бы очень не хотел, чтобы самый факт приключившегося со мною ставил меня на неподобающий пьедестал. К сожалению, такие тенденции наблюдаются и не только у Вас, и не только по отношению ко мне. Попасть сюда и быть здесь — это еще не подвиг. Это страдательное, а не действительное достоинство. Мученик — комплимент весьма сомнительный, а я *ни в коей мере не мученик*. Вашу высокую оценку еще надо заслужить делом. Я постараюсь. А пока мне не по себе от не заслуженных еще похвал.

Все будет хорошо, милый Сергей Алексеевич!... Ваши письма много для меня здесь значат. Пишите и простите за то, что следующее письмо будет не скоро.

13. 9. 74

P. S. А все-таки любопытный у нас получается диалог! Интересно, как он выглядит для человека «со стороны»? Хотелось бы знать объективное мнение...*

(Лагерь 19, пос. Лесной, Мордовия. Письмо З. свящ. С. А. Желудкову и ответ на него к этому времени еще не были получены К. А. Любарским в копии, поэтому в настоящем письме и не содержится отклика на них).

К. А. Любарский — Свящ. С. А. Желудкову

Из письма жене:

.....

Пока все это я писал, пришло письмо от Сергея Алексеевича. А я письмо-то ему уже послал, и добавить не сумею...^{*} Речь идет о вопросе — «В чем Смысл и Надежда человеческого существования?». Я обсуждал этот вопрос в письме к нему, которое ты уже, верно, читала. И высказывался в том смысле, что человек — это орган самопознания Природы и в этом его гордость и достоинство. Сергей Алексеевич и его друг Б., с которым он обсуждал мое письмо, считают, что этот ответ страшно не соответствует по уровню заданному вопросу и «сводит личность с ее абсолютными запросами на роль всего только научного сотрудника в институте». Я огорчен таким, прошу меня простить, плоским пониманием моего ответа. Еще ранее, в предыдущих письмах, Сергей Алексеевич огорчился тем, что в «моем» Мире человечество без загробного воздаяния превращается лишь в сумму нулей, бесконечный ряд смертей, а награда каждому — «лопух на могиле». И опять — огорчительно упрощенное представление.

В чем же смысл? Действительно ли в «моем» (кавычки понятны, это не я все придумал) Мире человеку — наградой лопух? Я позволю себе частично повторить (иначе будет неясно, о чем речь),^{**} частично дополнить некоторые мотивы из второго, только что отосланного письма к Сергею Алексеевичу.

^{*} *Примечание 1977 г.: лимит писем в лагере — 2 в месяц, в тюрьме — 1, а на строгом режиме в тюрьме — 1 в 2 месяца. Поэтому не всегда можно ответить своему корреспонденту непосредственно. Приходится отвечать всем через главного корреспондента — жену. Она уж читает твое письмо всем заинтересованным лицам.*

^{**} *Примечание 1977 г.: Следующие несколько абзацев частично повторяют некоторые мысли из предыдущего письма — это опять-таки особенности лагерной переписки. Отвечая о. Сергию через жену, приходится для нее повторять уже сказанное, дабы вопрос был ясен и ей. Ведь нет уверенности, что предыдущее письмо о. Сергию дошло и она с ним успела ознакомиться.*

Начнем с того, что Человечество вовсе не арифметическая сумма особей Homo sapiens. Ею не является даже стадо слонов, а уж Человечество — тем более. Человечество — это живущие физически люди *плюс*, непременно *плюс*, все, созданное предыдущими Поколениями. И не только, и не столько материальные ценности, но — океан информации, океан духовных ценностей.* Это великолепнейший мир поэзии и науки, философии и религии (и их тоже!), изобразительных искусств и музыки, истории, этики и т. п. и т. д. Если хотите, это все вполне материально, но я не буду уж говорить об этом. Знакомые с вопросом знают и так о тесной связи между информацией и энтропией системы и ясно осознают, что коллективное накопление информации (в широком смысле) резко снижает энтропию системы. Для людей, мыслящих в иной плоскости, это будет все равно трудно воспринять и есть опасность понимания термина «информация» в виде длинного ряда логарифмических таблиц.

Поэтому ограничусь образным представлением Человечества живых в безбрежном Океане Идей — наследия предков. Чем бы были мы, если бы не это наследие, если бы каждый раз пришлось начинать с каменного топора? Без этого Океана мы — арифметическая сумма нулей, а с ним — Человечество. Я написал это и только сейчас сообразил, сколь все это близко к идеям Вернадского и Тейяра о Ноосфере. Впрочем, лучше без имен. Упомянешь в качестве союзника Тейяра и поневоле вызовешь в памяти оппонента и другие его идеи, отнюдь не импонирующие тебе.

Ну, а что же творцы этого океана? Умерли ли они? Что их награда? Можем ли мы сказать, что умер Данте? Шекспир? Эйнштейн? Разве им наградой — лопух на могиле? Пушкин был куда прозорливее, говоря:

Нет, весь я не умру. Душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит!

Здесь речь не о загробном блаженстве. «Душа в заветной лире!» Я лично не знаю о загробном воздаянии, но я вижу не чужими, — своими телесными очами ежедневное, ежеминутное воздаяние Пушкину и Монэ, Ньютону и Аристотелю... Лопух на могиле! Счастлив был бы я получить подобный лопух! При чем тут научный сотрудник в институте?! Сегодня я — сотрудник. Завтра — я частица этого безбрежного Океана Человечества. И от меня зависит, какой вклад в него я внесу. Да, Данте и Шекспир не видят своего нынешнего воздаяния. Я — своего скромного — тоже не вижу. Но я увижу воздаяние других людей, и *обладая чувством истории* могу представить себе и свое воздаяние. Сообразую же свои поступки с этим грядущим воздаянием! И если я уверен, что действую созидательно, соучаствую в творении Океана, Ноосферы, Человечества (только для посвященных: понижаю энтропию), то я имею основание сказать —

я счастлив. Я — демиург. Содемиург, если позволен такой неологизм. И мне говорят — Б. устами Сергея Алексеевича — что это унижение человечества!!

Творить Мир (не прекрасный Мир будущего, а прекрасный Мир настоящего — *он уже создан, этот Мир, и он прекрасен*)* — Мир для себя и для Человечества — это, видите ли, унижение. А вкушать личное загробное блаженство — это не унижение? Нет, простите меня, кто-то тут кого-то не понимает. Возможно, обе стороны. Но утверждать, что в таком Мире Человек без Бога — недостаточно Человек, что мораль без Бога — аморальна, это голословно. Это не убедительно. Это — от заданности. Сергей Алексеевич утверждает, что ответ, который дает он, ответ религиозный — в отличие от моего находится на уровне вопроса. Не спорю, но при одном непременном условии — что это *действительно* ответ, а не попытка выдать желаемое за действительное. А это-то и есть центральный пункт разногласий. Боюсь, что в этом ответе — много от детского убеждения (из детства человечества) в том, что собственное слово имеет магическую силу, в том, что многократно повторенное «я хороший», — сделает тебя действительно хорошим, в том, что можно закрыть глаза и все страшное исчезнет, как дурной сон. И здесь — об этом мне как-то уже приходилось говорить* — детский страх признания реальности (вот та тропка, которая приводит в религию преимущественно слабых людей — преимущественно, хотя, конечно, не всегда). Строится вымышленный мир вместо страшного реального — ну, а если придется убедиться, что он вымыслен, тогда что? Гуманно ли верить больного, что он не болен, не лучше ли лечить его? Гуманно ли вместо низких истин подсовывать возвышающий обман? Да, мой ответ «низок», а ответ Сергея Алексеевича возвышающ. Но мой ответ истинен — в том смысле, что мы видим, что все обещанное в нем сбывается. Ответ Сергея Алексеевича — может быть истинен в том же смысле, но может быть и обманен.

И, кстати, может ли быть истина низкой? Не лучше ли признать реальность и посмотреть — действительно ли она страшна? Стоит ли от нее уходить в мир возвышенного, но возможно и обманного? И тогда окажется, что реальность не страшна, а прекрасна!

Кстати, чем объяснить, что для большей части верующих (точнее *для всех* — здесь в лагере) весь нынешний мир проникнут трагизмом. Все они живут в ожидании близких потрясений, катастроф, притом не локального, а эсхатологического плана? Для них этот мир — не их личный мир, а Мир в целом — близок к своему (земному)

* См. приложение.

концу. Удивительно парализующий взгляд на вещи, в основе которого лежат внешне грндгиозные, а по сути весьма мелкие причины. Если разобраться, то окажется, что всего лишь

Гвоздь у меня в сапоге

Кошмарней, чем фантазия Гете...

Или — та самая язва мудреца Джаифара, которую я вспоминал прошлый раз: *

Честное слово, мне такой взгляд непонятен. Да, лагерь мало-приятное место, но несколько не уменьшилось от этого мое убеждение, что потомкам нашим жить на великолепной (с нашей нынешней точки зрения) планете. Убранной и ухоженной планете, по которой, как писали Стругацкие, можно будет повсюду пройти босиком, планете, на которой двигателем духовных порывов перестанет быть собственность и ради вещи никто не поступится душой, планете, с которой исчезнет ксенофобия, нетерпимость и подозрительность... Прекрасный мир, не правда ли? Но жить в нем едва ли будет — для людей того мира — безмятежнее, чем нам. Нет, у них будут свои беды и боли, о которых мы и помыслить не можем. Иные — но не меньшие. Наш мир, вероятно, показался бы древнегерманскому варвару сказкой, феерией. Но что знал бы этот варвар о наших мучительных вопросах? Он не смог бы их и понять.

Но и это прекрасно. Потому что это будет мир людей, а не «желудочно-удовлетворенных кадавров». **

Понимание же непрерывности, неизбежности исторического процесса, понимание важности исторической оценки и ее несовпадения с оценкой нынешней* всегда служило серьезной духовной опорой — и для верующих, и для неверующих людей. Примеров — мириады. Ну вот, пожалуйста, народовольцы, книга о которых (Н. А. Троцкий, «Народная воля перед царским судом») недавно попала мне в руки. Степан Ширяев на «Процессе 16-ти» в 1880 г. говорил в суде: «Вы представители заинтересованной стороны и не вам судить

* *Примечание 1977 г.: речь идет о стихотворении в прозе В. М. Гаршина, цитированном в одном из предыдущих писем жене. Вот оно:*

Юноша спросил у святого мудреца Джаифара:

— Учитель, что такое жизнь?

Ходжи молча отвернул грязный рукав своего рубища и показал ему отвратительную язву, разъедавшую его руку. А в это время гремели соловьи и вся Севилья была наполнена благоуханием роз.

** *Примечание 1977 г.: выражение А. и Б. Стругацких из повести «Понедельник начинается в субботу».*

меня трезво и беспристрастно. Но я верю — и эта моя единственная вера утешает меня во все горькие минуты жизни, что над всеми нами, и над вами в том числе, есть суд высший, который произнесет со временем свой правдивый и честный приговор; *этот суд — история*. И этот приговор, как мы знаем, народовольцы угадывали безошибочно. В прокламации 1879 г. по поводу казни В. Дубровина «Земля и воля» писала: «Нас называют отщепенцами земли русской, — мы, действительно, отщепенцы, но отщепенцы в смысле нравственного превосходства перед поклонниками монархизма, в смысле искренности нашей любви и преданности земле русской».

Но без стержня — религиозного или атеистического, но без стержня, — так легко оскотиниться... Из подслушанного в курилке:

—Сегодня кино...

(После паузы, задумчиво):

—Не, кино завтра. Сегодня рыбный суп...

Вот это страшно. А вовсе не «мир атеиста».

.....

29. 9. 74

(Лагерь № 17, пос. Озерный, Мордовия)

К. .А Любарский — свящ. С. А. Желудкову

Из письма к жене:

.....

Ты пишешь, что меня посчитали за еврея. Конечно, тут только за него и принимали. Как же, три приметы: очки носит, книги читает и с евреями дружит. Сначала я пытался — в интересах точности — поправлять, а потом перестал. Рассматриваю это как честь. Уж очень неприглядно выглядят тут, в здешних условиях, мои компатриоты — православные. И лишь здесь я оценил в полной мере еврейский рационализм, культуру духа, социальную активность. Четко понимая, что это, увы — черты иной, нежели моя, нации, и оставаясь русским со всеми минусами и плюсами русского — я — при всем этом — завидую этой высокой культуре духа и беру ее за образец. И чем больше кривых и подленьких усмешек — тем более утверждаюсь в этом.

Православие — и само по себе и запечатленное в сформированном им народе — незримыми нитями восходит к эллинской культуре. При всем их различии, особенно разительном в отношении к культуре тела, например — у православия и эллинизма есть общее в главном. Это — завершенность, окончательность. Эллинский идеал красоты, духа и т.п. и православный идеал — это истина в последней инстанции, завершенная истина, к коей уже не прибавить ничего и не убавить. Точка. Конец. Завершение цели. Венера Милосская — эталон. Платоновское государство — идеал. «Москва есть третий Рим, а четвертому Риму не бывать». «Не может быть иного идеала человечности, кроме Иисуса Христа». Это прекрасно, но это в чем-то смыкается и с идефикс, с неподвижной идеей, которая потому и неподвижна, что ей некуда уже двигаться. Она заполняет собою все сущее.

В противоположность этому иудаизм и еврейская культура — незавершенность, развитие, вопрос, сомнение — принципиальные сомнения, принципиальная незавершенность, двусмысленность, если хочешь, побуждающая к разрешению ее.* При всем величии и красоте неподвижной идеи — идея незавершенности не может не импо-

нирывать человеку науки, исследователю, человеку, который кожей чувствует, что мы в потоке истории и что нам и идеалам нашим еще меняться и меняться до бесконечности.

Разумеется, я намеренно огрубил и упростил эту дихотомию. На самом деле в идеологиях обоих типов — эллинской и иудейской — присутствуют и черты друг друга. Но в основном суть дела, на мой взгляд, именно такова.

Раз уж я опять затронул эту религиозно-философскую тематику, и раз мне, как ты грозишься, предстоит еще сражаться с несколькими верующими, я хотел бы затронуть здесь еще два вопроса, которые, как мне кажется, должны тревожить любого христианина.

Первый вопрос я уже как-то затрагивал вскользь в письме Сергею Алексеевичу, но внятного ответа не получил. Это вопрос о тождестве христианского мышления и мышления тоталитарных идеологий. Оно, на мой взгляд, не случайно. После того шага вперед, который сделал иудаизм по сравнению с язычеством, отъединив идею Бога от ее материальных носителей на земле, христианство явно отступило назад. Идея Богочеловека, воплощения Бога в человеке, при всей ее красоте и личном величии данного Богочеловека, создала опасную модель: принципиальной возможности почитания Бога в человеке.* Видимо (если принять на минуту идею искупления), той же цели следовало добиваться иными средствами, ибо нельзя человеческий ум, такой как он есть (а Бог не может не знать, каков он), после искупления вновь подвергать соблазну Богочеловека. Именно по этой опасной модели были созданы и всё католичество с обожествлением Папы,* и галликанская, и англиканская церкви, даже протестантские церкви, в теории отвергающие обожествляемого главу, на практике всегда выдвигали то Кальвина, то Цвингли. Идея *Единственности* Богочеловека ушла в тень по сравнению с самой идеей *возможности* Богочеловека. Именно по этой модели строил свою идеологию, например, гитлеризм, и известные его распри с католицизмом — это не борьба соперников, а борьба конкурентов. Две неподвижные идеи не могут заполнять одно пространство. †

Это не означает, конечно, ответственности христианства за гитлеризм. Отнюдь нет. Но нельзя не признать, что оно формирует тип мышления, благоприятствующий зарождению тоталитаризма.

‡ *Примечание 1977 г.: В письмах из лагеря, естественно, приходилось ограничиваться лишь такими примерами. Ближе нам и известнее — распря православия с марксизмом. Впрочем, идея о религиозной сущности марксизма высказывалась уже неоднократно. Она заслуживает особого детального рассмотрения, и здесь я развивать ее не буду. Надеюсь вернуться к ней отдельно в дальнейшем.*

История знает тому бесчисленное множество и иных примеров.

Второй вопрос несколько выпадает из главного русла наших с Сергеем Алексеевичем дискуссий, но тем не менее интересен. Хотелось бы получить на него ответ от верующих. Предательство Иуды всем известно, заклеимлено и осуждено. Но как быть с другим предательством — предательством Петра, троекратным «я не знаю этого человека»? Пусть оно не сыграло той роковой роли в судьбе Иисуса, что предательство Иуды, — от того оно не перестает быть предательством. И вот — «на Петре, как камне, осную Я Церковь». Вот каков фундамент церкви, церковного Христианства. Почему так? Случайность ли это? Нет, конечно.* Но что же это тогда? Не совсем частный вопрос, не правда ли, и для нас особенно.

.....

6. 10. 74

(Лагерь № 17, пос. Озерный, Мордовия)

Корреспондент Б. — свящ. С. А. Желудкову

†

Дорогой о. Сергей!

С Вашим рефератом я уже был знаком и с интересом его перечитал. Интересно и отвечающее Вам письмо, письмо характерное и по-своему искреннее. Несколько слов об этом письме.

Энергично разоблачая в религии то или иное, автор неосторожно мыслит, *что* такое религия, и очевидным образом недостаточно различает, *что* относится, а *что* не относится к сущности дела. А возражения одно за другим выстраиваются в обвинительную речь, речь с единым стилем настроенности мыслей и чувств против религии.

Все это мне по себе знакомо. Ваш корреспондент мог бы поверить, что я не творю атеиста по своему образу и подобию, — атеизмом я жил.

Имея этот опыт, я, кажется, имею свидетельство и для Вас: нет, не так-то просто неверующему переименовать себя в «агностика», а еще труднее ему перенять предлагаемую Вами «надежду». Здесь я отчасти согласен с Вашим корреспондентом, когда он пишет, что вы слишком по-своему представляете себе, *что* значит не верить.

Но думаю, что Вы представляете себе лучшим, чем оно есть, состояние неверия. И потому, думаю, так представляете, что не всегда достаточно осторожно сближаете оценку того состояния, в котором личность *предбывает*, с ценностью личности в ее иной реальности и глубине, с ценностью, так сказать, самой личности. Много прекрасных неверующих людей, но не становится от того привлекательнее само неверие.

Когда в письме к Вам искренний и честный сам по себе человек желает искренне и честно *мыслить* на путях *неверия*, — дело кончается очевидной неудачей. Вот важный факт, который дает нам эта переписка. Позиция неверия не позволяет быть внутри нее искрен-

ним, честным, последовательным, определенным. (Пусть простятся мне эти резкие слова — под ними то, *что* входит в мое «кредо»). Такие добродетели — как ни старайся — не выполнимы в «материале неверия». Как бы изощренно мысль ни утверждалась на путях неверия — нет сомнения, что она может быть в принципе разоблачена как несостоятельная. Достаточно для этого обозреть мысль в ее целом, в простой формуле ее общего результата, — без тех подробностей, которые могут уводить в сторону и скрывать лукавство, — и все станет ясно. Любой пафос искренности и честности, если он вяжется защищать неверие, кончает плохо — становится сам ложным. Такова сила влияния ложной идеи на исповедание ее. * В противоположность этому истинная идея дает правильную «постановку» самого способа мыслить. Хорош ты или плох сам по себе, но с чем поведешься, от того и наберешься.

Вот Ваш корреспондент, воодушевленный пафосом искренности и честности, критикует религию. Он опасается даже, не слишком ли это у него, не обидит ли он Вас.

Но *что* искреннего, честного, последовательного, когда на запрос об истинном смысле жизни, о высочайшем призвании человека дается ответ вроде того, что интересно и увлекательно жить, познавая вместе с наукой мир, что чувствовать себя участником некоторого неопределенного прогресса — отвечает нашему человеческому достоинству. Ваш корреспондент говорит здесь совсем не о том, теряет самое главное в постановке вопроса, не чувствует того тона, «ключа», в котором задается религиозный вопрос, не чувствует позиции ответственного вопрошания человека о самом главном, максималистического запроса о максимальном. Предложить ответом на запрос о смысле жизни увлекательное научное познание, — для *такого* запроса это все равно, как если ответом на него предложить коллекционировать марки или решать увлекательные кроссворды.

Религиозные проблемы — независимо от наших решений — совсем не есть проблемы того, что «интересно», что «увлекательно», или какие есть «концепции» и каким «фактам» они удовлетворяют. Религиозные проблемы — это проблемы жизни и смерти, совести и вечности, страдания и блаженства, греха и прощения, — это проблемы о Боге, о нашей жизни и связи с Ним, — это даже проблемы Самого Бога, проблемы о Его проблемах, о Его жизни в связи с нами, о Его страданиях, о Его жертве... Речь идет о проблемах абсолютной бессмысленности нашей жизни, — или-или, — третьего нет. Это в принципе совсем другого рода проблемы, чем те, которые приписывает религии Ваш корреспондент.

И эти действительно религиозные проблемы стоят перед всеми, но не все серьезно сосредоточиваются на них. Но эти проблемы,

они одни действительно серьезны — на них стоит тратить пафос и к ним обращать искренность. Серьезность, искренность, честность души — по большому счету говоря — только этим религиозным проблемам и предназначены. А вне религии говорить, спорить о чем-либо, в сущности, по большому счету говоря, не о чем. И — говоря парадоксально — именно в этом наш единственный спор с неверием, спор, где мы выступаем с абсолютной бесспорностью нашей позиции. И ответственной спор у веры с неверием там, где вера сознает, что спорить в сущности не о чем, — и потому так трудно спорить, — потому что так очевидна правда веры. Труднее всего очевидность. Страшнее всего то «ничто», о котором сказать нечего.

25. 9. 74

*(Копия этого письма была переслана о. Сергием
К. А. Любарскому во Владимирскую тюрьму)*

Корреспондент Б. — свящ. С. А. Желудкову

†

Дорогой о. Сергей!

Только теперь я ознакомился с продолжением переписки. Не стоит объявлять, что, упоминая обо мне, Вы произвольно — из непосредственной Вашей доброжелательности — обманываете читателя, представляя меня «человеком высокой культуры и абсолютной искренности». Думаю, что всем нетрудно догадаться, что, во-первых, это Вы — человек абсолютной и безудержной благожелательности. С меня же довольно, что моя малокультурность не мешает мне мыслить, как я хочу, и еще то, что обманывать я также никого не хочу. И довольно этого.

По предыдущему моему письму само собой видно, что то, *что* Вы отнесли к моему мнению, есть именно мое мнение. Да, именно таково главное мое впечатление не только от идей, но и от всего способа мыслить Вашего корреспондента, что не может человеческая личность, сохраняя свое достоинство, удовлетвориться теми ответами на главные вопросы, которые корреспондентом предложены, и что, во-первых, нам предстоит договориться, *что* значит — ставить главные человеческие проблемы во весь их рост. Есть разница: мыслить от лица науки, концепции... — или от своего лица. Тогда разные ответы будут удовлетворять и казаться ответами. «Исчезнуть навеки, предварительно поработав несколько лет в научном учреждении» — это не ответ, я думаю, на вопрос о смысле нашей жизни.

Наша совесть говорит нам из таинственной глубины. Объяснять ее «методом проб и ошибок» — это какое-то недоразумение, нельзя себе представить, чтобы уважаемый Ваш корреспондент именно это в точном смысле слова принимал всерьез. Надо спросить о точности выражений. Но если довести до конца признание о глубинности совести нашей, то надо говорить не о ней, а на деле являя свое признание этой совести, говорить из нее. Нужно мыслить из совести своей. Это и значит — от своего лица мыслить. А не соблазняться мыслить о совести, мысля от лица разного рода «идей». В тысяче предрас-

судков имеют привычку обвинять религию. Но у неверия есть один Предрассудок, стоящий всех остальных — что можно мыслить об Истине, не мысля из нее. Что можно в качестве источника подставить вместо Истины свое самовольие, самовольно выбрав концепцию, идею, от лица которых пойдет дальше размышление. Что можно мыслить от себя, отвергнув ту свою таинственную глубину, где человек таинственно переходит в нечто его превышающее, — где звучит голос совести.

Как получается такой парадокс, что человек достойный выдвигает идеи, унижающие человеческое достоинство, я сказал в письме до этого. Виновата здесь идея — она отравляет человека. Человек же виноват, «выбирая» эту идею...

О ненаучности некоторых высказываний нужно говорить конкретнее, если возникнет потребность в таком разговоре.

В общем, дорогой о. Сергей, мне Ваше письмо по душе.

4. 11. 74

(Копия этого письма была переслана о. Сергием К. А. Любарскому во Владимирскую тюрьму)

Свящ. С. А. Желудков — корреспонденту Б.

†

Дорогой Б.!

Новая беда обрушилась на Кронида Аркадьевича. Он переведен во Владимирскую тюрьму, известную своим крайне тяжелым режимом для тех, кто переводится туда из лагеря. Теперь для узника наступили особенно трудные дни и ночи.

Между тем из писем его становится ясно, что никакой он не атеист — он верующий, он горячо исповедует некую особенную, свою форму религиозности. Она для него священна, она помогает ему достойно жить, страдать столь мужественно. Критика ее в данных обстоятельствах недопустима, и нападки узника на Христианство веры пусть останутся пока без ответа. Да поможет ему Бог!

Обращаюсь к Вашим письмам. Всецело присоединяюсь к характеристике ни с чем не сравнимой значительности религиозной проблемы. «Или-или, третьего нет». Как раз когда я получил Ваши письма, мне встретился детский стишок Мандельштама: «Если в этой жизни Смысла нет, говорить о жизни нам не след»... Если нет Бога, если нет Верховного Смысла всего — то в самом конечном счете абсолютно бессмысленны все науки, вся культура, все наши занятия, — все это не более как только «марки и кроссворды», только развлечение, отвлечение от страшной правды безумной действительности.

Там же у Вас выражение глубокого значения: наши религиозные проблемы — «это *проблемы Самого Бога*, проблемы о Его проблемах»... Да, надо полагать, что задача спасения человека и мира, свободного приобщения их к Божественной жизни — это воистину проблема для самого Бога, и Он может решить ее только при свободном содействии человека.

Первое письмо Ваше заканчивается утверждением, что «так очевидна правда веры». Но ведь нет же — совсем не очевидна для очень многих... Во втором письме рассуждение «о совести — из совести», «об Истине — из Истины» может показаться претенциоз-

ным, если не будет доведено до такой ясности, чтобы стать понятным для всех.*

Теперь приглашаю Вас написать о Ваших размышлениях по основной теме реферата — о Церкви.

14. 11. 74

(Копия этого письма, кроме первых двух абзацев, была переслана о. Сергием К. А. Любарскому во Владимирскую тюрьму)

Корреспондентка И. — свящ. С. А. Желудкову

†

Дорогой о. Сергей!

Новая переписка продолжает и, на мой взгляд, значительно накаляет одну из важнейших Ваших тем — тему «анонимного христианства». Ваши мысли по этой проблеме уже давно меня одновременно и вдохновляют, и весьма настораживают.

Не может не вдохновлять столь радостно и живо ощущаемая Вами общность хоть и различных по воззрениям людей — верующих во Христа, представителей других вероисповеданий, тех, кто стоит вне веры, — но одинаково несущих на себе Его «легкое бремя» любви и добра.

Не может не вдохновлять крепнущая под впечатлением от Ваших работ убежденность, что в человеке на самой глубине, в самых истоках личности есть нечто очень простое и насущное — как дыхание, как хлеб, как сама жизнь — и именно это бесконечно простое и бездонное «нечто» роднит его с другими душами, «по природе своей христианками». А это значит, что возможность понимания и связи между людьми «кореннее» любых разногласий. «Чем глубже зачерпнуть, тем общее всем, знакомее и роднее», — писал Л. Н. Толстой Н. Н. Страхову в 1892 г. От себя добавлю, что только тогда затеплилось во мне личное чувство Церкви, когда привелось понять, что Она, быть может единственная, вот так, всем Существом, настроена на этот общечеловеческий корень и центр, что из этого бесхитростного материала состоит Ее единое Тело, Ее Душа.

Не может не вдохновлять Ваша способность высоко и справедливо ценить тех, кто в трудной обстановке неверия утвержден в постоянном союзе с совестью, в самоотверженной доблести сердца, и Ваше настойчивое стремление «географически» отнести этот духовный феномен к зоне, непосредственно примыкающей к христианству, определить его как самый «порог» нашей веры.

Вы акцентируете внимание на удивительном сходстве смежных областей — «христианства воли» и «христианства веры». Но ведь

ощущения разительности сходства можно добиться, лишь показав всю разительность различий.

«Анонимное христианство» мне, как и Вам, кажется «рубежом». Но в двояком смысле можно рассматривать всякий рубеж: он ближе всего к другой земле и способен стать исходной позицией для последующих шагов уже по этой, новой земле, но он способен оказаться и прочной стеной, преграждающей путь. Вернее, он в равной степени и то, и другое сразу.

Для Вас этот рубеж, этот порог драгоценен сам по себе, и даже в первом качестве — в качестве «исходной позиции» — Вы не склонны его рассматривать. Вы считаете, что прекрасно так, как есть — и так тому и быть: одному вера, другому «добрая воля». Но заметьте: Ваш уважаемый корреспондент, остро полемизирующий с Вами с позиций «агностицизма», в этом пункте — в разделении веры и воли — идет, по существу, за Вами: забыв хотя бы вскользь сказать, что «христианство веры» невозможно без мощного волевого импульса, что вера требует непрерывного укрепления воли, Вы тем самым отдали волю «другому ведомству» и подсказали один из лейтмотивов ответного письма, в котором мужество и сила, волевая стойкость определяет специфичность атмосферы «честного неверия». Конечно, Ваш друг может не знать, что к тем, кто, по его мнению, пребывает в немощной покорности, обращен строгий призыв Апостола: «Бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны, тверды» (1 Кор 16. 13). Но мы должны сказать ему об этом.

В переписке есть еще один момент — и момент принципиальной важности — в котором Ваш оппонент, непримиримый в большинстве других случаев, неожиданно вторит Вам, едва ли не полностью совпадает с Вами. Привожу соответствующие цитаты из Вашего реферата и письма Вашего друга-«агностика». Вот что пишете Вы, сравнивая «христианина веры» и «христианина воли», или «анонимного христианина»:

«Но у нас, в Христианстве веры — наследственный и личный религиозный опыт, у нас молитва, таинства, чудеса, у нас надежда, от которой дух захватывает. А у него («анонимного христианина» — И.) ничего этого нет, он поклоняется и служит, служит Богу совершенно, так сказать, *бескорыстно*, не ожидая себе никакой награды, никакой Вечности, из одного, можно сказать, воистину чистого, свободного уважения. Это возвышает его в моих глазах чрезвычайно».

И в конце реферата:

«Согласен ли я вот так, ничего не зная о Боге, без *всяких расчетов и гарантий*, свободно преклониться пред этой красотой, ее избрать в решающий принцип моих стремлений и действий?»

Вот подвиг свободы, который с точки зрения Христианства веры заслуживает высочайшей оценки. **Достоинно жить в неизвестности.** Вот девиз мужества и свободы, при исполнении которого бывает радость великая на небесах» (подчеркнуто мною, И.).

Вы благородно стремитесь во всей полноте показать достоинства действительно достойных, и в целом к Вашей позиции нельзя не отнестись с совершенным сочувствием. Но именно *такая* форма выражения этой позиции вызывает несогласие и тревогу.

Представьте, например, что эти Ваши строки читает не Ваш оппонент, столь непримиримо относящийся к вере, но человек, который с симпатией относится к ней и в данный момент колеблется, не перешагнуть ли ему «пограничную черту». Мне кажется, что под впечатлением Ваших слов он уже занесенную было ногу с готовностью водворит на место. Он не без удовольствия узнает себя в Вашем парадном портрете, хотя, наверное, скромно откажется от героического ореола, на котором Вы настаиваете. Но он неизбежно отметит и то, что портрет Ваш написан на фоне — и фоне контрастном, — на котором проступают куда более негероические и даже нравственно-сомнительные для современного глаза черты «просто христианина».

В самом деле, Вас восхищает, что он, «честный агностик», отдал себя бескорыстному служению добру — а кто, следовательно, корыстен? Ведь Вы? Ведь всякий христианин? Он не ждет никакой награды — а кто, следовательно, ждет? Он преклоняется перед Красотой без всяких расчетов и гарантий, свободно — а кто, следовательно, наоборот? И смотрите, как этот Ваш облик христианина, лишь в «подтексте» намеченный Вами, охотно «выявляет» и дополняет Ваш друг и оппонент в своих рассуждениях о христианской идее воздаяния:

«Сама мысль о плате, воздаянии вводит в мораль, в поведение — корысть. Это уже безнравственно с моей точки зрения. Я, видите ли, должен быть честным и смелым, добрым и щедрым потому, что мне за это заплатят. Не важно, в чем эта плата состоит, неважно, что ею является спасение души. Плата велика, но это *плата*.

Стану ли я настаивать, что корысть, намеком отмеченная Вами и напрямик — Вашим другом, в христианстве отсутствует? Нет, напротив, с готовностью соглашусь и с Вами, и с Вашим оппонентом. Но я стану настаивать на том, что корысть есть, но не та, над которой можно бескорыстность анонимного христианства возвысить, а как раз та, которая недоступно сияет над этой бескорыстностью.

Она неизбежно не может быть принята с позиций неверия, потому что вряд ли правильно понимается им.

И столь же неизбежное непонимание со стороны самого умного агностика касается таких компонентов веры, как страх, покаяние, покорность, суд. Очень показательно, что Ваш уважаемый корреспондент, который более чем кто-либо по своим личным достоинствам соответствует высокому содержанию, вкладываемому Вами в понятие «анонимный христианин», как раз и нарушил иллюзию спокойного соседства «христианства веры» и «христианства воли». Ведь весь набор его «претензий к христианству», обвиняемому в корысти, страхе, смирении и т. д., есть не что иное, как пограничные столбы, означающие, что тут начинается заповедная зона, которую не постичь извне и которая по-прежнему составляет «для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие».

Посмеем ли мы сказать Вашему другу, что страх, суд, воздаяние, покорность — лишь второстепенные компоненты христианства? И верно ли, точно ли искать по каждому пункту «обвинения», предъявляемого христианству, компромиссные, примиряющие объяснения «с точки зрения современного научного сознания»? (Так иногда делаете Вы, когда пишете, например, что «страх и воздаяние в Писании имеют не абсолютное, а исторически-воспитательное значение», или что, противопоставляя веру и «дела закона», Павел под «делами» разумел обрезание — и не сверх того. Коли так, то каким же плоским и преходящим оказывается глубочайший текст Апостола!).

Мне представляется, что «сильнее» и, быть может, полезнее для существа разговора был бы такой ответ Вашему другу:

Да, страх, смирение и др. — это глубинные, огромные пласты христианской веры. И поэтому большая просьба к Вам — будьте осторожнее! К сожалению, в своей оценке этих пластов Вы пользуетесь привычными для Вас представлениями и ассоциациями, совсем «не работающими» здесь. Помните, что «здесь», в нашей области, нельзя, по Евангельскому предупреждению, пытаться приспособить для нового вина старые мехи. Это должны быть совсем новые мехи. Но Вас сбивает то, что называться они будут, как и старые — «мехами». Привычный звук провоцирует Вас на мысль, что Вы имеете дело с привычной сутью. Например, то, что в христианстве называется «страхом», обозначает состояние, которое Вы с детства привыкли презирать; то, что в христианстве зовут «покорностью», есть не что иное, как то, что ненавидит всякий порядочный человек. И что еще может значить чудовищное слово «корысть» кроме того, что оно значило всегда и везде?

Страх есть страх. Покорность есть покорность. Корысть есть корысть. Так ли? Нет, не так!

Позвольте поделиться с Вами наблюдением, что непримиримые противоположности распределяются не по контрастным терминам, не по «антонимам», а как ни удивительно, оказываются объединенными под «крышей» одного и того же слова.

В самом деле, что, к примеру, может более противостоять любви святой, нежели падшая любовь? Но то и другое зовется одинаково — «любовью». Страшна ли истине открытая ложь? Нет, но когда ложь предстает в обличье истины или даже является правдой, но правдой однобокой — вот когда она может соблазнять (недаром же черт обличен как «лукавый» в точном русском словце).

Христианство открыло нам великое противостояние таких понятий, как Жизнь — жизнь, Смерть — смерть.

Но теперь постарайтесь не отпрянуть от парадокса: есть Страх, прямо противоположный тому страху, который Вы имеете в виду, и никакая Отвага по непримиримости противостояния страху с ним не сравнится. И то же Покорность — лютый враг покорности. И то же Корысть, начисто отменяющая возможность всякой корысти. Что касается последней, то на ее счет существует блестящая и точная характеристика С. С. Аверинцева в статье «На перекрестке литературных традиций» («Вопросы литературы», 1973, № 2). Считаю возможным подробно процитировать ее:

«Если только абсолютная ценность и впрямь существует и ее возможно «стяжать», то не домогаться ее со всей сосредоточенной алчностью скупца, не трястись над ней, не ползти к ней на коленях, со страхом и надеждой, со слезами и трепетом, позабывая о достойной осанке, — это уже не героическое величие духа, но скорее странное омертвление и оцепенение души, ее «ожесточение». Тот, кто способен *здесь* быть «бескорыстным» и «незаинтересованным», по-видимому, не понимает, что такое — абсолютная ценность.

Конечно, словосочетание «абсолютная ценность» — это наше, новоевропейское выражение, которое все еще слишком отвлеченно и умственно; Новый Завет говорит на ином языке. Но как раз то, что слово «ценность» связано с меркантильным кругом представлений, совсем не плохо; соответствующие евангельские притчи тоже апеллируют к образам алчного стяжания. «Подобно Царство Небесное сокровищу, зарытому в поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то. Еще: подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее»...

...Подумать только, что происходит! Вот уже перед нашими глазами поставлен, как эмблема и увещание, не идеал расточающего героя, но куда более скромный образ приобретающего купца; поставлен же он затем, чтобы во мгновение ока непостижимо преобразиться. Ибо прав только «благоразумный купец», то есть приобретатель, без остатка устремивший свою жадность на абсолютное, и прав он не как-нибудь — не эстетически, не этически, но именно абсолютно; этим имплицитно утверждается, что всякая иная жадность, хотя бы краешком глаза косящая на что-либо, кроме абсолютного, абсолютно неправа: ее осуждение носит не эстетический, не социально-нравственный, а онтологический характер. Что делать! За «драгоценную жемчужину» отдают все, решительно все — и ни на кодрант меньше. Поэтому Евангелие, благословив корысть «благоразумного купца», именно тем самым с неслыханной строгостью осуждает самую, казалось бы, невинную заинтересованность в земном благополучии, самую скромную заботу о завтрашнем дне. «Итак, не заботьтесь и не говорите: «что нам есть?» или: «что пить?» или: «во что одеться?»».

Почему, собственно? Никоим образом не потому, что состояние сосредоточенной озабоченности само по себе неизящно, или низменно, или недостойно мудрого; образ купца как раз и есть парадигма такого состояния. Цель не в достижении принципиальной беззаботности по отношению ко всему вообще — беззаботности героической, или кинической, или просто игровой. Цель, напротив, в полном сосредоточении ума на одной великой заботе: как стяжать и как сберечь «жемчужину» — абсолютную ценность? Нехорошо богатеть; почему? Не потому, что сама по себе воля к неотступному поступательному приумножению благ должна быть признана недоложной, положим, по контрасту с этикой аристократического жеста и независимой осанки; совсем нет, воля эта слишком хороша, чтобы тратить ее на пустое и преходящее; ее надо без остатка направить на истинное «стяжание», оправдывающее себя в самой конечной, самой последней перспективе: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют, и где воры не подкапывают и не крадут».

Думаю, здесь дан исчерпывающий ответ на «обвинение» христианства в корысти. Поэтому перейду к следующему пункту «обвинения». В переписке прозвучал такой мотив: у христианина есть надежда на воздаяние за его добрые дела, есть великая радость пред-

чувствия Жизни Вечной, а у «анонимного христианина», у «честного агностика» ничего этого нет, и оттого первому живется теплее и благополучней, второму — суровой, горше и по-своему героичней (я огрубляю, но суть такова).

Чтобы пояснить представителю «честного неверия», что такое «благополучие верующего», попробую прибегнуть к привычной христианской образной антитезе света и тьмы, сна и бодрствования.

Представим, что ночь сошла на землю, мир погружен во тьму. Никто не знает, где начало этой тьмы, где конец.

Ночь требует сна, и большинство людей спит. Им легче всего: сон — естественное состояние ночью. Есть другие — им не по себе: беспокойно, страшно, зябко, они хотят и не могут заснуть и видят только беспросветную тьму вокруг. Тогда они пытаются оглушить себя, забыться. Таких тоже много. Их «наркомания» выступает и в своей собственной, и во многих других личинах: алкоголизма, «сексуальной революции», политиканства, богомности, пустословия, а иногда в высоком статусе «творческой лихорадки», одурманенности работой, когда можно не думать, ночь или день на дворе.

Но есть третья — их куда меньше, и в мире, где царит тьма, они кажутся непонятными, даже большими, ибо отчего-то среди ночи тянутся к Свету. Правда, для них существует лишь свет Луны, и они не верят, что этот свет неглавный, вторичный, отраженный от Солнца, ибо их установка — доверять только «фактам», только тому, что «включено в их опыт», а Солнце не может не оказаться за пределами опыта ночи. Но даже это вторичное лунное притяжение так велико, что эти немногие встают и, повинувшись приказу Света, вырываются из духоты тесных комнат. По краю карниза, над самой бездной пролегает их путь, но шаг их безупречно точен и радостно свободен. Это ли не чудо, с которым мы сталкиваемся ежедневно? Иные к нему привыкли, а иные не перестают поражаться и по-разному пытаются определить источник тайны этого безошибочного движения к Свету, называя его «доброй волей», «нравственным инстинктом», «анонимным христианством» и т. д.

Наконец, есть еще и такие, с которыми среди ночи произошло чудо еще большее: им утро подало свой Знак, послало свою Весть. Подало знак — и они проснулись, и увидели ночь вокруг и бездну под собой. Надо запомнить: проснувшись, они *одновременно* узнали и о Солнце, и о Бездне. И если Вы говорите, что они благополучны, то знайте, что они благополучны так, как может быть благополучен человек, очнувшийся и обнаруживший себя занесшим ногу над пропастью. И если Вы говорите, что им легче, чем другим, то потому, что они надеются на Солнце, а живут в ночи, и нет более чуждых

миру ночи, чем они, бодрствующие. И еще: бездна перестает быть безразличной пробужденному («лунатик» не подозревает о ней и она не интересуется им), но и пробужденный перестает быть безразличным бездне. И если кому-то не доводилось обнаруживать себя на краю Бездны (Бездны внутренней)! — пусть он при этом десятки раз имел дело с самой острой внешней опасностью, — ему не следовало бы спешить с судом и осуждением Суда и страха Божьего.

Поверьте, надо иметь бесстрашие и решиться на тот страх, который открывается в вере, и только в ней.

Это совсем особый, как мне представляется, страх — по внешности он все тот же страх за себя, который многим знаком, по сути же — это страх *от* себя, страх от вида внутренней жизни своей, ее подполий и закоулков. Этот страх противоположен всякому другому страху — ведь это страх не перед лицом тьмы, а перед лицом света, не перед лицом злодейства и ужаса, а перед лицом добра и справедливости. От преследований совесть может скрыться, от печального и тихого Взгляда ей некуда деться.

И вот что еще я чувствую в связи с проблемой страха в христианстве. Страх Божий — это не только наш страх о себе (от вида себя), но это именно «страх Божий» — страх Бога за нас.

И вообще во всех подлинных наших состояниях Бог с нами и в нас.

В реферате Вашем, уважаемый о. Сергей (извините, что мне приходится обращаться попеременно то к Вам, то к Вашему другу), — в реферате Вашем есть прекрасное место, где говорится, что «Бог — не благополучный Зритель», что через Сына Он участвует в трагедии мира и абсолютно сострадает нам — страдает с нами. (Здесь, мне кажется, весь ответ на «бунт» Ивана Карамазова).

Новый Завет открыл нам:

Бог в каждом невинном страдании — Страдающая Сторона.

Бог в Жертве Искупления, ведь Жертва человечества, принесенная за грехи человеческие Богу, есть Сын Божий. Какова же доля Бога — доля Отца — в этой Жертве Богу! Бог принимает Жертву, принося Ее.*

И так же точно Бог присутствует в страхе Божьем: Он устрашает нас, страшась за нас. Ибо Он — Отец.

Наконец, последнее, о чем хотелось бы сказать, — о христианской покорности. Первое, что ложится на сердце — необходимость как-нибудь передать, что в смирении — подлинно высокий подвиг и подлинно *освобождающая* красота нашей веры. Так же, как христианская корысть, направленная на стяжание «жемчужины», *освобождает* от всякой иной корысти; так же, как страх в вере требует бесстрашного освобождения от снисходительного от-

ношения к себе, бесстрашного прохождения в глубь мыслей, поступков и мотивов этих мыслей и этих поступков, так же христианская покорность обозначает прежде всего *освобождение* от рабской покорности себе, своим страстям, своей «самости». А не эта ли покорность человека самому себе есть основа всякого земного рабства? Итак, смирение перед Богом означает независимость в отношении своей гордыни.

Мне кажется, что смирение, как и страх в вере, основано на *чувстве вины*, корень которого — «первородный грех». Вот на этом чувстве вины и хотелось бы остановиться, потому что, как мне думается, это едва ли не главный «пограничный столб», едва ли не самый строгий «страх порога». Именно здесь для меня открывается существенное различие между «анонимным христианством» и «христианством веры»: в первом (при всех уточнениях и оговорках) преобладает «комплекс порядочности», во втором — «комплекс вины», оттого для первого столь естественно чувство собственного достоинства, для второго — покаяние.*

Отнюдь не значит, что носители чувства собственного достоинства могут быть заподозрены в личной нескромности. Отнюдь. И как правило, это достоинство добывается «анонимным христианством» с потом и кровью, оно — венец его внутренних трудов, оно становится оплотом и силой, краеугольным камнем его личности. Но «там», в неверии, оплот, «здесь», в христианстве — препятствие. Там — сила, здесь — слабость. Там — краеугольный камень, здесь камень преткновения. Ибо от чувства собственного достоинства до гипертрофированного чувства человеческой самооценности — один шаг. А еще шаг — и человек, который «звучит гордо», обрушивается на веру, которая якобы толкает к сотворению кумиров (хотя *только* вера в Единого Бога абсолютно запрещает идолопоклонство). Он обрушивается на веру, но не замечает, что давно *сотворил себя кумиром*. И он оглядывается вокруг себя и не видит идолов, и гордится собой, и невдомек ему извлечь бревно из собственного ока.

Не оправдываются ли по сей день слова Господа, что Он не к праведникам пришел, а к грешникам? «Анонимное христианство» оттого и представляется мне пограничной зоной, которая не только подводит вплотную, но и не пускает к христианству, что почва его весьма благоприятна для характерного современного «праведничества». В самом деле, легко ли переступить порог утвержденности в себе, в своей порядочности? Легко ли прийти к абсурдному выводу, что надо бы отправиться искать добра и правды в неведомую землю, в то время как они давно уже кажутся прочно обретенным достоянием? Ведь от добра добра не ищут...

Но тому, кому все-таки мало этого достояния, кто готов решить-

ся на продажу всего своего «имущества» и на стяжание «жемчужины» Духа, надо знать, что нельзя идти в веру и не отдать за нее все. Нельзя идти в веру и оставить при себе кое-какие из прежних благополучных ощущений, сохранить прежнюю достойную осанку во всех отношениях порядочного человека. Пусть он не надеется, что находясь в вере и преодолев в себе то-то и то-то, достигнув огромными трудами тех-то и тех-то духовных целей, можно вновь обрести покой и прошлое чувство самоудовлетворения. Напротив, придется идти еще дальше по пути глубочайших саморазочарований — ведь он приблизится на шаг к Свету святости, и этот Свет проникнет в те закоулки души, которые до сих пор прятались от него или которые он от себя успешно прятал. Пусть он не надеется на компромиссы — он утерет *былое* достоинство и *былую* гордость.

Будет достоинство, но совсем другое достоинство.

Будет гордость, но совсем другая гордость.

Будет и любовь к себе, но иная любовь.

Вот и все, что хотелось сказать. Адресую это письмо Вам, дорогой о. Сергей, Вашему уважаемому корреспонденту и еще кому-то третьему — тому, кто готов переступить «порог».

Ноябрь, 1974

(Копия этого письма была переслана о. Сергием К. А. Любарскому во Владимирскую тюрьму)

Свящ. С. А. Желудков — корреспондентке И.

†

Дорогая И. ! Ваше письмо — еще один голос из Церкви веры. Молодой, звучный голос упрекает меня в том, что чрезмерными похвалами безрелигиозному Христианству унижается святое Христианство веры.

Особенно чувствительным явился для меня упрек в недостойном отношении к священному Писанию. С этого я и намерен начать — на этом себя проверить. Да, я продолжаю думать, что есть в священных текстах и абсолютное и только историческое значение. Без этого различия не проживет современное Христианство веры. Вот и этот текст святого апостола Павла: «Ибо мы признаем, что человек оправдывается верою, независимо от дел закона» (к Римлянам, гл. 3). Текст — полемический, он был направлен против приверженцев иудейского закона, существенным элементом которого была хирургическая операция обрезания, и который стал поэтому преградой для обращения язычников. «Итак, стойте в свободе, которую даровал вам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства. Вот я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа» (к Галатам, гл. 5). Ясно, что дела, без которых «вера мертва есть» (послание Иакова, гл. 2) и дела закона, о которых писал апостол Павел, — это совсем разные вещи. Конечно, оправдание верой — глубочайшая тайна, но нельзя толковать ее в смысле спасения мертвой верой. Об этом и была речь в реферате. А что такое вера спасающая — это разъяснил сам апостол Павел: «Ибо во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью» (к Галатам, гл. 5.). В церковно-славянском переводе: «вера, любовьию поспешествуема». Деятельная, любящая вера.

Итак, спасительная вера — это не состояние только некоей умственной уверенности в «существовании» Бога, в Божественности Христа. В рукописях А. П. Чехова остался такой текст, не сданный в печать из опасения цензуры: «Веровать в Бога не трудно. В Бога веровали и Бирон, и Аракчеев, и инквизиторы»... Да, инкви-

зиторы. Очень крепко веровавшие люди уверенно мучили и убивали инакомыслящих. В свете этого и подобного исторического опыта само слово «вера» вызывает смущение. Считается, что у нас «возрождается вера», и вот мы видим сердитых, ругающихся националистов, которые хвастают своим православием. Известны даже верующие предатели. И Вы еще мало знаете нас, церковных обывателей, которые не думают ни о каком покаянии, ни о какой духовной работе, пребывают в полусонном состоянии. «*В вере ли вы?*» (к Коринфянам II, гл. 13). Как часто бывает, что мы, строго говоря, не можем называть себя христианами веры.

Вы написали, что Христианство веры невозможно без мощного волевого импульса. Надеюсь, Вы имели в виду не насилие над интеллектом. Вы писали о вере, которая постоянно бодрствует, требует непрестанного укрепления воли, бесстрашия, огромных трудов для достижения духовных целей... Словом — о действующей вере, о *жизни* в вере и по вере. Истинное Христианство веры — это редкое явление, и мы можем радостно засвидетельствовать, что знаем живые его примеры.

Унижается ли это истинное христианство веры, когда рядом с ним восхваляется явление безрелигиозного Христианства? Я продолжаю думать, что святой поступок неверующего человека вызывает восхищение именно потому, что совершается без ожидания награды. Но это совсем не значит, что вера, напротив, корыстна — нет тут такого подтекста. Корыстна ли любовь, искренняя любовь к богатому человеку? Мы, верующие, любим «богатого» Бога, и этим не унижается наша вера. Но нельзя унижать и того, кто любит Бога, не веруя в Его «богатство» — в Его «существование» (в кавычках, ибо Бог выше этого слова). В реферате я писал, что такая любовь к Богу есть чудо, что это очень таинственно — и теперь добавлю: это даже более таинственно, чем чудо веры. И если мы хвалимся своим сознательным Христианством веры, то будем его достойны, сознательно оценим явление безрелигиозного христианства, дадим ему место в символическом круге. Бог един для верующих и для неверующих, Христос — единый Глава всего человечества доброй воли. Таким пониманием не унижается, а возвышается Христианство веры.

Я не согласен, что наша похвала неверующему преградит ему путь к вере. Должен сказать, что мне противны хитрые соображения по части уловления душ. Но замечу только уж кстати, что в Евангелии Христос привлек ученика похвалой: «Вот подлинно израильтянин, в котором нет лукавства» (по Иоанну, гл. 1). В реферате намечены принципиальные рубежи для дружеского диалога с неверующим. Осознаем абсурдность атеизма. Признаем таинственность

бытия. Получим верные представления о Христианстве. Все остальное постигается в сокровенном опыте жизни — в радости и страданиях, в покаянии, в судьбоносных событиях и встречах... Хотите помочь неверующему? Попробуйте поделиться этим опытом, описать Ваш личный путь к вере.

Вы ошибаетесь, называя моего оппонента «агностиком». В то-то и дело, что он упорно отказывается принять такое имя. Увещания Ваши по поводу его нападок на Христианство веры были и для меня полезны. Но не могу согласиться с Вами в том, что в явлениях безрелигиозного Христианства господствует комплекс гордыни и что даже существует будто бы какое-то характерное современное праведничество. По моим наблюдениям, покаянное сознание личной ответственности за все бывает здесь сильнее, чем у христиан церковных. Вероятно, у Вас и у меня были разные встречи и от этого сложились разные впечатления. Лично знаю агностика с очень живым ощущением таинственной совести, которая говорит с ним каждый вечер, а иногда и спать не дает... Совершенно несправедливо говорить о таком человеке, что ему легче живется. В одной проповеди о. Иоанна Кронштадтского записано, что от сильных мучений совести человек может пойти на самоубийство. Это была речь о неверующем — у верующего есть таинство Покаяния. А когда приходится пострадать — как же это может быть легче без молитвы, без веры?

Некоторые другие недоразумения не столь существенны, чтобы загружать переписку. Благодарю Вас и прошу помолиться о моем друге — он тяжело страдает.

10. 12. 74

(Копия этого письма была переслана о. Сергием К. А. Любарскому во Владимирскую тюрьму)

Свящ. С. А. Желудков — корреспонденту Д.

†

Дорогой Д.! Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой — будьте добры, рассудите нас. В тематической переписке с одним весьма достойным ученым корреспондентом у нас возникли недоразумения, которые хорошо бы рассмотреть беспристрастно со стороны. Предлагаю Вам копии писем, а ниже вкратце излагаю наши разногласия.

1.

Началось с того, что в известном Вам реферате я посоветовал моему другу переименовать себя из «атеиста» в «агностика». В слове «атеист» нам слышится смысл догматический и воинственный. «Агностик» же понимает, что он *не знает* (буквальное значение слова) решения мировой тайны.

К моему удивлению, корреспондент мой с этим не согласился. Он написал: «Казалось бы, при позиции незнания обе платформы, верующего и атеиста, должны считаться равноценными. *Но это не так.* Вы должны *смириться* (так) с тем, что имеете дело с естествоиспытателем, с человеком научного склада мышления»... Далее он сослался на средневековую «бритву Оккама» и заключил: «Есть ли у меня основания вводить в мою концепцию Мира сущность «Бог»? Таких оснований у меня нет»... В другом письме он говорил о верующих ученых: «Ибо любой ученый, кроме того, что он ученый, еще и *просто человек*. И это «просто человеческое» и рождает в нем идею Бога (причины зачастую имеют *сугубо личный* характер), которая и проецируется им на сферу его профессиональных занятий».

Такой подход к делу представляется мне не научным. Не научно естествоиспытателю браться за решение проблемы, лежащей вне компетенции науки. И перед этой ложной своей привилегией ученый корреспондент унижает «сугубо личное» и «просто человеческое» достоинство всех нас, остальных смертных, в том числе и своих собратьев, верующих ученых. Не могу смириться — прошу Вас проверить эту претензию.

2.

Мой оппонент цитировал ответ Лапласа Наполеону: «Сир, я не нуждался в этой гипотезе (Бога)»... Интересно сопоставить с этим высказывание современного нам ученого, цитированное в моем письме № 2: «Гипотеза о Разумном Божестве дает более приемлемое объяснение Вселенной, чем любая другая гипотеза». Разумеется, гипотеза о Космическом Разуме имеет характер не научно-доказательный, а философски-проблематический. Но именно в таком качестве — не получает ли она серьезных оснований в современной науке?

И еще я хочу спросить — как оценили бы Вы гипотезу, которую выдвинул мой корреспондент по праву ученого-биолога. Он полагает, что таинственный феномен человеческой совести и христианская мораль образовались путем естественным — «методом проб и ошибок».

3.

Я написал, что если нет Бога, нет Его Вечности, и нашего Воскресения — то нет и человечества, оно только сумма нулей личного существования. Мой оппонент с горячностью возразил, что зато пребывает культурное наследие человечества. Шекспир не умер, он жив в своих творениях. *«И пребудет вовеки»*... В другом письме говорится, что «коллективное накопление информации (в широком смысле) резко снижает энтропию системы».

Последнее мне непонятно. В остальном же, я думаю, для всех должно быть достаточно ясно, что происходит отнюдь не научное смешение реальностей и метафор. Личность, ее выражение в творчестве, память потомков, — это совсем, совсем разные вещи. Но одинакова их участь в мире атеизма: все это обречено на гибель. А кто не может принять этого абсолютного отчаяния — тот в глубине души уже не атеист. И действительно — в письмах моего оппонента хорошо видно, как вместо религии Бога и Воскресения создается культ знаменитостей и шедевров. Мой друг так ведь прямо и написал, что у атеиста религиозное чувство подменяется «чувством истории». Это уже не атеизм, это высшая форма идолопоклонства. Высшая, высочайшая форма — потому что в истинных творениях искусства и в подлинных достижениях истории действительно уже присутствует Вечность.

†

Позвольте надеяться, что Вы дадите разъяснения по этим статьям и тогда наша дискуссия может быть закончена плодотворно.

2. 12. 74

(Копия этого письма была переслана о. Сергием К. А. Любарскому во Владимирскую тюрьму)

Корреспондент Д. — свящ. С. А. Желудкову

†

Дорогой о. Сергей!

Предложение *рассудить Вас* звучит слишком сильно. Могу только высказать соображения по поставленным вопросам.

Я более пессимистично, чем Вы, смотрю на плодотворность споров о бытии Божиим. Дискуссия может только выявить диагноз, но не излечить болезнь. Очень характерно, что для Вашего оппонента сильным доводом против Церкви Христовой служит то, что Петр, камень, на коем Церковь основана, был отступником: отрекся от Учителя в ночь на Страстной Четверг. Для любого верующего это скорее эмоциональный довод за Церковь, в которой непосредственно присутствует благодать, делающая раскаявшегося отступника святым апостолом. Присутствие Христа преобразует и просветляет. Сводить Христианство к морали — это просто неграмотно. Не Христос оправдывается тем, что Он сделал для поднятия морального уровня, но качество морали для нас проверяется тем, ведет ли она ко Христу? К сожалению, мы должны признать, что бытовая мораль в магометанстве, в иудаистских общинах и в христианских ветхозаветных сектах в среднем выше, чем в ортодоксально-христианской среде. Я имею в виду народную традиционно-религиозную среду, где сильна обрядно-показная религиозность. Но не объясняется ли это хотя бы отчасти тем, что те религии являются некоей популяризацией, упрощенной поп-религией? В ортодоксальном Христианстве наличествуют парадоксы, затрудняющие религиозное просвещение, но именно эти парадоксы делают Христианство единственной полноценной религией.* И не в этом ли тайна его устойчивости? Смотрите, как с разрушением местечковой общины отпадают от веры дети религиозных иудеев, как с распадом традиционного быта рушится мусульманская религиозность. На этом фоне продолжение и творческое развитие ортодоксальной христианской традиции с апостольской преемственностью епископов представляется неким чудом.

Но перехожу к непосредственному разбору поставленных Вами вопросов.

1.

«Бритва Оккама» есть, разумеется, полезный для позитивной науки принцип. Но он не имеет абсолютного философско-методологического значения. Последовательное его проведение требует отказа от всех видов реальности, кроме одного. Лучше всего это достигается в солипсизме, где единой и первичной реальностью признаются наши ощущения. В науке как раз часто (особенно в критические моменты ее развития) от «бритвы Оккама» отказываются, иначе этой бритвой можно науку кастрировать. Так Ньютон ввел в физику новую реальность — всемирное тяготение. Сегодня физики отказались от идеи единой теории поля, а рассматривают четыре вида несводимых друг к другу полей (субстанций, реальностей): сильные (ядерные), электромагнитные, слабые и гравитационные. В биологии А. Г. Гурвич ввел и отстаивал категорию специфического биологического поля, к которой сейчас возвращаются многие биологи, особенно морфологи, изучающие формы живых организмов. Л. С. Берг создал теорию Номогенеза, объясняющего эволюцию специфическими законами Живого, не сводимыми к физико-химическим закономерностям. Основные возражения ученых (!) против Номогенеза сводятся именно к тому, что эта теория оставляет место для Бога, хотя с фактами она согласуется гораздо лучше, чем дарвинизм в его ортодоксальной форме. Заметим, что в этих рассуждениях отсутствие Бога считается априорно-очевидным и служит «научным» доводом против неудобных теорий. Я отнюдь не считаю эти теории доводом в пользу существования Бога. Авторы этих теорий как будто и сами-то были атеистами. Правда, про Гурвича известно, что когда начались преследования Церкви, то он стал посещать храм. Это дало основание для слухов о том, что он принял Крещение; но это, как мне говорили, неверно. Приведенные примеры (а их можно было бы умножить) показывают, что с «бритвой Оккама» все обстоит не так просто, как это полагает Кронид Аркадьевич.

Тем более — применять оную бритву к проблеме бытия Божия было бы, мягко говоря, неосмотрительно. Научный подход вовсе не диктует необходимость применения «бритвы Оккама». Наоборот, «бритва Оккама» диктует выбор того или иного научного подхода.* И далеко не всегда под ее диктовку выбирается в науке лучшее и более верное. Впрочем, в «Литературной газете» от 11. XII. 1974 Вы можете найти дискуссию А. Мерсье и В. Лёкторского, где оба диспутанта соглашаются в признании недостаточности чисто естественно-научных методов при решении фундаментальных проблем бытия.

2.

Ваш оппонент полагает, что совесть и мораль возникли методом проб и ошибок, путем естественного отбора. Это не новое мнение, с ним уже выступал проф. Эфроимсон на страницах «Нового мира». Эта идея основана на *вере*, что естественный отбор по Дарвину есть единственно возможное объяснение эволюционного процесса. Вера эта, как очень четко показал один из нынешних молодых дарвинистов, основана прежде всего на том, что всякое иное объяснение может привести к допущению бытия Творца. Обратите внимание на логику. Не то, чтобы факты доказывали справедливость теории естественного отбора как основы эволюции. Но предполагаемое и постулируемое отсутствие Бога служит главным аргументом в пользу теории естественного отбора. Факты (и многочисленные!) ему противоречат. Из ряда аргументов, показывающих недостаточность теории естественного отбора, приведу только три: 1) для случайной эволюции у Природы нет времени; 2) существуют приспособления, полезные не данному виду, но другому; 3) существуют многочисленные сходства генетически далеких организмов, которые делают случайный отбор невероятным. По поводу упомянутой квази-научной аргументации дарвинистов лучше всего прочитать статьи Медникова в журнале «Наука и Жизнь» за последние год или два. Когда мы видим автомобиль, то почему-то не верим, что он возник из мотоцикла путем случайных замен деталей или поломок. Но нравственность странным образом могла так возникнуть.

Что касается Лапласа, то его гордый (и глупый) отказ от «этой гипотезы» привел его к идее детерминизма, не вытекающей даже из его концепции механики. Кстати, астроном Эддингтон сказал, что Вселенная больше напоминает мысль, нежели механизм.

3.

И, наконец, «коллективное накопление информации резко снижает энтропию системы». Иными словами, накопление культурных ценностей улучшает организацию Мира. Это красивая, отчасти справедливая, но не глубокая метафора. Но главное, что она очень грустная. Если я не Эйнштейн, не Пушкин и не Рафаэль, то мне нет места в коллективном бессмертии культуры. Неужели Александр Сергеевич хотел бы получить бессмертие без Наталии Николаевны? И потом — что это за бессмертие духа, зависящее от того, произойдет ли всепланетная ядерная война или не вспыхнет ли сверхновая звезда, которую мы называли Солнцем? Природа создала себе «инструменты самопознания», а эти инструменты убивают друг друга, насилуют, мешают само- и взаимопознавать... Если б это было

так, если только такую роль мне предназначила бы Природа, то благодарю покорно. Тут уже я имею все основания повторить слова Ивана Карамазова: «Билетик возвращаю». Получается, что человек — венец создания Природы (эволюции или чего-то в том же роде), а венец венца, брильянт в короне, ради которого венец-то и делали — это ученые и художники. А человечество — только фон, аудитория, навоз? За каким чертом мне и жить-то в этой свинарне? Нет, тут что-то не клеится в такой системе мироздания. Жить, чтобы участвовать в селекции, не стоит. Жизнь осмысленна только тогда, когда самый малый, самый ничтожный, недостойный из живущих имеет свою непреходящую ценность. Когда ни для кого не утрачена надежда на спасение. Вот в этом-то отличие Христианства от всех предшествовавших и следовавших религий. В этом полном, недоступном ни одному человеку, кроме Того Человека, Который одновременно Бог, *Милосердии*. Дело не в том, что Христианство улучшает моральный облик человека. Вполне может и ухудшить — это слишком большое испытание для человека, и не все его выдерживают: возникает идея, что ради Христа можно поступиться многим.* Дело в другом: Христианство дает ощущение сопричастия к милосердию столь великому, столь совершенному, что уже нельзя оставаться прежним, довольствоваться малым. Дело не в том, что верующий христианин старается ради награды, а в том, что награда эта такова, что без нее-то и жизнь становится невозможной. Разве можно осудить Иакова за то, что он четырнадцать лет работал ради Рахили? Скорее надо восхищаться такой любовью — такой любовью, что без нее и жизнь не в жизнь.

Не могу считать, что я дал разъяснения, просто написал, что думал — и радуюсь, что уложился в срок.

15. 12. 74

(Копия этого письма была переслана о. Сергием К. А. Любарскому во Владимирскую тюрьму)

Свящ. С. А. Желудков — корреспонденту Д.

†

Дорогой Д.! Сердечно благодарю Вас, Вы моментально мне ответили, и даже успели высказаться вне рамок поставленных вопросов. Благодарю Вас и за это — но только тут я должен, во избежанные недоразумений, сделать некоторые свои замечания.

1. Самое главное: никак не могу согласиться с допущением возможной аморальности Христианства веры. Не говоря худого слова, это будет просто псевдохристианство. «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними. Ибо в этом закон и пророки» (по Матфею, гл. 7). Мне представляется, что это и есть евангельская мораль, которая может быть положена в основу всякого, как прекрасно выразился Кронид Аркадьевич, «*морального экуменизма*». И мне представляется, что достойнейшая Римская церковь не откажется от христианского призвания осмыслить, освятить и тем самым возглавить таинственное этическое *единство* всех людей доброй воли.

2. Пессимизм относительно плодотворности разумной дискуссии о религии подпадает под *анафему* Первого Ватиканского собора.* Не помню текст, но за верность передачи смысла ручаюсь: *анафема* всякому, кто будет утверждать, что истину бытия Божия нельзя удостоверить силами естественного человеческого разума. В нашем привычном унижении разума — не унижается ли достоинство человека? И не слишком ли уж мы приbedняемся в робости нашей веры? Сегодня все уже привыкли думать, что религия — это сфера только эмоций и интуиций, а вот атеизм — другое дело: да здравствует разум, да скроется тьма. Но ведь нет же — совсем нет! Дайте свет, полный свет разума на атеизм — и откроется пустота, тьма крошечная. Говорю о настоящем атеизме — не об идолопоклонстве. Атеизм невозможно помыслить, в атеизме нельзя жить, — сам атеизм есть аргумент «от противного». Достаточно ли продумано

это? И достаточно ли продуман неуловимо тонкий «онтологический» аргумент святого Ансельма? Да, конечно — Христианство веры сверхразумно; но ведь оно истинно — и нельзя ли к нему подойти, вплотную приблизиться, прикоснуться в свободном, мужественном размышлении?

Эти вопросы выходят за тему реферата. Возможно, мы откроем по ним отдельную дискуссию, — и тогда позвольте надеяться на Ваше участие.

3. Выступление Кронида Аркадьевича на тему об отречении апостола Петра было отречением от хорошего вкуса. Пусть ему Бог простит, а мы давайте считать этот эпизод яко не бывшим.

22. 12. 74

(Копия этого письма была переслана о. Сергием К. А. Любарскому во Владимирскую тюрьму)

Г. С. ПОДЪЯПОЛЬСКИЙ — К. А. ЛЮБАРСКОМУ

Кронид, милый! Пишу тебе под впечатлением твоей дискуссии с ревнителями нашей апостольской христианской веры. К сожалению, выразить могу только именно впечатление, так как не имею под рукой текстов, да и не сподобил меня Бог премудрости богословских вопросов. Впечатление же, можно сказать, гнетущее — не от тебя, конечно, а от них, — ну их там много, и люди разные, и сила гнетущести разная — и все же гнетущее — у всех, даже самых лучших...

Ибо хочешь — не хочешь, а явствует: несть веры без догмата. А догмат — страшная вещь. Гнетущая вещь. И не так уж важно, что говорят, а в первую очередь — как. А «как» — вот какое: для самого лучшего догмат — вершина, пуп истины, все остальное же... ну, все остальное по-разному, но вот самое лучшее самого лучшего: ты, мальчик, более христианин, чем многие, полагающие себя христианами! Высокий дух, высокий дух! Тебе бы еще только уверовать во Святую Троицу и непорочное зачатие — и, может быть, наравне с отцами церкви станешь. Да ты и вообще уже христианин, только сам по недомыслию не понимаешь этого. Но ведь даже тут, у лучшего-то: у тебя недомыслие, а у него, только у него, верующего, домыслие. И — никакого сомнения, цента сомнения, возможности сомнения, что именно так, а не иначе — нет, и быть не может.

И — занятная черта: прямого, ясно выраженного у тебя отворачивания к догматике — ну просто-таки не замечает: по хорошести своей не замечает, потому что не вмещается, что такой хороший человек, как ты, может не принимать догматики: раз хороший и не верит — так только по недоразумению, потому что не додумал маленько. Ну, ладно, не додумал, пусть, пусть, а мы все-таки, с нашей высоты, считаем его нашим, мы поспешили сами воздать ему эту честь — ибо, в конечном счете, честь — только это, и раз достоин чести — значит христианин, скрытый христианин, если сам себя явно не признает. А исходная же точка все же такая: честь только в этом, а иной чести не бывает.

Но вот вступают другие, не столь хорошие, и стало быть не такие добрые, и, стало быть, более проникательные, и заявляют: позвольте, да какой же он христианин? Почитайте повнимательней:

не во Христе, а в тщете, в грешной памяти людской мыслит он свое спасение. А это уже с нашей высшей христианской точки зрения ни в какие ворота не влазит. И — свысока, хлопая по плечу: не дос еще.

Как все это нам знакомо по предисловиям к книгам: тут в нем (Гёте, Канте, Эйштейне, ком угодно) проявляется (мелко-) буржуазная ограниченность... прекрасно видная автору предисловия — имя его, простите, не упомяну, ибо нечего же помнить — с его, видимо, классовой неограниченностью. Впрочем, что уж там авторы предисловий, а мы сами не грешны ли тем же? Разве словечко «ограниченный» не из нашего общего репертуара? Разве, выдвигая, как упрек, чью-то ограниченность, мы сами не презумпируем тем самым, пусть бессознательно (тем хуже!) собственную неограниченность? Разве не бросаемся определениями типа: «а пороха он не выдумает» (как будто мы — выдумали). Или «не гигант мысли» (мы, стало быть, гиганты). Что это — русский национальный характер? Или — мещанская стихия, стало быть, всемирная, ибо мещанство — всемирно?

Но — защищая нас — у нас это так, привыкли, ну, считаем себя умнее других, так ведь быть умнее или глупее кого-то, тут, скажем, 50 % вероятности попасть в точку — процент-таки порядочный. Но ведь это — просто в силу естественного самомнения, а не опираясь вдобавок на догмат — и в этом мы можем-таки отмежеваться от господ христиан (вместе с авторами предисловий). Можем, потому что при всем своем личном самомнении, вполне допускаем, что чего-то не знаем. А они — знают!!!

И отсюда разговор глухих, впечатление о невозможности дискуссии. Какая это дискуссия, когда, с одной стороны — мысли, а с другой — их догматически-богословская квалификация. С одной, — доводы, с другой — параграфы. На что это походит? Ну, сам посуди, на что это походит?...

И назревает вопрос: а может ли догматик мыслить? Не есть ли мышление догматика — подделка под мышление? Не есть ли неизбежное в догматике: «верю, и хоть кол на голове теши» — нечто, по самой сути своей отрицающее мышление? (Ведь для догматика способность мыслить — всегда второстепенна). Зачем ты приводишь тот или иной довод? Чтобы оценить, что из него получится. Зачем приводит довод догматик? Чтобы получить из него то, что он знает и без всяких доводов. Не играете ли вы в полностью различные игры, предполагая, что играете в одну и ту же (дискуссию).

Заметь еще одну вещь: говоря с христианами, (не знаю, как ты), я всегда чувствую себя как-то скованно, боюсь задеть, оскорбить их самые сокровенные чувства. Взаимно ли это? Боятся ли и они тоже оскорбить чувства неверующего? Нет. Спорю, что нет. Почему? Какова подоплека такого неравноправия? Предлагаю 4 разумных

ответа на этот вопрос. Который из них тебе кажется наиболее правдоподобным? Может быть, есть какие-нибудь еще?

1. Так как у нас нету никакой веры, в нас нечего оскорблять.

2. Обладание истиной, даваемое верой в догмате, столь велико, что вообще можно плевать на каких-то там неверующих с их порочными чувствами (их и в застенки инквизиции, и сжигать на кострах, как известно, тоже можно).

3. А мы с тобой в глубине души не относимся ли втайне ко всем этим верующим, как к детям, которых так легко обидеть? (А что дети, пока нет в их руках власти, могут обидеть взрослых, как-то смешно подумать).

4. А не цепляемся ли мы сами (ну, скажем, чтоб не чувствовать себя чересчур одиноким в этом грустном мире) за иллюзию, что верующие мыслят, а не поддельваются? Не боимся ли мы просто вывести их на чистую воду их догматов, чтобы не увидеть их голенькими, какие они есть?

Ты скажешь, что я резок и несправедлив... Допускаю, что не всякий верующий во Христа и Святую Троицу станет подгрести угольки под костер неверующего. (Ох, боюсь, иные из твоих дискуссионтов станут, дай им только развернуться). В конце концов, повторяю, я говорю только о впечатлении, а впечатление... Догмат превыше мысли — это что, по-людски? Оценки человеческой мысли по принципу «за» и «против» — по-людски? Ось всего: «Христос спас мир», а все остальное — мелочи супротив этого — по-людски ли?

Да нет, всего лишь — христианство. И без этого — заметь и не забудь — нет христианства, ибо это — его исходная точка, его догмат. И попробуй, преодолев смущение, сказать им: нет, не спасал Христос никакого мира, и само слово «спасение» в этом контексте — ничего не значит, все это — ребяческие бредни... Ну, и что получится от таких слов — не знаю, сам я постесняюсь так им сказать, по какой-то из указанных уже четырех причин... Думаю, что после таких слов окажется, что говорить больше не о чем, ибо тут догмат, столб, конец света, абсолют. Тут мы выходим за грань человеческого разума (видимо, в нечеловеческое, нелюдское разумение).

И, как мне кажется, дискуссия ваша как-то существует постольку-поскольку вы по взаимной деликатности ходите вокруг этого столба (как частицы, испуская свет, вертятся вокруг черной дыры — а когда ухнут туда, пиши уже пропало).

И не говори: потому де веруют, что есть проблема непознанного. Думаю все же проблема сама собой, а вера сама собой. Наличие непознанного для нас с тобой прежде всего — основание для сомнения. А здесь ведь — совсем противоположный результат: наличие откровения. И в том, что есть откровение — никакого сомнения.

Связь с непознанным, конечно, есть, но уж никак не прямая, а с весьма существенными, кардинальными добавочными привходящими обстоятельствами, с более важными, чем существование непознанного, самостоятельно действующими причинами. В желании именно веры. В желании быть правым. В желании сказать «знаю» там, где честно было бы сказать «не знаю». И снова мы подходим к тому, с чего начали, — к нечестности мысли. Потому что в любом догмате, в любом запрете возможной ревизии, в любой вере превыше мысли—есть тот или иной привесок нечестности мысли—во всяком случае, в той степени, в какой она не просто элементарная безграмотность. Опять же скажешь, что это несправедливо—дай Бог, кабы так, конечно, но не иллюзия ли такой оптимизм? Не хотим ли мы создать других людей по своему образу и подобию, забывая, что они могут быть созданы и по другим образцам? И если честный человек честно верит в свой догмат—означает ли это (предположим, что и мы тоже честные), что он действительно-таки похож на нас, что это все-таки не кажущаяся похожесть. Можем ли мы с тобой представить свою веру в спасение мира Христом при полном, абсолютном исключении возможности сомнения в этом тезисе? Не ощущаешь ли ты тут непроходимого барьера между типами сознания (сознания догматического и сознания критического)? Ты пишешь, что я все же несправедлив, говоря о нечестности: тип сознания типом сознания, а честность—честностью? Что же, не настаиваю, может быть, и ошибаюсь, может быть и упрощаю дело. Но не отрекаюсь: в обратном тоже не убежден. Разве честному догматику, чтобы быть честным, не надо иногда закрывать глаза? А в закрывании глаз — такая ли уж полная честность? Чтобы не слышать сомнений, обойдешься ли одной только честностью. Категорический отказ от ревизионизма — честен ли? А в том, что мы боимся их оскорбить, что они оскорбимы — честность ли тоже? Не потому ли и уязвимо, что не совсем честно? *

9. 12. 74

Свящ. С. А. Желудков — К. А. Любарскому

(серия писем)

†

11. 1. 75

Дорогой Кронид Аркадьевич!

Предо мною — Ваше большое письмо еще от 13. 9. и выписки, которые я сделал из Ваших писем к жене от 29. 9 и от 6. 10. Большое письмо почти два месяца пролежало, ожидая меня в Пскове. И только успел я его получить — последовали эти тяжелые перемены в Вашей и без того тяжелой судьбе. Тут уж стало не до дискуссий. Тягостное чувство: надо бы Вам ответить — и просто неловко мне с Вами спорить при столь неравных внешних условиях.

Но всемя уважаемые люди советуют мне продолжать эту тематическую переписку именно с Вами — говорят, что она Вас развлечет, даст Вам материал для размышлений. Я же со своей стороны сообразил, что неравенство внешних условий отчасти ведь компенсируется обратным неравенством образований, способностей и личных достоинств. И я стал знакомить Вас с моей перепиской на наши темы с другими лицами. А сейчас и сам принимаюсь наконец за мой ответ на три Ваших письма

Итак — не хотите Вы переименовываться в *агностика*. Снова у Вас разговор о бритве. Дескать, я — атеист до тех пор, пока Бог Сам не объявится в моих научных занятиях. По этому поводу позвольте рассказать Вам фактический случай с московским школьником Мишей — не помню уже, первого или второго класса. Целый синедрион собрался и спрашивал Мишу — как это так он может верить в Бога: «ты что, видел Его, что ли?». И отвечал Миша, удивляясь непонятливости преподавателей: «Дак ведь Он же — Невидимый!» ... Подражая умному Мише, и я увещаю Вас: не связывайте Вы свою душу, освободитесь от пошлой догмы, от суеверия — будто только естествознанию открывается вся истина. Да, действительно, многие ученые говорят теперь об удивительных закономерностях в природе, которые наводят на мысль о Законодателе, о Творце, о

Космическом Разуме. Где-то еще Дарвин писал, что между умом человека и Разумом, создавшим вселенную — такое же расстояние, как между умом собаки и умом Ньютона. Но все подобные разговоры — это уже вне науки, это *тайна*, пред которой останавливается агностик, и которой странным образом не замечает атеист:

... «Его, Творца, нигде не видно; скромно
Он кутается в вечные законы.
Их видит атеист, а не Его.
«К чему нам, — скажет, — Бог, довольно мира», —
— И той хулой он хвалит Бога громче,
Чем голоса всех добрых христиан».

Так маркиз Поза держал речь о *свободе*. Бог не открывается в формулах науки в частности еще и потому, что бережет нашу свободу, нашу *личность*, которая без принуждения науки должна сама избрать себе своего Господа. Только здесь, на этой земле, в свободе нашего неведения есть такая возможность. А Вы ожидаете, пока Бог Сам не погрозится Вам в телескопе. Но этого никогда не случится, и Вы рискуете так и провести всю Вашу здешнюю жизнь в таком постыдном недоразумении.

Недавно я прочитал известие, что в начале тридцатых годов архиепископ Кентерберийский разослал крупнейшим ученым мира, в их числе и нашему Павлову, анкету, в которой был между прочим и такой вопрос: «Считаете ли Вы религию совместимой с наукой или нет?». — «Да, считаю», — ответил Павлов. «Почему Вы так считаете?». — «Да просто по одному тому, что целый ряд выдающихся ученых были верующими. Значит, для них это совместимо. *Факт есть факт, с ним нельзя не считаться*» (Л. О. Орбели. Воспоминания. «Наука», 1966). Наука и религия совместимы не в том немислимом смысле, что Божественное появляется среди формул науки, — наука и религия совместимы в *личности* ученого человека, который молится Богу Живому. Не наука, не формула, не книжка, а *личность*, каждый для себя *человек* свободно решает этот самый главный вопрос своей жизни, вопрос всех вопросов — о *Боге*. Кто не может принять окончательного решения — тот называет себя агностиком. А Вы называете себя *атеистом*. Но ведь, по совести, положив руку на сердце — *Вы не знаете, что «Бога нет»*. Это у Вас не знание, не опыт — это вера и догма. Вот и покажите, что нет у Вас догм и запретов — позвольте себе *усумниться* в догме атеизма, будто «Бога нет». Это и будет позиция агностика.

Продолжение следует. Приближается Ваша памятная дата — 17 января, начинается четвертый год Вашего подвига. Господь не дает Вам благодати веры, но зато даровал Вам благодать великой душевной крепости и силы.

Дорогой Кронид Аркадьевич!

В перерыве между двумя письмами я думал — как же все-таки убедить Вас перейти на позицию агностика. *Убедить* можно только средствами разума. Попробуем применить здесь железную логику.

Вот три отношения человека к идее Бога:

1. Верующий: «Бог есть».
2. Агностик: «Не знаю».
3. Атеист: «Бога нет».

Научное знание, как это мы уже прочно усвоили, в этом вопросе нейтрально и может быть или не быть в каждой из трех этих позиций. Позицию верующего (с его точки зрения) определяет положительное откровение, личный и наследственный религиозный опыт. Позицию агностика (с его точки зрения) определяет отсутствие такого откровения. А что определяет позицию атеиста? *Что* — у него есть какое-то откровение о *небытии Бога*? Но кто же мог бы дать ему такое откровение? Дьявол — но ведь он не верит и в Дьявола, да и нельзя в данном случае доверять Дьяволу. С его точки зрения, то есть не Дьявола, а атеиста, никакого откровения у него нет, и он может только сослаться на *отсутствие* у него положительного откровения о Боге. Но это позиция агностика, тогда так и надо сказать, что я агностик. Если же атеист будет ссылаться на науку — что, мол, наука не дает ему сведений о Боге, то это мы уже читали и нашли неосновательным. Итак, позиция атеиста неправомерна. Вывод железный.

Настоящий, «чистый» атеизм есть признание *Абсурда* всего существующего. «*Бога нет*» — это значит, что нет Абсолютности бытия, нет святости бытия, нет Смысла бытия. «*Рече безумен в сердце своем: несть Бог*» (начало псалма). В это безумие, в этот Абсурд можно на мгновения «заглядывать», но в нем нельзя жить. Почему люди не ужасаются от слов: «нет Бога»? Только потому, что не могут вообразить всего их значения. Да и возможно ли понять, осмыслить, до конца осмыслить Абсурд?

Не помню кто — умный человек! — сказал, что *атеистов нет, есть идолопоклонники*. Как только человек отказывается от единого Святого Бога — так моментально появляются у него кумиры. Иногда это бывает просто смешно — какой-нибудь там Мотоцикл, или Автомобиль, или Мебель. Но есть возвышенные и даже священные кумиры. Есть абстрактные и собирательные боги и богини под именами, например, Прогресса или Культуры. Пресветлый мир атеиста, о котором пишет Кронид Аркадьевич, в действительности есть

мир новейшего политеизма. Приходится признать мое упущение — в реферате я даже не упомянул об этой своеобразной религии, которая ошибочно называет себя атеизмом. Воздерживаюсь от всякой критики — надо уважать чужие святыни. Тем более, что это иногда и наши святыни — человеческие, то есть христианские духовные ценности. В письме к моему другу Д. я кратко описал мое отношение к новейшему политеизму, который можно назвать также *религией Здешной Вечности*. Ответ Д. в этой части нахожу превосходным.

Почему Кронид Аркадьевич избрал себе эту религию под именем атеизма? Станным представляется его отношение к идее единого Святого Бога. Он написал: «Если Бог выступает как любовь, красота, как совесть и оценка — то не достаточно ли самих этих понятий, вполне человеческих? Зачем добавлять к этому идею Бога?». Или в другом месте: «Совесть есть Совесть. Любовь есть Любовь. Не Бог»... Это значит, что Любовь, эта абсолютная ценность нашего существования, сама не обладает абсолютностью существования. Но ведь это же пессимизм отчаянный, абсолютно безысходный. Удивительно, как Кронид Аркадьевич этого не понимает. Для нас, христиан веры, Любовь — это Божественное свойство, доступное и человеку; Совесть — это Божественный голос в душе человека. А для Крониды Аркадьевича это «не Бог». Не Бог, а Метод Проб и Ошибок. Что угодно, чудеса в решетке — но только не Бог! Странное «отталкивание» себя от идеи единого Святого Бога.

Взамен идеи Бога — у Крониды Аркадьевича идея Мира с большой буквы с частично Божественными свойствами самодовления и самотворения. Этот Мир, бессознательный и детерминированный, чудесным образом рождает сознательного и свободного Человека с большой буквы, который познает и преображает породивший его Мир... Но так ли? В одной лекции проф. С. Н. Булгаков сказал, что это напоминает ему историю известного барона, который вытащил из болота сам себя за волосы. Тут я останавливаюсь, ибо здесь неуместна насмешка. Хочу сказать только, что философия Крониды Аркадьевича остается для меня непроницаема.

Вот еще подход к проблеме — «психологический от противного». Абсурд «чистого» атеизма может породить из себя только абсолютное Отчаяние. А у нашего дорогого Крониды Аркадьевича — Оптимизм необыкновенный. Следовательно, он — не «чистый» атеист. Кто же он? От звания оптимистического агностика он отказывается. В таком случае для него остается только первая позиция, которую теперь надо реформировать так: «Бог есть — или боги (для политеизма) суть». Вывод железный.

Вот так описал я Вас, Кронид Аркадьевич, в третьем лице. Не хотели переименоваться в агностика, так попали теперь в сектор религиозный. «Атеистом» Вас можно называть только в том частном относительно смысле, что Вы отрицаете бытие единого Святого Бога. Продолжение следует.

13. 1. 75

†

Дорогой Кронид Аркадьевич!

Теперь встает вопрос — как мне Вас величать. Мне представляется, что наилучшим термином в нашем случае будет: *антитеист*. Увы, ничего от этого не изменится.

Вы не напрасно почувствовали интерес к «аргументу Паскаля». Но напрасно Вы до неузнаваемости его исказили. Паскаль писал о наследнике, который *нашел* документы на свой дом. А Вы пространно рассуждаете, что надо еще искать документы в архивах, и есть ли вообще документы, и стоит ли трудиться. «Пусть уж я буду без дворца, но дети будут жить в теплом и удобном доме»... Совершенно чуждый Паскалю измышленный образ. Никакого теплого и удобного дома нет — есть Гроб, *Абсурд антитеизма*, в котором гибнут все ценности. Только религия говорит о Великой Надежде, — и Паскаль советует: проверьте документы религии. Вы пишете, что проверили и нашли их устаревшими, ложными. Смотрите — не ошибитесь! По текстам Вашим видно, что Вы не понимаете реальности дилеммы. И об этом писал Паскаль, только совсем уж не помню в каких выражениях: он изумлялся, как может неверующий с радостным видом сообщать нам о своей и нашей вечной гибели.

Тем не менее надо признать, что Вы правомерно поставили вопрос — почему же так различны религии, так разнообразен мистический опыт разных религий. Должен сказать, что и я некогда очень этим смущался. Да и теперь временами смущаюсь. В самой общей форме проблема решается так, что свет единого Солнца по-разному преломляется в различных призмах восприятия разных рас и народов. Даже Христианство было воспринято по-разному и притом, конечно, только в символах и парадоксах. Даже Евангелия различны, даже надпись на Кресте была передана в них не одинаково.

Вы правы, конечно, что будь я японцем или индусом — я не был бы и, возможно, не стал бы христианином. Но это был бы уже собственно и не «я». А моя сознательная личность воспитана в традиции

Христианства. Верно, что наш личный мистический опыт обычно весьма беден. Но его достаточно, чтобы побудить нас с доверием приобщиться к соборному, наследственному опыту Церкви веры, *со-переживать* его... Я уже это писал, повторяюсь. И Вы ведь правильно сказали, что нельзя каждому начинать с каменного топора. Вот так и в религии.

Мне сейчас вспомнилось, как я служил в Смоленске, и пришел там в собор человек в ватнике — просил совершить над ним таинство святого Крещения. Он пришел прямо из местной тюрьмы. Он рассказал, что был под следствием и молился Богу такими словами: «Если Ты есть — то помоги мне!»... Его оправдали, и вот он сразу пришел в храм, и крестился, повторяя за мною слова священного Символа, составленного до нас за шестнадцать столетий. Человек получил свое маленькое личное откровение, уверовал в Бога — и с этой верой смиренно, доверчиво принимал всю религиозную традицию родного народа. В общем-то так, по этому принципу, бывает и со всеми нами.

Интересно, что уверовавшие в Бога евреи в подавляющем большинстве случаев присоединяются к Христианству. Я спрашивал у них — почему не к иудаизму, и получил ответ, что наследственно-бытовая преемственность религии была уже прервана в их семьях за два-три поколения раньше, и они, таким образом, *выбирали* себе религию. Да и из русских умные люди — тоже ведь были оторваны от всякой традиции, а тоже выбирают Христианство. Вот кого бы спросить — почему они именно в Христианстве увидели самую истинную религию.

От имени христиан наследственных скажу Вам пока о трех мотивах — почему мы не ищем для себя другой религии:

1. В Христианстве мы получили *оптимальное* представление Бога, сменить его на любое другое значило бы поклониться какому-то новому Божеству, которое было бы ниже наших оптимальных представлений — *ниже нас самих*.

2. Подобно таинственному атомному взрыву, после которого «разлетается» Вселенная, начало Христианства не могло состояться без Христа, без Воскресения. Не мог просто человек, только человек быть Началом такого взрыва истории. В одной книге С. Л. Франка приводятся слова Наполеона: «Уж я-то знаю людей, вы можете мне поверить: Иисус не был просто человек»... Я полагаю, что и для любого честного агностика Личность Христа и происхождение Христианства остается вечной Загадкой истории.

3. Скажу Вам по-дружески, что все христиане веры, мужчины и женщины, — все мы испытываем таинственнейшее чувство осо-

бенной личной привязанности, как бы «влюбленности», благоговейной преданности Христу, Божественному Человеку. Поставить Его, нашего Господа, в один ряд с Магометом или с Толстым — это была бы *измена*, о которой нам противно и подумать.

Если Вы станете выбирать себе религию, то мы охотно вернемся еще к этой теме — почему самая истинная религия есть Христианство. Продолжение следует.

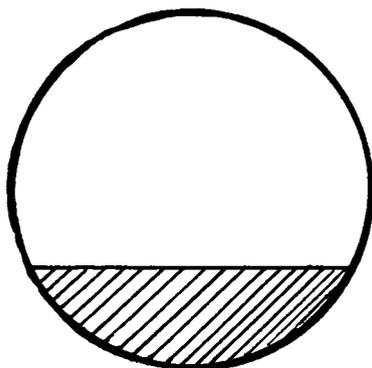
15. 1. 75

†

Дорогой Кронид Аркадьевич!

Мой друг З. положительно отнесся к Вашей излюбленной мечте о Человеке-демиурге. А мой друг Б. сказал так: это все — от лозунгов в столовой. «Мы кузнецы, и дух наш молод, куем мы к счастью ключи»... Вот видите — такие умные и хорошие люди, а держатся столь разных суждений. Полное единомыслие, сказал кто-то, царит только на кладбище. Насколько я понимаю, Ваши демиурги — это строители великолепной прибранной и ухоженной планеты, бесконечного Прогресса в Здешной Вечности. И мой друг З. однажды с энтузиазмом сказал, что земная история Церкви, возможно, только еще начинается. По ассоциации вспоминаю сейчас о том кардинале, который в очень трудное время сказал: «Церкви восемнадцать веков; а кажется, что ей восемнадцать лет»... Какая у них, у братьев-католиков, своя «влюбленность» в вечно юную, воинствующую Церковь веры.

Мне же снова воображается символическая фигура, которую нарисовал я в письме № 6. Круг с заштрихованным малым сегментом.

Этот малый сегмент и есть здешняя жизнь и история. А весь круг — это Вечность, Метаистория, — и только в этом целостном

масштабе мы должны обо всем рассуждать. *«Видимое временно, невидимое вечно»*. Долго ли продлится видимая земная история? Об этом никто не знает — ни даже Сын, как написано в Евангелии. Но принципиально важно, чтобы в этой здешней истории создавались духовные ценности для Метаистории, для Целого, для подлинной Вечности. Не в этом ли и весь Смысл здешней истории?

С иронией Вы сообщаете об эсхатологических* настроениях среди верующих из тамошних Ваших знакомых. Это не удивительно, да и вообще в исторических невзгодах люди всегда обращались к христианской идее Конца здешней истории. Ее Автор — Сам Он, наш евангельский Учитель. Дело не в сроках — Он мог предчувствовать это за тысячи лет, а ученики ожидали исполнения пророчества в своем поколении. В принципе же было ясно: *«Земля и все дела на ней сгорят»* (соборное послание апостола Петра). Когда? Это не имеет принципиального значения.

Интересно, что и в науке уже появилось сегодня направление, которое можно прямо так и назвать: *эсхатология*. Не знаю, успели ли Вы услышать на воле о «Римском клубе» исследователей, которые изучают возможности спасения цивилизации от угрожающих ей факторов Конца. Это взаимодействующие факторы экологии, демографии, энергетики, продовольствия, войны. Вычисления приводят к тому, что возможности эти простираются только до второй половины следующего столетия.

Вероятно, можно кое в чем и поспорить, но ясно, что общее, так сказать, настроение серьезной науки не соответствует инфантильным предсказаниям братьев Стругацких.

Так или иначе — а уж во всяком случае приближается Конец моей *личной истории*, мое «личное светопреставление». Вы знаете, вероятно, евангельскую тему Сретения Господня. Праведный старец радуется долгожданной смерти, встретив Младенца Христа. *«Ныне отпускаеши»* — ныне отпускаешь, увольняешь работника Твоего, Господин, по слову Твоему, с миром... У человека моего поколения — совсем иная молитва: *О, подожди, не отпускай меня без мира!* О, если бы мне успеть хотя бы чуть-чуть исправить такие ошибки, такие ошибки!.. Но близится назначенный час, надо мне уступить другим это драгоценное место и время. «Прости меня, прекрасная земля, за то, что я топтал тебя без смысла». Бесконечно горестное сознание никогда непоправимой вины... Но вот — из самой глубины нашей скорби, раскаяния, смирения вдруг видится свет немислимой Надежды. Она — в одном этом Имени,

выше всех на земле и на небе: Христос.

... Я несколько отвлекся.* Хочу сказать, что в Христианстве совпадают темы Конца как всечеловеческой, так и личной истории. В одном письме Вы осмелились обвинить Христианство веры в «детском страхе признания реальности». Но я должен возразить, что само обвинение это до крайности инфантильно. Ибо именно Христианство и только Христианство смотрит прямо в лицо самым жестоким реальностям человеческого существования. Я этого не хотел, но в такой связи приходится коснуться той изумительной инфантильности, которая отличает религию Здешней Вечности. О реальности Конца истории запрещено думать категорически — что вы, история будет продолжаться вечно, облачимся в скафандры и отправимся жить на другие планеты! От реальности же личной Смерти просто замуриваются и говорят, что так это и нужно, а зато будет вечно жить Шекспир в игре актеров. Некто остроумно заметил, что забывают спросить Шекспира — согласен ли он на такое мнимое бессмертие. Кронид Аркадьевич в своем величайшем смирении согласен исчезнуть — лишь бы жил Шекспир в актерах и зрителях. Но и Шекспир и актеры, и зрители — все эти личности в религии Здешней Вечности тоже исчезают, каждая из них превращается в совершенный нуль, и в сумме это будет Нуль, — это ведь серьезно, это арифметика, это правда!

И другие реальности обступают нас со всех сторон существования. Тайна происхождения человека. Тайна телесности. Тайна мышления. Тайна пола. Тайна греха. Тайна страдания. Тайна любви. Тайна общения... Я не все перечислил. Не говорю, что Христианство решает эти человеческие проблемы — но оно их ставит, оно мучительно их переживает, а в лице своих подвижников практически над ними работает. Не то происходит в религии Здешней Вечности. Там либо прячут голову под крыло, либо даже просто не понимают, вот уж просто по-детски не понимают вопросов. Но от этого не перестают существовать вопросы. «Что такое человек? Откуда пришел он? Куда он уходит? И Кто живет там вверху, над золотыми звездами?»... В реферате я от всей души поклонился агностику, который осуществляет девиз: *достойно жить в неизвестности*. Но я не испытываю восхищения перед позицией *недостойного мышления* в религии *Здешней Вечности*.

16. 1. 75

Дорогой Кронид Аркадьевич!

Пройдусь еще раз по трем Вашим письмам, чтобы ничего уж не пропустить, на все Вам ответить.

«Если Бога нет, то все позволено». Не понимаю, почему эта правда Вас так возмущает, и о чем можно тут спорить — разве мало было показано нам это в исторической практике? Сегодня во многих еще действует бессознательная нравственная инерция теизма или благонамеренного политеизма. Но если представить, что человек проникся сознанием универсального Абсурда бытия — то все проваливается, и вся наша надежда на начальника, который не напрасно носит меч, о котором так похвально отзывался апостол Павел в своем послании к Римлянам.

Когда в свое время церковный модернизм осуществил новое, более просвещенное толкование некоторых священных текстов — это вызвало бурное негодование присяжных антирелигиозников, которые потеряли свой хлеб — привычную легкую возможность позидаться над Библией. Тогда парадоксальным и комическим образом безбожники стали обвинять церковников в недостатке благочестия. Как — не было остановки солнца в битве при Гаваоне? Не было Ионы во чреве китове?.. Но ведь Библия же богодухновенна! Вы что, не верите в богодухновенность Писания?! И тому подобно. Подобно сему меня не очень удивило Ваше негодование по поводу моего, как Вы пишете, неблагоприятного отношения к священному Писанию при толковании известного текста апостола Павла. А Ваш приятель, верующий, что «если священное Писание надо понимать не буквально — то Бога нет», этот блаженный приятель Ваш находится на прямом пути к атеизму.

Божественное Откровение должно было быть воспринято в человеческой среде непременно с искажениями и непременно поразному. Ваше негодование по этому поводу должно быть переадресовано человеческой стороне, но и тут оно несправедливо. Мой друг Б. изучал историю догматических движений и говорит по свежему и просвещенному впечатлению, что было о чем спорить, была трагедия поисков самовыражения, и был священный энтузиазм в этих спорах. Мережковский не присутствовал на соборе, который описывал, и не имел никаких документов об этом соборе. Но правда, что бывали догматические преследования, и это, конечно, бывало изменою духу Откровения.

«*Не христианин — не спасется*». Рискаю опять подвергнуться обвинению в неблагочестии, я должен смело заявить, что это — ересь. Если уж братья что-то тут формулировать, то правильно, православно будет сказать примерно так: мы спасемся все вместе и каждый в отдельности, но христиане веры — в самую последнюю очередь.

О святой Руси. Один современный мудрец сказал: «Плохо будет народу, который сам себя называет святым». Святого народа нет, есть святые в народе — в каждом народе. Есть святая Америка, святая Испания, даже святая Германия (не уходя далеко в историю, это Боннхейфер, это Швейцер, это «Белая Роза» и другие). Святая Русь сегодня пополняется агностиками и политеистами. Православных в святой Руси очень мало.

Вы написали, что религия есть дело преимущественно людей слабых. Прошлый раз я уже обращал Ваше внимание на глубокую религиозность исключительно сильного человека — нашего великого Писателя. Но есть среди нас и такие слабые люди, которые именно вследствие своей слабости сильнее переживают трагизм, таинственность, глубину человеческого существования — и поэтому с особенной силой тянутся к Богу. *Жаждет душа моя к Богу Крепкому, Живоуму* (Пс 62. 2). И, наоборот, бывает так, что все называют человека сильным, а он просто толстокожий и ничего не понимает. Итак, наша слабость не есть аргумент против нашей религии по существу.

Ваши соображения о тоталитарном мышлении и о различиях культур мне мало понятны и в тему реферата не входят, прошу меня от обсуждения их уволить. В остальном же на все, заслуживающее внимания, я Вам ответил. Если потребуются еще объяснения — я с готовностью их представлю.

В заключение должен предостеречь Вас от одной ошибки. Из Ваших писем видно, что Вам очень повредили духовно, как Вы их называете, «компатриоты православные». Боюсь судить, ибо сам я ведь никого из них лично не знаю. Судя же по нашему здешнему опыту, надо иметь в виду, что есть целая прослойка людей, для которых «русское православие» совершенно сливается с ущербным сознанием национализма. По нашим наблюдениям, для этого рода лиц характерны самоуверенность и даже агрессивность, косность мышления и недостаточная культурность, склонность к лжеименным преданиям и суевериям, иногда даже и фанатизм, и всегда — увы, поплевание на икону Божией Матери (так обозначил в свое время

о. Иоанн Шаховской феномен православного антисемитизма). По возможности простите им их личные слабости, но не сделайте такой ошибки — не думайте, что это и есть святое Христианство веры.

Обо мне же, Вашем недостойном приятеле, не подумайте, что у меня намерение «обращать» Вас. Все, что я хотел — это убедить Вас переименоваться в агностика. А если придет такое время и Господь Вас благословит обратиться к Христианству веры — то уж Вы-то сами сумеете разобраться, что к чему. А пока что не я Вас, а Вы меня обращаете в Христианство — обращаете слабостью Ваших аргументов и обращаете величием Вашего подвига. Вчера «исполнилось» Вам три года. Покорнейше прошу Вас, примите от меня самые какие только могут быть лучшие пожелания. Верую, что не пропадет Ваш скорбный труд у Господа.

18. 1. 75

Корреспондентка Л. — свящ. С. А. Желудкову

†

Дорогой Сергей Алексеевич!

.....

Это очень христианская идея.* Теперь мне как-то даже непонятно, что можно возразить против нее. Все Ваши оппоненты фактически не возражают, они просто иногда говорят не об этом, мимо. Уже давно для меня большим смущением было деление людей на верующих и неверующих. Это как заноза сидело в душе и мешало мне любить людей. В глубине души сидело это упрямое чувство, что мы чем-то лучше, даже худшие из нас. А неверующего человека, даже прекрасного, не могла оценить по достоинству, так как предполагала заранее, что в его душе есть как бы большая течь, пробойна, через которую все добро вытекает. Теперь мне кажется очень несправедливым такое деление мира на две части, как и любое деление. Оно имеет ту же природу — чувство превосходства. Теперь-то я вижу, что это в моей душе пробойна, через которую чуть не вытекло все мое христианство. Пробойна в отношениях с людьми, в главном — в христианской любви. Мне кажется, что Ваша идея о том, что христиане есть и вне христианского храма веры, очень важна. Она открывает по-новому глаза на мир, помогает увидеть этих людей и принять их. Одно дело скрепя сердце признавать, что есть хорошие неверующие, но они нам как бы живой укор, почти бельмо на глазу. Кто же любит укору? А другое дело — видеть в них не чужих, которых нам надо обязательно переплюнуть, чтобы доказать свое, а своих уже, своих в *главном*. Вы помогли мне найти таких людей. Вы помогли мне стать немного скромнее в оценке собственного христианства и оценить по достоинству это незаметное, скрытое христианство людей доброй воли. Вот — у меня есть такой пример. Есть юноша, живущий в труднейших семейных обстоятельствах, несущий груз и своих болезней, совершенно лишенный столь простительного юношеского эгоизма и сделавшийся в свои двадцать лет — опорой

* Речь идет об основной идее реферата о. Сергия.

и моральным центром семьи. Никто не поймет и не увидит со стороны этого подвига — для постороннего глаза все обычно, обыденно. Но я знаю всю подоплеку отношений, мучения его души, рвущейся на простор, к творчеству, к общению, к свободе — и отказывающейся от этого не из малодушия, а из высшей мудрости, мудрости любви. Поставить свою жизнь в зависимость от жизни и счастья других — не просто, особенно в молодости. Это и есть христианство. Как старалась я раньше отыскать в нем какую-нибудь червоточину — ведь он же неверующий! Стыдно вспоминать.

Хочу поделиться с Вами моим открытием о вере. Это чувство посетило меня в храме. Я вообще принадлежу к «головастикам», часто сомневающимся и не умеющим верить как следует. И в храме часто находят на меня сомнения. Вот недавно стояла я на литургии, и как-то не могла войти в нее душой. Вся она — от Евангелия до Тайной Вечери — вдруг приобрела оттенок сухой историчности, прозы. Да, все так, думала я, ну и что? Мало ли что бывало на свете. Особенно слова «Примите, ядите...» я не могла понять иначе как символ, аллегория, притчу, и мне показалось нелепым, что именно эти слова были подхвачены и повторялись столько веков. Что делать? Я стала себя уверять, что это не так, старалась получше вспомнить Евангелие, искала доводы в истории Церкви (все это пронеслось быстро, за полминуты, во время «Тебе поем») — ничто не помогало. И я с горечью смирилась с тем, что *нет у меня веры*. И тут я почувствовала, что не теряю Божественную любовь, что она выше моей веры или неверия, что она так велика, что всех может принять, и еще — что все эти события — Крест, Воскресение — не тяжкий непосильный нам груз, они спасительны для нас не под условием веры в них, а сами по себе, силой любви Божией, для всех — верующих в них и неверующих. Это чувство я запомнила, с ним пришло понимание того, что и к вере нельзя относиться суеверно, слишком дрожать за нее, слишком зависеть от нее, тем более — не уважать человека за то, что он не может верить.

Еще одно мое впечатление, которое вспомнила я, читая Ваш реферат. Одной из самых полезных для меня книг была книга С. Франка «С нами Бог». Я уже давно читала ее, но мне запомнилась идея Церкви, как постоянно растущего и развивающегося организма, не ограниченного никакими постоянными формулами и догматами. И вот теперь — не входит ли Церковь в свой новый возраст? И, может быть, пришло время ей раздвинуть, вернее, понять свои границы?*

март 1975

(Это письмо до К. А. Любарского не дошло)

Свящ. С. А. Желудков — корреспондентке Л.

†

Дорогая Л.! Ваше письмо возвращает переписку к основной теме реферата. Должен сказать, что именно Ваша поддержка имеет для меня особенную ценность.

«Любящим Бога все содействует ко благу» (к Римлянам, гл. 8). Тяжелое искушение в вере разрешилось у Вас ценным откровением о вере. Посмотрите, так ли я Вас понял.

Смиранный человек верует в Бога и надеется, что Бог не требует от него непосильной веры. Ясно, что речь здесь о двух порядках веры. В первом порядке — вера в Бога, как глубокая интуитивная убежденность. В Христианстве к этому первому порядку относятся и вера во Христа. Во втором порядке — другие положения веры, принятые «из вторых рук» в священной традиции догматов, Писания, Культа. К этой-то вере второго порядка и относится печальное признание верующего человека: «Нет у меня веры». Я не могу сейчас разобраться, в чем собственно состояло и справедливо или несправедливо было сомнение, — для этого нужен личный разговор. Факт тот, что сегодня одно, завтра другое в этом втором порядке веры может оказаться «тяжелым непосильным грузом» для современного верующего человека. Признаю правильной Вашу рекомендацию: имея веру в Бога, во Христа — не унывать от сомнений в вере второго порядка. Как трагично, как нелепо, когда человек тратит душевные силы на мучительные порой раздумья о вере второго порядка* — душевные силы, которые так нужны ему для жизни в вере и по вере... Я сам в этом грешен.

Но ведь именно для жизни по вере и нужна бывает нам святая Евхаристия. А если искушения во время литургии будут повторяться, то как бы не лишиться Вам этого таинства. Надо заметить, что искушениям способствует наша испорченная церковная традиция. Евхаристия совершается «тайно» за иконостасом, народ же в храме в

ней не участвует — только слушает в это время, как наемный, отчужденный хор тянет малосодержательные песнопения... Скука. А ведь мы должны бы не со стороны размышлять об Евхаристии, а на деле совершать ее. Позвольте дать Вам добрый совет: устройте для себя литургическую реформу — читайте молитвы святой Евхаристии, приобщайтесь к этому чудотворному таинству благодарения, надежды, душевно-телесного освящения. Тексты молитв и все другое на эту тему — в первом сборнике нашей переписки. При случае непременно посоветуйтесь с нашим другом Б., у него есть проникновенный опыт Евхаристии.

В заключение Вы вспомнили о книге С. Л. Франка «С нами Бог». Это дает мне повод исправить еще одно мое упущение. К идее всечеловеческой Церкви доброй воли я пришел до чтения упомянутой книги; но в реферате мне следовало на нее сослаться, ее цитировать. Сейчас я это восполню — приведу некоторые из сохранившихся у меня выписок. Вот о неверующих христианах:

...«Если и полезно пытаться отдавать себе по возможности точный умственный отчет в содержании веры — в содержании Христовой правды, — то никогда не нужно забывать при этом, что различие между «верующим» и «неверующим», между «христианином» — подлинным учеником Христовым — и человеком, пренебрегающим христианской правдой и ее отвергающим, отнюдь не определяется той или иной системой идей, признаваемой или не признаваемой человеком. Это различие определяется только тем, живет или нет в душе человека та *реальность*, о которой говорит вера, *действует* ли в его душе благодатная сила правды Христовой или нет. В этом смысле, как уже приходилось указывать, неверующие, ищущие правды и осуществляющие ее в жизни, бессознательно суть верующие и христиане, а люди, равнодушные к правде, творящие, а тем более одобряющие неправду, *тем самым* обличают свое неверие, хотя бы они исповедали на словах или умом все содержание «символа веры». Гуманитаристы последних, неверующих веков были бессознательными, слепыми, неблагодарными к источнику своей веры, часто заблуждавшимися и спотыкающимися на своем пути потенциальными *христианами*; а церковно-настроенные защитники неправды, равнодушные к страданиям, ею порождаемым, были людьми, фактически отпавшими от правды Христовой»...

В отличие от «реально-эмпирических» церковей веры, философ развивал понятие единой «сущностно-мистической» Церкви Христовой. В частности, он писал:

...«Божий взор — и Божья любовь — объемлет сразу все время — прошлое, настоящее и будущее. Поэтому все, искавшие правды и спасения, то есть в этом смысле предугадывавшие реальность Христа, бывшие ее потенциальными причастниками до исторического момента Его воплощения, включены в Богочеловеческий организм сущностно-мистической церкви, не менее тех, кому дано было видеть Христа, или кого достигла весть о Нем, Его живой образ. Наивные средневековые представления, еще доселе не преодоленные, согласно которым даже величайшие религиозные мудрецы и праведники античного мира — и отчасти и ветхозаветные — исключены из спасения в силу только того случайного обстоятельства, что они жили до Христа, явно противоречат существу всеобъемлющей правды Христовой; они забывают простую великую истину, высказанную Христом о Самом Себе: «истинно говорю вам, прежде, нежели был Авраам, Я есмь» (Ио. 8, 58). Древние отцы церкви уже понимали, что, по крайней мере, такие личности, как Гераклит, Сократ, Платон были «христианами до Христа». Все ищущее и предугадывающее правду Христову человечество на протяжении всего времени человеческой истории в этом смысле объемлется сущностно-мистической церковью Христовой.

Но церковь «кафолична», т. е. всеобъемлюща не только в измерении времени, но и во всех других измерениях. Я уже не говорю о том, что она *предназначена* для всех людей, народов и культур мира, так как ее цель есть обновление и спасение всего творения. Это ясно само собой. Но и по своему актуальному составу мистическая церковь всеобъемлюща в том смысле, что она не имеет никаких эмпирически-зримых или определенных границ: она есть единство всего ищущего спасения, а потому и спасаемого человечества. Ни таинство крещения — в смысле эмпирически-совершенного согласно определенным правилам акта, — ни исповедание веры, в смысле явно выраженного рационального признания ее истин — не есть необходимый признак «христианина», члена мистической церкви Христовой; этим признаком является незримое, никем, кроме Самого Бога, неустановимое причастие человеческой души правде и реальности Христа. Даже уставные правила эмпирической церкви признают в принципе возможность принадлежности к церкви людей, не подходящих под обычные внешние признаки, определяющие формальное принятие в церковь. Будучи живым организмом, а не организацией, мистическая церковь объемлет всю реальность, в которой действует живая Божественная сила Христа; и человеческому уму не дано видеть, докуда распространяется действие этой силы; здесь можно сказать только одно: оно распространяется на все души, сознательно или даже только бессознательно открывающиеся для Его восприятия»...

Есть и другие тексты, показывающие, что С. Л. Франк отчетливо признавал возможность пребывания в мистической церкви всех людей доброй воли, — и верующих и неверующих. Вы спрашиваете — не пора ли Церкви «раздвинуть, вернее, понять свои границы»? Я полагаю, что вопрос поставлен неправильно. Общая для всех «эмпирических» христианских церквей веры граница есть вера во Христа. «Раздвинуть» эту границу церкви веры не могут, — это значило бы для них перестать быть самими собой. Но есть мистическая Церковь Христова, граница которой — добрая воля. Вопрос Ваш может быть поставлен так: не пора ли христианским церквам веры осознать эту широту мистической Церкви Христовой? — Давно пора, но для нашей Русской церкви веры сегодня это возможно только на уровне личных суждений.

Апрель 1975

(Это письмо до К. А. Любарского не дошло)

К. А. Любарский — свящ. С. А. Желудкову

Из письма жене †:

.....

Помимо неравноправия нашей переписки, о котором пишет Сергей Алексеевич, связанного с моими условиями, и которое, я надеюсь, все же будет преодолено, рано или поздно, есть и еще одно неравноправие, внутренне присущее нашему спору и оттого более серьезное.

Дело в том, что я, сколь бы ни был я убежден в правоте моей точки зрения, в принципе допускаю все же возможность ее изменения. Хотя мне, такому, каков я есть сейчас, кажется весьма маловероятным, что я когда-либо смогу перейти на позиции человека верующего, тем не менее я на 100 % не могу отвергнуть этой возможности. Мало ли как может сложиться дальнейшая моя судьба, мало ли как могут меняться убеждения и воззрения! Основой для этого является ясное понимание чисто человеческой природы любых воззрений, любой позиции, понимание их неабсолютности. Поэтому, как я ни убежден в своей правоте, как я ни возражаю на аргументы оппонентов, я все же откладываю их где-то в запасниках памяти и когда-либо (почему бы и нет?) они могут сработать.

Иное дело Сергей Алексеевич и его друзья. Будучи людьми религиозными, они убеждены в абсолютности своих точек зрения.* Они убеждены, что обрели ту высокую ценность, о которой писал в своей статье Аверинцев, столь сочувственно цитируемый энергичной знакомой Сергея Алексеевича. Обретя Бога, они не мыслят возможности (хотя бы минимальной) перехода на иные позиции. Поэтому с их стороны наш спор — никогда не диалог, а всегда лишь монолог, проповедь, хотя они это и отрицают. Субъективно, может быть,

* *Примечание 1977 года: еще более жесткий лимит писем в тюрьме полностью исключил возможность непосредственного обращения к о. Сергию.*

никто из них и не стремится «обратить меня в свою веру», но объективно убежденность в обладании высшими ценностями, в обладании абсолютном, лишает дискуссию необходимого условия — презумпции возможности изменения собственной позиции.*

Если еще на позиции абсолюта стоит Сергей Алексеевич, то по крайней мере он, оставаясь непоколебимым сам, признает за другими право на иную точку зрения, хотя это его и огорчает. Но уже несколько иной, видимо, человек, один из друзей Сергея Алексеевича, смотрит на вещи по-иному. Вот, пожалуйста, что он пишет: «Вне религии говорить, спорить о чем-либо, в сущности, по большому счету говоря, не о чем». «Серьезность, искренность, честность души — только этим религиозным проблемам и предназначены». «Позиция неверия не позволяет быть внутри нее искренним, честным, последовательным, определенным...»

Вот ведь как! Позиция оппонента уже априори объявляется нечестной (я понимаю, что речь тут идет не о честности в узко бытовом смысле слова, а о некоей честности высшего плана, но это мало улучшает дело). До сих пор во всех наших спорах я лично честность оппонентов не ставил под сомнение... Вот ведь до чего доводит обладание абсолютном! Не случайно, что именно это письмо и в остальных своих пунктах — самое неинтересное из всех. Набор расхожих, много раз слышанных мыслей, весьма тривиальных — вот и все, пожалуй. Меня удивляет лишь, почему Сергей Алексеевич считает его глубоким и тонким мыслителем. Я попрошу, конечно, прощения у Сергея Алексеевича, но я не могу дискутировать с человеком, который отказывает мне в честности.

Не случайно именно этот знакомый Сергея Алексеевича нашел, что мой тезис о демиургичности человека есть не что иное, как «лозунг из столовых». Прошу простить за сравнение, но это позиция хунвейбина: «долгой-де Шекспиров и Флоберов, потому что ими пользуется буржуазия!». Хорошая позиция, легкая позиция, избавляющая от необходимости думать по существу. Какой контраст между его письмами и письмом другого друга Сергея Алексеевича, которым тот открыл, так сказать, серию ответов на мое письмо! И сама позиция его, и тон, которым он ее излагает, вызвали у меня глубочайшее уважение и интерес.

Но вернемся к нашему спору. Позиция обладания абсолютном вносит любопытные aberrации в некоторые аспекты спора. Таков, например, один из главных, если не главнейший вопрос спора — вопрос о смысле жизни человека, о сравнительной ценности отве-

тов, которые дают на этот вопрос религия и материалистическое мировоззрение, научное мышление.* Сергей Алексеевич и его друзья роковым образом путают две вещи — истинность этих ответов и их достоинство.

Психологически это понятно. Для Сергея Алексеевича вопрос об истинности религиозного ответа просто не стоит. Конечно, для него это — истина. Но он упускает из виду, что для меня-то дело обстоит по иному. Поэтому поясню.

Если бы я на время забыл об истинности и ложности ответов на вопрос о смысле жизни человека и безотносительно к тому попытался сравнить религиозный и научный ответы, я без сомнения ответил бы, что религиозный ответ неизмеримо, безусловно достойнее. Обладание вечной, абсолютной истиной, вечная жизнь в единении с Богом — кто же этого не предпочтет любому иному честному ответу...

Все так... при одном условии: если религиозный ответ — вообще ответ, если это не самообман. Вот о чем надо говорить, вот что надо доказывать, а вовсе не тезис о соразмерности вопроса и ответа,* на котором почему-то сосредоточились Сергей Алексеевич и его друзья.

Поясню аналогией — что «достойнее»: подать нищему медный грош или сторублевую ассигнацию? Кажется, ответ ясен — конечно, второе. Ну, а если существует твердая уверенность, что ассигнация фальшивая или хотя бы вероятность этого чрезвычайно велика? Не предпочесть ли нам безусловную, хотя и небольшую ценность твердого металла проблематической ценности фальшивых бумажных денег, к тому же подвергающихся жестокой инфляции?

Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман...

А так ли? Не разумнее ли посмотреть реальности в глаза?

Сергей Алексеевич написал мне, что я осмелился упрекнуть христианство в детском страхе прозрения реальности. Увы, осмелился. Я и сейчас думаю, что идея спасения родилась именно как психологическая реакция на страх личного конца. Мне трудно обсуждать эту проблему здесь и прошу меня от этого уволить, потому что Сергей Алексеевич неожиданно перевел эту тему в свой личный план, применил ее к себе, и у меня просто сердце захолонуло.

Если Сергей Алексеевич хочет более ясно представить себе, как я лично смотрю на этот вопрос, то я просто прошу его открыть

томик моего любимого поэта Уолта Уитмена и перечесть «Поэму изумления при виде прорастающей пшеницы» и «Тому, кто скоро умрет». Я все равно не скажу лучше и проще, чем этот великий старец. И вообще мир Уитмена (внутренний его мир) должен представить для Сергея Алексеевича заметный интерес. Если он прочтет «Листья травы» целиком, то получит представление, каким гармоничным, спокойным, уравновешенным (а вовсе не бездной ужаса) может быть мир атеиста.

Прискорбно, что Сергей Алексеевич все же продолжает смотреть на мир атеиста как на сколок мира религиозного, он мыслит о нем в категориях верующего. Ну, откуда он, например, взял, что «атеисту запрещено думать категорически о реальности конца истории»? Вообще это слово «запрещено» Сергей Алексеевич в применении к миру атеиста употребляет необычайно часто. Как-то он не может проникнуться пониманием того, что, напротив, это единственное слово, которое полностью отсутствует в миропонимании атеиста. Думать о чем-либо не может быть запрещено, и причем принципиально! И о конце истории, конечно же, думают и пишут, достаточно из недавних работ назвать работы фон-Хорнера и вообще все работы, в которых проводятся оценки численности внеземных цивилизаций (в формулы для оценки их числа существенным параметром входит время существования цивилизации и для его оценки необходимо рассмотреть вопрос о причинах возможного конца истории). А Сергей Алексеевич пишет о каких-то запретах... Как можно?

И о Боге не запрещено никому думать и думают... И никто не исторгает из своей среды верующих ученых, что лишний раз подтверждает и сам Сергей Алексеевич, говоря о религиозности Павлова и многих других.

Вообще у меня впечатление, что Сергей Алексеевич не читал моего первого письма на эту тему, еще от 73-го года, где я пытался очертить мое представление о взаимоотношении науки и религии.* Поэтому я сейчас повторю эту схему, тем более, что в некоторых моментах мне хотелось бы ее детализировать и развить.

Итак, если изобразить весь окружающий человека мир в виде бесконечной плоскости (ни в коем случае не надо отождествлять эту бесконечность с бесконечностью пространственной, это бесконечность качественного разнообразия!), то область познания, описываемую позитивной наукой в широком смысле этого слова, мо-

* См. приложение, письмо от 2. 9. 73, стр. 198.

жно представить в виде некоторой заштрихованной замкнутой области (хотел бы изобразить это графически, но оказывается, что и это предлог для подозрительности цензора). За ее пределами — вся бесконечная незаштрихованная плоскость: непознанное. Граница области познанного и непознанного сравнительно резка, хотя и не вполне: существует возможность экстраполяции через границу, прогнозирования, предсказания, что размывает границу.

Область эта постоянно стремительно расширяется, так что площадь, занятая ею, растет (по крайней мере до сих пор росла) экспоненциально. Скорость расширения на разных участках границы весьма различна — есть области познания лидирующие и отстающие, так что вся заштрихованная область напоминает скорее расползающуюся амебу, а не круг. Скорость расширения тоже весьма неравномерна. Иногда на отдельных участках границы скорость резко возрастает — это обычно совпадает с эпохами смены парадигм.

Но, поскольку плоскость познаваемого бесконечна, то область уже познанного никогда не сможет заполнить все целиком. Непознанное остается всегда. Человек же в своей деятельности имеет дело с Миром в целом и для выработки адекватных поведенческих реакций должен построить себе целостную модель Мира. В этой модели не может быть пустот, ибо нельзя взаимодействовать только с небольшой, только с незначительной частью Мира, взаимодействовать избирательно. Незаштрихованную часть плоскости надо чем-то заполнить и ее действительно заполняют. Пустоты модели Мира заполняют религия, искусство во всех его видах, философия в самом широком смысле слова, включая онтологию, гносеологию, а также этику и т. п.

Эти три области — религия, философия, искусство — делят между собой незаштрихованную часть плоскости весьма условно. Границы между ними весьма размыты, области взаимопроникают, они отделены друг от друга куда менее четко, чем все вместе от науки, хотя и там граница размыта. На заре человеческой истории на долю этой троицы приходилось почти все, находящееся за пределами чувственного опыта. Даже описание природы совершалось в рамках этих областей. Дриады жили в каждом дереве, наяды в каждом ручье... Древний грек не понял бы, или возмутился бы, или испугался, если бы вместо Зевса стали бы говорить о разности потенциалов и об атмосферном электричестве. Но... великий Пан умер и ныне главная сфера, которой заняты и философия, и религия, и искусство — это человек, внутрочеловеческое (хотя и не только). И то же непонимание, негодование, когда о Человеке начинают говорить, как о части природы! Но об этом после...

В движении области познannого наблюдались и наблюдаются иногда интересные аномалии. В прошлом можно наблюдать случаи ее неожиданной регрессии (утраты накопленных знаний), в результате чего за пределами основной области познannого возникали отдельные, не связанные с нею, маленькие островки (область становилась многосвязной). Когда фронт познания приближался к ним заново, и поглощал их, происходило как бы вторичное их открытие. Так дело обстояло, например, с древней медициной и т.п. Иногда, напротив, на пути движения фронта познания возникали неожиданные препятствия. Тогда фронт познания временно обходил их, оставляя у себя в тылу, подобно осажденным крепостям, белые пятна. Иногда такие островки непознannого внутри области знания сохраняются весьма долго. Тогда возникает своеобразное явление научной мифологии, стремящейся заполнить эти белые пятна. Рано или поздно эти пузыри, конечно, лопаются.

Но это детали. Вернемся к главному. Религия, философия, искусство вместе создают то, что я назвал бы индивидуальным мифом человека. У каждого человека эти индивидуальные мифы могут весьма различаться. Однако в силу общественного характера человека существует сильная тенденция к образованию некоего коллективного мифа (или скорее мифов — ибо у разных социальных или национальных групп эти коллективные мифы могут различаться существенно). В результате индивидуальные мифы не разделяются так сильно, как могли бы, а представляют собой, преимущественно, некоторые вариации некоего коллективного мифа.

Теперь понятен столь смущающий Сергея Алексеевича феномен верующих ученых: в их индивидуальном мифе вера занимает существенное место. Они учёные — пока речь идет об области познания, и верующие — когда переходят, так сказать, в незаштрихованную часть плоскости. И то и другое вполне совместимо.

Когда мы говорим о несовместимости науки и религии, мы имеем в виду нечто совсем иное: если какая-то часть Мира уже попала в область познания, в «заштрихованную часть», то невозможно, немислимо возвращать ей религиозное толкование. Так, в свете данных палеонтологии, геологии, биологии говорить о семи днях творения, глине, Ноевом ковчеге в их буквальном смысле — невозможно, несерьезно (а ведь что интересно — говорят и до сих пор, ведь говорят!). Все сказанное относится, разумеется, не только к религии, но и к ее товарищам по области непознannого, например, к философии. Мы все помним, как, исходя только из философских воззрений, поправляли биологию, физику... В этом смысле можно говорить

и о несовместимости философии и науки. Между тем, там, где им и положено быть, за пределами области познания, и философия и религия вполне на своем месте. Они составляют неотъемлемую и, видимо, необходимую часть человеческой культуры, ибо плоскость-то бесконечна, и место им будет всегда. Поэтому, когда я говорю о сотворенном человеком мифе, о вечных ценностях культуры, я, разумеется, включаю туда не только Шекспира, но и религиозных мыслителей. Попытки воинствующих безбожников «на небо забраться и разогнать всех богов» столь же безуспешны, как и попытки «разрушить эстетику» или «во имя грядущего завтра сжечь Рафаэля».

Поэтому моя критика религии направлена в основном не на мифологию религии, а на этические следствия из нее, на мораль ее (идеи покорности, страха, воздаяния и т. д.), на практику церковных иерархов, на организацию церкви.

В моем личном индивидуальном мифе идея Бога отсутствует полностью. В этом смысле я и называю себя атеистом (атеистом, в смысле отсутствия, но не анти-теистом, в смысле противостояния, как хочет окрестить меня Сергей Алексеевич). Не могу, однако, сказать, что вера в моем индивидуальном мифе отсутствует вообще. Так, я верю, например, в то, что область познания будет бесконечно расширяться (в пределах конечной человеческой истории, разумеется) и никогда не наткнется на нечто принципиально непознаваемое. Я вполне отдаю себе отчет, что это не точное знание, а элемент веры, результат экстраполяции тенденции развития науки.

Могу ли я со 100 %-ой гарантией утверждать, что за пределами области познания, в моей «незаштрихованной области», я никогда не встречу с сущностью «Бог»? — спросит меня Сергей Алексеевич. Со 100 % гарантией, разумеется, не могу. Пока же я верю, что не встречу. Как Волошин писал о российском интеллигенте:

Он верил в Божие небытие...

В этом смысле я, действительно, не знаю, есть ли Бог, в этом смысле я, действительно, агностик. Но Сергей Алексеевич должен ясно отдавать себе отчет в том, что пока идея Бога пребывает для меня в области неизвестного, она для меня ценностно равновелика любому другому неизвестно существующему-ли (ну, скажем, парапсихологии). Боюсь, что это не то, что ему хотелось бы! Ему хотелось бы, чтобы я признал, что не знаю, есть ли Бог, и одновременно выделил бы, приподнял бы эту идею над всем прочим неизвестным.

Этого я не могу, увы. Всерьез говорить о ценности неизвестного — трудно! Можно лишь ограничиться суждениями типа: «если... — то». Не более.

Так что в указанных выше смыслах я готов себя назвать и агностиком и атеистом. Дело не в ярлыках. Дело в сути. *

Так вернемся же к миру атеиста, который якобы зажмуривается перед реальностью. Этот мир Сергею Алексеевичу представляется ужасом абсурда, гробом. Тут налицо смешение понятий. Дело в том, что мир атеиста, естественно, предназначен для атеиста. И если Сергей Алексеевич чувствует себя в нем неудобно, жутко, то только потому, что он не атеист. Но это не значит, что мир атеиста жуток имманентно (это все та же ошибка Сергея Алексеевича — привычка к абсолютизации понятий). Поясню аналогией. Многие положения христианской догматики, христианского предания неверующему могут показаться смешными, нелепыми (например, насыщение пятью рыбами и пятью хлебами, да и само непорочное зачатие). Однако хорош бы я был, если бы на основании этого стал называть мир христианина смешным и нелепым! Я-то ведь понимаю, что в мире христианина надо быть христианином и его глазами воспринимать этот мир. Почему этого не понимает Сергей Алексеевич? Он-то рассуждает не о мире атеиста, а о впечатлениях христианина в мире атеиста!!! А это далеко не то же самое!

Христианин, услышав что вечной жизни нет, приходит в ужас и решает, что «все дозволено». Атеист принимает это как должное и принимает решение жить в этом мире и жить достойно, делая все максимально возможное. Маленькая аналогия. Один постоялец гостиницы, понимая, что через несколько дней ему уезжать, начинает свинствовать, пачкать пол и стены, ложиться в сапогах на кровать и т. д. Чего там, все равно мне тут не жить, «все дозволено». Другой же — живет так, как положено жить человеку, потому что ему, независимо от того, свой ли это дом или временный, — самому противно жить в грязи и свинстве. Он даже временно не может жить непорядочно. В этом разница между карамазовской позицией и позицией атеиста.

Сергеей Алексеевич ставит в заслугу христианству то, что оно ставит «вечные вопросы» и перечисляет список этих вопросов-тайн. Ему кажется, что уже поставив эти вопросы — он на них отвечает. То же искреннее непонимание того, что истинность ответа надо еще доказать и желаемое еще не есть действительное. Этот же волюнтаристский принцип проявляется и в «вопросе о Шекспире». В ответ

на мое замечание, что едва ли можно сказать, что Шекспир получил лопух на могиле, он приводит слова некоего лица, якобы остроумно заметившего, что неизвестно, согласился ли бы Шекспир на такое атеистическое бессмертие. Остроумцу я ответил бы, что, к счастью или несчастью, но результат не зависит от субъективного желания даже такого великого человека как Шекспир. Ну, пусть не согласился бы он? Что изменилось бы?

Еще к вопросу о Шекспире. Мне очень жаль, что мое высказывание о вечной жизни Шекспира Сергей Алексеевич понял так, что, мол, будет он жить в игре актеров. Зачем же так плоско представлять дело? Не в игре актеров жив Шекспир, а в каждом из нас в отдельности и во всем нашем мире в целом. После него мир уже не может быть тем, что до него. Любовь каждой девочки — это в чем-то непременно еще и любовь Джульетты, сомнения каждого юноши — это в чем-то уже и сомнения Гамлета, горе каждого отца — это и горе Лира. Вот что важно! Шекспир творил и нас — меня, тебя, Сергея Алексеевича, любого другого, даже если он сам этого не сознает. И здесь нет никакого культа гениев, как заметил кто-то из друзей Сергея Алексеевича. Шекспир взят лишь как общепонятный пример. Но в творение мира любой из нас вносит свой вклад. Я, например, убежден, что через полсотни лет и самое имя мое сотрется, но хочу жить так, чтобы получить право думать, что в создание нашего прекрасного мира и я внес свой посильный вклад. А имя? — в имени ли дело?! Разумеется, хочется, чтобы тебя помнили, но это уже на втором месте, а не на первом. Иначе каждый стремился бы к славе Герострата.

Сергея Алексеевича и его друзей продолжает поражать, что же лежит в основе нравственности материалиста, атеиста. Вот, например, один из них пишет: «Из материализма не вытекает ни учения о ценности личности, ни этики самоотвержения и любви». «Этика вытекает из сознания и ощущения, что есть *иные*, нежели природные законы жизни»... Другому кажется, что «наша совесть говорит нам из таинственной глубины, и объяснять ее методом проб и ошибок — это какое-то недоразумение».

Боюсь, что все такие высказывания основаны лишь на неосведомленности. Постараюсь объяснить, что я хотел сказать, и показать ошибку таких высказываний. Но прежде я хотел бы заметить, что в таком испуганно-недоверчивом отношении к попыткам естествознания познать человеческие проблемы религия не одинока. Я уже как-то отмечал это поразительное сходство мышления людей, которые должны были бы, казалось, принадлежать к разным лагерям.

Вот, например, в последнем номере «Вопросов истории» некий Козлов[‡] решил, наконец, подвергнуть разностной критике всю биолого-географическую концепцию этнической истории, развиваемую у нас Л. Гумилевым. И вот, пожалуйста: «Обращение к естественным наукам в целях историко-социологических построений полно опасностей для тех наших ученых, которые недостаточно глубоко усвоили исторический материализм». Полно опасностей... А акад. Петровский в «Литературной газете»^{*} прямо-таки поражается попытками Ганса Селье биологизировать кодекс поведения. (Ганс Селье: «Любой принцип поведения должен основываться на биологических законах. Нравственно то, что биологически полезно для вас и для других»). А спроси такого Козлова или Петровского, не верующие ли они — они непременно заверят тебя в своей стопроцентной материалистичности.

Так неужели же действительно «этика самоотвержения и любви» внесена в человека извне и эволюционным путем не могла возникнуть?

Мне хочется начать разговор об этом с цитаты из письма ко мне девочки Лены С., в котором она объясняет, почему она хочет стать биологом и изучать морских животных. Она описывает, какое впечатление на нее произвели методы охоты на тюленей. Охотники ловят маленького тюлененка и начинают его истязать. Тюлененок от боли кричит. И тогда-то ему на помощь отовсюду ползут тысячи тюленей и их встречают пулями... Я приглашаю Сергея Алексеевича и его друзей расставить моральные акценты в этой небольшой сценке.

Продолжать сейчас придерживаться убеждения, что мир живой природы — это мир борьбы всех против всех, — по меньшей мере неграмотно. Этология накопила буквально бездну фактического материала о том, что взаимопомощь и взаимовыручка, включая самоотвержение — не исключение, а норма поведения у большинства животных, в особенности стадных, общественных: дельфины и обезьяны, пингвины и антилопы, слоны и волки — примеров настолько много, что всех и не перечислишь. Сергей Алексеевич вполне может обратиться к любой монографии по этологии. Еще до возникновения этологии эту особенность поведения животных прекрасно заметили писатели-анималисты, такие как Сетон-Томпсон, Ф. Моузт и др.

Вообще, пресловутое представление о естественном отборе как «борьбе всех против всех» совершенно ошибочно связывают с именем Дарвина. Скорее оно восходит к его популяризатору-искажителю Хаксли. Сам же Дарвин в своей второй, к сожалению, куда менее

[‡] См. «Вопросы истории» № 12, 1974, стр. 72, статья В. И. Козлова.

^{*} «Литературная газета», 15 января 1975 года.

известной книге «Происхождение человека и половой отбор» развивает прямо противоположную концепцию. Он прямо пишет о «моральном чувстве» животных.

Если вдуматься, в самоотвержении, в альтруизме животных нет ничего удивительного. Дело в том, что альтруизм хотя и невыгоден индивидууму, но выгоден виду. А отбор в природе происходит не по признаку индивидуальной полезности, а по признаку полезности для вида. Стадо, в котором все индивидуумы защищают, поддерживают друг друга, резко увеличивает свою сопротивляемость естественным врагам. Если особь приходит на помощь своим товарищам и, жертвуя собой, гибнет, то ценой этой гибели спасается 10 других особей, и виду это выгодно. В другом же стаде, без развитой взаимовыручки, дело обстоит наоборот. Особь-эгоист может, конечно, спастись, но 10 других погибнут незащищенные. Такой вид, состоящий из особей-эгоистов, уничтожается естественным отбором. Вид, состоящий из альтруистов, напротив, укрепляет свои позиции.

Все это не мое изобретение. После Дарвина много писал об этом еще в 20-х годах в своей «Этике» Кропоткин, а Холдейн в «Факторах эволюции» даже приводит математический расчет эффективности «генов» альтруизма. Все это, конечно, упрощение, альтруизм определяется не одним каким-то специфическим геном, но качественно вывод безусловно верен. Отбор, жестокий «звериный» отбор оказывается удивительно справедливым — он выбраковывает эгоистов, как вредных для вида в целом, и закрепляет в хромосомах склонность к самоотвержению и альтруизму.

В общем-то, все это вещи общеизвестные. Уж о чем, о чем, а о том, как самки животных защищают своих детенышей, известно и друзьям Сергея Алексеевича. Казалось бы, откуда это у них? Зверю естественно было бы спастись самому! И здесь работает тот же самый механизм — виду оказывается выгодным самопожертвование!

То, что проявлялось уже у животных, у человека стало еще более существенным. Тому есть много причин. Переход к прямохождению привел к существенным физиологическим перестройкам в организме первоженщин, сделал их более уязвимыми (на деталях я тут не останавливаюсь, хотя мог бы), т. е. более нуждающимися в защите. Резко возрос период беспомощности ребенка (ребенок человека вообще рождается более недоразвитым, чем детеныши других млекопитающих — это тоже связано с прямохождением). Изменение характера пищи привело к необходимости коллективной охоты на крупного зверя, что прямо-таки требует взаимовыручки. Наконец, человек впервые стал накапливать не только генетическую, но и социальную информацию, и резко возросла роль храни-

телей информации — стариков. Таким образом шансы на выживание получила лишь та орда, которая поощряла взаимовыручку, охраняла своих женщин, детей, стариков. А это, в сущности, и есть основа основ всей морали и этики. И эта основа основ запечатлелась в генетическом коде поколений.

Конечно, не нужно все понимать упрощенно, что, мол, на каждую заповедь свой ген и т. п. Разумеется, нет. Кодирована не этика сама, а предрасположенность к совершению тех или иных поступков (так, как, скажем, наследуется не само заболевание туберкулезом, а предрасположенность к нему). Прошу прощения за грубость сравнения. Воспитание может, конечно, развить эту предрасположенность, а может и нацело подавить ее, оставить нереализованной. Но, поскольку в последнем случае приходится именно подавлять заложное природой свойство, любые человеконавистнические идеологии имели и имеют лишь временный успех и рано или поздно рушатся. И, напротив, проповеди любви и добра обладают удивительной устойчивостью в течение тысячелетий. Ибо они имеют основу в самой биологической природе человека.

Совесть потому-то и кажется «говорящей из таинственных глубин», что биологическая основа ее закодирована уже на хромосомном уровне, вне контроля разума. Веления совести — не результат логического анализа, не следствие некоей принятой системы, а скорее сродни инстинкту. Если не вдумываться в их механизм, не пытаться подойти к ним с инструментом научного анализа, то они и впрямь покажутся неким чудом, чем-то появляющимся спонтанно, чем-то необъяснимым (так средневековому человеку, не подозревавшему о системе внутренней секреции, многие свои состояния казались необъяснимыми, беспричинными). Так, в общем-то, оно и быть должно. Очень часто человек не имеет времени для длительных размышлений о том, как поступить, да и не всегда размышления приводят к нужному результату (велик соблазн самооправдания). Поэтому должен существовать встроенный механизм сиюсекундных решений, настроенный именно на альтруистические поступки, подавляющий все соблазны. Необходим инстинкт совести, такой, какой есть у птицы, защищающей птенцов. У человека он, конечно, неизмеримо сложнее, ибо поведение его неизмеримо сложнее, но суть та же.

В своем «донкихотском» письме Юра Айхенвальд* как-то заметил, что Дон-Кихот утверждает нравственность, ни на чем ее не ос-

* *Примечание 1977 г.: в переписке со мною Ю. Айхенвальд обсуждал «проблему Дон-Кихота» в связи со своей работой над либретто «Человека из Ламанчи».*

новьявая. На самом деле это не так. Дон-Кихот — это предельное выражение человеческой сущности, присущего человеку природного добра, очищенного от всяких наслоений социального (старый спор о том, зол или добр человек от природы, не так уж бессмыслен).

Разумеется, природой заложена в человека не вся этика. С становлением общества, с образованием социальных связей появились и новые морально-этические нормы (например, все нормы, связанные с собственностью), которые не могла выработать природа. Механизм этих норм иной: они не инстинктивны. Неслучайно поэтому, что и прочность их различна. Человеку сравнительно легко украсть (под гипнозом это нетрудно заставить сделать), но почти невозможно убить (все попытки имитировать удар ножом под гипнозом приводят к нервному срыву).

Между прочим, наличие в человеке генетически заложенных нравственных устоев великолепно демонстрирует широко известный параллелизм как положительных, так и отрицательных черт однояйцевых близнецов. Ничего подобного не наблюдается у двуяйцевых. Странное обстоятельство, если считать мораль внесенной извне, данной свыше.

Если уж говорить о том, что принципиально отличает человека от животных, то это вовсе не этика самоотвержения, а прямая противоположность ей — бессмысленная жестокость, корыстность и т.д. и т.п. Животное-фашист немыслимо, Бухенвальд у животных немыслим. Почему так получилось у человека? Почему начинают давать сбой природой заложенные механизмы? (Кстати, странное отличие от животных, если рассматривать человеческую душу, как данную свыше). Думаю, что дело в том, что у человека впервые в истории Земли скорость изменения условий жизни на много порядков превысила скорость эволюционной адаптации, ибо социальная среда меняется неизмеримо быстрее природной. Налицо разрыв между по существу старым (эволюционно) организмом и новой средой. Физиология человека не могла приспособиться к взрывам водородных бомб. Психология — к массированным средствам пропаганды, к новым социальным структурам.

Все это ставит человека в такую ситуацию, с которой никогда не сталкивалось еще ни одно животное. Можно было бы придти в отчаяние, но, к счастью, человек наделен и инструментом для преодоления таких кризисных ситуаций, инструментом, какого лишены животные, — разумом!* Мы не вправе уйти от вызова, который нам бросает новая ситуация — и я уверен, что человек сможет достойно ответить на этот вызов. Я верю в мощь человеческого разума (вот, пожалуй, еще один элемент веры в моем индивидуальном мифе).

Мрачные ожидания ученых из «Римского клуба» не кажутся мне обоснованными, хотя такие прогнозы безусловно полезны — полезны, как сигнал тревоги. Гудок пожарной сирены нужен, но если он раздался, то это не значит, что город сгорит, скорее напротив, что он спасется. Великолепная иллюстрация — нынешняя всемирная кампания за сохранение окружающей среды. Я уверен, что она даст результаты.

В этой связи мне хочется позвать себе на помощь Бертрана Рассела: «В наш опасный век мне встречаются многие люди, которые, как мне кажется, питают самые нежные чувства к страданиям и смерти, а когда в них вселяют надежду, это раздражает их. Они думают, что надежда безрассудна и что, безответственно склоняясь перед безысходным отчаянием, они просто смотрят фактам в глаза. Я не могу согласиться с ними. Сохранение надежды в нашем мире сегодня взывает к нашему уму и к нашей энергии. Ни страдания, ни безрассудство не представляются мне частью неизбежной судьбы человека».

Напомню, что Б. Рассел — автор известной диалогии, одна из частей которой так и называется: «Почему я не христианин?»^{*}

Говоря о материалистическом понимании феномена совести, мне хотелось бы подойти к вопросу еще с одной стороны. Помните, еще года два назад мы обсуждали вопрос о побудительных мотивах действий человека, и я высказал точку зрения, что таким мотивом является желание внутреннего комфорта. И помню, как я был поражен, познакомившись впервые с работами Ганса Селье по теории стрессов: в них я нашел ту же самую мысль, только выраженную на точном языке физиологии.

Я не намерен излагать здесь его работы, о них много написано. Коротко — речь идет о неспецифической гормональной реакции на экстремальные воздействия, как положительные, так и отрицательные. Такие гормональные реакции побуждают человека действовать в направлении уменьшения стресса, в частности, дистресса — отрицательного стресса. И Селье указывает, что одним из сильнейших дистрессов является осознание того, что ты действуешь во вред окружающим или хотя бы бесполезен им. Отсюда сигнальная гормональная реакция и воплощение ее в действие.

Я отдаю себе отчет, что столь «грубый» материалистический подход вызовет инстинктивный протест Сергея Алексеевича и его

^{*} *Примечание 1977 года: вторая, не переведенная на русский язык, часть диалогии называется «Почему я не коммунист?» Аргументация в обеих частях диалогии во многом одинакова.*

друзей. Хуже он или лучше религиозного? Дело вкуса. Я не считаю, что материнство становится хуже от того, что ребенок рождается в крови и грязи. Все это уже бывало в истории. Хуже ли Шекспир миннезингеров с их культом Прекрасной Дамы?

А тело пахнет так, как пахнет тело,
Не как фиалки нежный лепесток...

Да еще ближе ситуация, сложившаяся с появлением Дарвина,— сколько было комического негодования по поводу наших волосатых предков! Неужели будем все повторять сначала?

В одном из последних писем Сергей Алексеевич приводит действительно очень смешные слова В. Соловьева о том, что русским нигилистам свойствен такой силлогизм: «Человек произошел от обезьяны, следовательно, будем любить друг друга». Хорошо сказано, но, может быть, не так уж неверен силлогизм? Уж если обезьяны умеют любить друг друга, так неужели мы, люди, с нашим разумом, не сможем их превзойти?...

Я расписался, но мне хотелось бы сделать еще несколько замечаний по более частным вопросам. Я открываю письмо ученого друга Сергея Алексеевича, которого тот выбрал в арбитры нашего спора, и многое в нем меня удивляет. В частности, его утверждение, что, мол, неважно, улучшает или ухудшает мораль христианство, может вполне ухудшить, но это уже неважно, важно, что оно ведет ко Христу ??? Вот уж, простите, если вопрос ставится так, то давайте лучше поговорим о погоде. Уж лучше без религии, чем с религией, оправдывающей (чем бы то ни было!) аморализм.

Второе, что меня огорчило,— это абсолютно неверное освещение естественно-научных проблем. Например, трактовка «Бритвы Оккама» в естествознании. Отказ от беспредельного введения новых сущностей вовсе не означает отказа от их введения вообще. Новая сущность вводится в науку тогда, когда возможности старых полностью исчерпаны. Не будь этого, и науки никакой бы не было! Но тогда и только тогда, когда исчерпание действительно полное. Яркий пример — введение Планком сущности «квант» перед лицом так называемой ультрафиолетовой катастрофы. Аналогично дело обстояло и с Ньютоном, о котором пишет ученый друг Сергея Алексеевича, и с введением новых типов взаимодействий. Примеры эти являются не опровержением, а ярким подтверждением оккамовского принципа в естествознании.

А вот с биологическими полями Гурвича (да и с самими митогенетическими лучами, кстати, хотя о них в письме и не упомянуто), и с теорией номогенеза Берга дело обстояло иначе. Эти сущности были введены несвоевременно, в нарушение принципа Оккама, и оказались неплодотворными, мертворожденными. (Замечу, кстати, что совершенно неверно утверждение, что главное возражение уче-

ных против номогенеза состоит в том, что он оставляет якобы место для Бога. Во-первых, это само по себе неверно, ибо номогенез, верная или неверная, но чисто естественно-научная гипотеза и Бог тут ни при чем. А обвинять в этом — так даже теорию относительности обвиняли, но не ученые же! Во-вторых, такого обвинения просто ни один ученый не делает. Очень полная сводка аргументов против номогенеза есть в одном из летних номеров «Природы» за прошлый год.* Ни один из них даже не упоминает о Боге! Там же, помнится, рассматриваются и трудности эволюционной теории, к которым апеллирует номогенез. Я мог бы сделать здесь то же, но лучше отошлю к литературе. Нас это уведет в сторону).

Хотелось бы думать, что все это должен знать ученый друг Сергея Алексеевича. Но вот, гляди ж ты — и тезис о том, что накопление информации резко снижает энтропию системы, он считает лишь красивой метафорой. А это вовсе не метафора, а точное термодинамическое описание феномена культуры. Отошлю его хотя бы к Шредингеру, к Шеннону. Как-то неудобно даже писать об этом. Или, может быть, смущает язык описания? Но мне всегда казалось странным, почему в применении к человеку непременно должен использоваться только метафорический неоднозначный язык,* а не точное математическое описание, если оно в том или ином случае возможно?

Немного об идеях страха, покорности и корысти в христианстве, о которых столь много пишут все корреспонденты, и особенно юная знакомая Сергея Алексеевича. Мне понятно, что они хотят сказать, понятен и пафос цитируемой статьи Аверинцева, которую я хорошо знаю и в свое время с интересом прочел. Но боюсь, что у моих оппонентов речь идет не о реальном историческом христианстве, а о чем-то таком, чем они хотели бы его видеть. В реальном же историческом христианстве, увы, за немногими исключениями подвижников, страх — это страх, корысть — это корысть, покорность — это покорность. И не надо вовсе уж винить не понявший его народ. «Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служа им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь Бога» (Колосс. гл. 3, ст. 22). Как могло быть слово Божие сформулировано столь двусмысленно? (двусмысленно ли?).

Возражая против толкования Сергеем Алексеевичем некоторых мест Библии в переносном смысле, я вовсе не хочу обви-

* См. «Природа» № 8, 1974. А. А. Яценко-Хмелевский. «Предначертана ли эволюция?»

нить его в нечестивости. Я хочу лишь напомнить, что в течение тысячелетий все это воспринималось в буквальном смысле (да и сейчас: это единоверцы Сергея Алексеевича упрекают его в нечестивости, а вовсе не я). В течение тысячелетий не было рядом разъясняющего, что все это лишь форма, лишь способ выражения каких-то иных истин!

Сколько вреда это принесло, да и принесет еще!

Не могу не заметить также, что не понимаю утверждения Сергея Алексеевича, что Божественное откровение непременно должно было быть понято разными людьми по-разному. Ведь речь идет об откровении, непосредственно, внечувственно (!) вложенном в душу человека!* Если и оно воспринято с искажениями, то чем же тогда оно отличается от обычного человеческого познания вообще?

Одно место в письме знакомой Сергея Алексеевича мне вообще непонятно. Речь идет о том, что в христианстве-де покорность базируется на чувстве вины, основа которого — первородный грех. Я этого не понимаю. Чувство вины мне хорошо знакомо лично. Но это всегда вина индивидуальная, конкретная. Лично я свою вину ощущаю как неискупляемую, требующую непрерывного соотношения с нею всех своих поступков, до самой смерти. Мне понятно такое чувство и у многих знакомых и друзей: это может быть оппенгеймеровский комплекс, комплекс бездействия, но каждый раз это весьма лично. Но первородный, библейский грех — это ведь что-то совсем иное, и я не могу воспринять его иначе как нечто дикое и несправедливое.* Я хотел бы, чтобы мне это разъяснили. Боюсь, впрочем, что от меня просто отмахнутся, как это было в случае с апостолом Петром (а я этого искренне не понимаю!).

Высказывание уважаемого мною друга Сергея Алексеевича о том, что весь комплекс понятий о добре и зле вырос из христианства, представляется мне явным преувеличением и искажением истины.

Я не говорю уж о том, что история духовных исканий Ганди изображена им едва ли верно. Важнее обратить внимание на всю историю индуистской и буддийской культур в целом, начиная с сокрушенного сердца Ашоки (слова Г. Померанца) до наших дней... Аналогичное стремление (неосознанное, конечно) исказить историческую перспективу содержится и в высказывании другого моего оппонента о том, что наблюдается развитие христианской традиции и распад иудаизма (?!). Утверждать это сейчас — значит закрывать глаза на общеизвестное, включая феномен Израиля.

Вот, пожалуй, главное, что я хотел бы сказать по письмам Сергея Алексеевича и его друзей, хотя и не всё. В этой же связи не могу

не вспомнить последнего письма Володи К. со стихотворением Шарля Пэги «Свобода». Оно привело меня в полный восторг. Если бы существовала какая-либо концепция веры, которая могла бы привлечь меня, то именно та, которая изложена у Пэги (я уж тут не говорю о высокой поэтичности самого стихотворения). Просто прекрасно! Большое спасибо Володе за него. Его просто не грех бы прочесть и некоторым из друзей Сергея Алексеевича.

Что касается письма Гриши* на религиозную тему, то в сущности я с ним согласен. А в тех местах, где не согласен, Гриша и сам это чувствует и оговаривается. «Ты со мною, видимо, не согласишься». Так дело обстоит, в частности, с тем местом его письма, где высказываются сомнения в честности спора со стороны оппонентов. Этого не следовало делать даже «в сослагательном наклонении».

.....

Апрель 1975

(Владимирская тюрьма)

Г. С. Подьяпольский.

* Г. С. Подьяпольского.

Г. С. Подъяпольский — К. А. Любарскому

.....

Перехожу к религиозной теме. Большая тема, потому: поветрие. Потому что и тут, по сю сторону, все более стараешься скрывать свое предположение, что человек произошел от обезьяны: насмех подымут и авторитетами засыплот, так что давай Бог ноги. Я уж предпочитаю отшучиваться: нет, мол, еще не произошел.

...Твоим соглашательским сопоставлением между ихней и твоей верой возмущился до глубины души. Тут ты, по-моему, играешь словами, затушевываешь кардинальную разницу в понятиях, внешне объединенных одним словом в нашем несовершенном, исторически сложившемся языке. Да, конечно, мы верим во множество вещей просто потому, что ставить всегда и во всем под сомнение весь коллективный опыт, накопленный человечеством, было бы физически невозможно и практически нецелесообразно. Но — и в этом отличие нашей веры от веры верующего — любую из этих вещей мы допускаем в принципе могущей быть подвергнутой сомнению, а иногда, в случае необходимости, и реализуем такую возможность. Мы верим во многие вещи потому, что развитие нашего коллективного опыта (включая не только накопленные знания, но и изощренность мышления) не открыло еще возможных альтернатив нашему сложившемуся пониманию. Но даже не догадываясь о возможности такой коллизии в некоторых конкретных случаях, мы в принципе допускаем все-таки ее возможность. Мы легко склонны к вере на малом основании о вещах, лежащих вне поля наших главных интересов, но такую веру вряд ли была нужда и упоминать, так как от такой веры мы столь же легко можем в любой момент отречься. Мы верим в некоторые вещи и волюнтаристски, потому что нам так хочется — но даже и в этом случае мы с тобой вероятно все же ощущаем условность своей веры. Словом, наша вера всегда допускает, пусть на стомиллионную долю, сомнение — микроскопические дозы порой и бывают самыми действенными.

И тут я беру назад свою хулу на наш язык: да, действительно,

он не сделал различия в существительном, но очень тонко отразил его в глаголе: мы верим, а они веруют.* А это и есть различие, И непроходимое, между психологическими типами верующего и неверующего — а можно накрутить и по сильнее: уровнями сознания, эпохами культуры, биологическими разновидностями, и уж завреть, человека от обезьяны.

Ты сам — и очень тонко — подметил, что диалога с верующими у тебя почему-то не получается: они произносят только монологи. И хочешь ты или нет, но сам собой возникает еще один критерий отличия человека от обезьяны: человек есть существо, способное на диалог.

Мне кажется, что в утопической надежде на диалог ты сознательно или бессознательно делаешь верующим некоторые неоправданные поблажки. В частности, подразумеваю здесь твое сопоставление фальшивой сторублевки и полноценного пятака. Скажи по совести, не для верующих, ты вправду считаешь, что дело тут в одной фальшивости, а будь полноценной, так она так-таки и была бы именно сторублевкой? Что вера в Бога так духовно глубока и этически высока, что для тебя существенным является одна только фактология недоказанности бытия Божия? Позволь мне все же усомниться в сем пункте. А если я, по-твоему, неправ, то растолкуй мне все же на нашем с тобой человеческом языке, не прибегая к заклинаниям, в чем именно ты тут видишь особенную высоту и глубину? Не поддался ли ты на ихнюю самоатгестацию: мы-де одни даем людям духовные ценности, а вы-де, атеисты, ничего дать не можете. Но ведь и сторонники других учений тоже аттестуют себя неплохо — чем, кстати, их сходство, как ты и сам неизбежно заметил, далеко не исчерпывается (та же, например, неспособность на диалог).

Раз уж ты цитировал Маяковского, то приведу и я его гениальное четверостишие:

Я знал рабочего. Он был безграмотный.
Не разжевал даже азбуки соль.
Но он слышал, как говорил Ленин —
И он знал всё.

Написано, очевидно, с полной верой (не буду здесь уточнять в каком из ее смыслов), этим оно и замечательно как историческое свидетельство. Конечно, твоего религиозного оппонента оно здорово покоробит — но чем? А тем, что человеку Ленину приписано то, что приписать можно только Богу Христу. Саму же алгебраическую формулу, даже и со всезнанием, он примет, не поморщившись. Всезнание, конечно, в обоих случаях не будем принимать буквально, *знать все* подразумевает очевидную оговорку: все, что следует знать.

Так что примечательна тут не чудодейственность всезнания, а ограниченность нужды в знаниях — которое и позволяет всезнанию столь легко ужиться с безграмотностью. Но такая уживчивость давно получила научное наименование: религиозный обскурантизм.

И не является ли та высота и глубина веры в Бога, которую иногда ей приписываем и мы, неверующие, именно этой высотой и глубиной безграмотного всезнания, дающей столь дешево: послушал и все понял, уверовал — и прозрел, пришел Христос — и спас всех нас...

Мне кажется, в твоём диалоге с верующими есть элемент — опять же не знаю, сознательный или бессознательный — ну, скажем, снисхождения к их всезнающей безграмотности. Так воспринял я, например, твой образ плоскости с заштрихованными и незаштрихованными участками. Плоскости потому, что у постигшего бытие Божие высшей степени абстрактного представления, чем плоскости, ты не предполагаешь. Конечно, вопрос о наглядных представлениях абстрактных вещей сам по себе очень интересен, но для меня: почему плоскость как двумерный объект? Я скорее ощущаю область в пространстве с неведомым числом измерений. Почему плоскость, как метризованный объект? Я тут не ощущаю метрики, а если она и есть, то чрезвычайно сложна. История науки знает немало примеров, когда оставшиеся в глубоком тылу крохотные белые пятнышки оказывались необозримыми пространствами, охватывающими чуть ли не всю заштрихованную область — как это совмещается с твоим обзором плоскости? Конечно, образ — это неизбежная схематизация, требовать от него пригодности на все случаи жизни не совсем правомочно, и пределы схематизации субъективны и произвольны. И все же мне кажется, что примитивная плоскость — более образ твоих оппонентов, чем твой, или, точнее, твоё подлаживание твоего более сложного образа под предполагаемое тобой более примитивное восприятие твоих оппонентов. Это — педагогика, и вопрос — удачная ли? Мир всегда и без того плосок, а примитивному монологичному уму свойственно прежде всего находить подтверждение именно тому, во что он и так уже верит.

И здесь мы подходим к этически сложному вопросу, по которому своими мнениями уже обменялись — о честности веры. И тут я все же не согласен с твоим его безоговорочным решением. Мне кажется, что любое табу, наложенное на сомнение, неизбежно порождает вокруг себя некоторую сферу интеллектуальной бесчестности.* О внешних табу ввиду очевидности говорить не будем: тут прямо порождается ложь. Но так ли уж в этом отношении безупречны табу, порождаемые самой искренней верой? Полностью я в этом не убежден, а это и означает, что подозрение в бесчестно-

сти все же оставляю. Вероятно, честность имеет разные градации и разные смыслы, и примитивной, субъективной честности может оказаться недостаточно для честности более высокой, по более жестким критериям. Разве нельзя честно, с полной искренностью, обманывать самого себя? И вновь возвращаясь к человеку и обезьяне, вполне ли честна примитивная животная честность, просто не знающая более тонких человеческих критериев, и, естественно, их игнорирующая?

В своем прекрасном примере с гостиницей ты сам показал презумпцию в религиозной вере примитивного прагматизма. А честен ли вообще прагматизм? И вот в скобку шальная мысль: а не связан ли с комплексом неполной честности присущий религиям (по крайней мере обеим, нам известным) тезис об исконной греховности человека?

Возможно, конечно, наше различное отношение к вопросу о честности связано просто с тем, что ты — более хороший человек, чем я, и тебе больше не хочется заподозрить в нечестности хороших людей. И твое возражение более от тезиса: не думай ни о ком плохо, чем от тезиса: исследуй вещи, каковы они есть.

А я что-то хороших верующих людей все более начинаю побаиваться. Хорошему человеку как-то проще при благоприятных условиях превратиться в плохого, чем примитивному догматическому сознанию развиваться в критическое или обезьяне эволюционировать в человека. Для этого не требуется миллиона лет или смены культурных эпох. Да и массовость религии не обеспечивает их созидания и утверждения одними только ангелами с крылышками.

А вот твое рассуждение об истоках морали мне неожиданно не понравилось с совсем другой стороны: своей чересчур уж явной материалистичностью и биологичностью. Неожиданно потому, что упрощенный материализм я всегда был склонен подозревать в себе более, чем в тебе. Возможно, конечно, что ты и тут, как в случае с плоскостью и по тем же причинам, нарочно пошел на педагогическое упрощение. Но, думаю, именно здесь такая педагогика особенно неудачна. Тут ты применяешь ее на ниве, разработанной как раз твоими оппонентами если отчасти и односторонне, то все же достаточно глубоко и изощренно. За одну только твою связь человеческой этики с выживанием вида, боюсь, твои оппоненты тебя, ух, как высекут, если возьмутся, и заслуженно при том. Ибо как ни прост сидящий на престоле Бог, все-таки связан он с человеческой этикой даже и исторически как-то ближе и сложнее, чем утилитарный биологический прагматизм. Конечно, у человеческой этики есть и биологические истоки, и в плане исторического генезиса проследить их само по себе интересно. Но, думаю, более

само по себе, чем для понимания феномена человеческой этики в ее современной сформированной сути. Слишком сложным был этот генезис, слишком большим — влияние разнообразных, выходящих за пределы биологии, фактов, да и просто: так ли уж много знаем мы о своем прошлом, чтобы экскурсии в него могли иметь серьезное значение для понимания все же более непосредственно данного настоящего? Да и многие функционирующие структуры относительно безразличны к своему фактическому генезису, определяясь в первую очередь требованиями своей теперешней функции.

То, что я сейчас сказал, вероятно, включает невольную ссылку на одну из лучших книг, вышедших у нас за последние годы: «Апологию истории» Марка Блока. Более узко — на то место, где он критикует традиционное понимание причинности в исторической науке: такое-де событие было следствием того-то и того-то. В действительности, кроме нескольких бросающихся в глаза непосредственно действующих причин, мы всегда имеем дело с массой обычно игнорируемых факторов, более пассивных, но являющихся необходимыми условиями того, чтобы событие могло произойти. Непосредственно же действующие активные причины включены в сложную цепь причинных зависимостей, и выбор в этой цепи тех или иных звеньев как непосредственных причин данного события в сущности произволен. Конечно, в любом конкретном историческом исследовании выборка неизбежна, и дело вовсе не в том, чтобы полностью выбросить за борт традиционный метод, а в том, чтобы понимать условность выборки и не догматизировать выбранные причины.

.....
9. 5. 75

К. А. Любарский — Г. С. Подъяпольскому

Из письма жене:

...Тема действительно болезненная. Я тоже замечаю некий крен в сторону христианства и меня это огорчает. Лишь у немногих этот крен не вызывает неприятных побочных явлений. Правда, в их числе такие люди, как Сергей Алексеевич, само существование которых является самым сильным доводом за христианство! Но как мало таких прекрасных людей, они буквально тонут в весьма мрачной массе. И будучи действительно хорошими людьми, они и о других судят по себе и не могут заметить дурного...

А происхождение человека от обезьяны, действительно, за последнее время такому гонению подвергается! Кошмар! Пидльтаунской челюстью палеонтологов прямо-таки как Самсон филистимлян поражают: «вот, мол, какие ученые жулики!» Любое изменение взглядов под воздействием новых находок воспринимается как свидетельство безудержного релятивизма... А уж насмешек-то действительно не оберешься. Но насмешки — дело дешевое. Все они давно уничтожены знаменитым высказыванием относительно «шматины глины», которая «не знатней орангутанга».

Ну, Бог с ними, с гонителями обезьяны. По моим наблюдениям, это обычно—следствие простой неосведомленности. Тут прежде чем спорить, надо сначала просто порекомендовать хороший список литературы — и специальной, и популярной. Перейдем к более абстрактным материям.

По-моему, Гриша напрасно возмущается моим сопоставлением нашей (т.е. неверующих людей) и религиозной веры. Сопоставляя их, я вовсе не занимался никаким соглашательством, а просто объективно констатировал тот несомненный факт, что в модели Мира, выстраиваемой для себя любым человеком (подчеркиваю, любым!) есть элементы объективно недоказуемые, не являющиеся точным знанием. Другой вопрос, что у человека с научным складом мышления объект веры подвижен, подвержен изменениям под влиянием критики фактами — это верно, и я сам об этом писал, когда сопоставлял монолог и диалог. Но в любой выбранный момент, при лю-

бом конкретном действии, соотнесенном с индивидуальной моделью Мира, элемент веры присутствует. И нечем тут возмущаться. То, о чем пишет Гриша, если перевести на язык моего геометрического образа — плоскости с заштрихованной и незаштрихованной областями — означает лишь то, что у человека с научным складом мышления сектор веры очень узок и положение его непрерывно меняется: как узкий луч фонарика, рыскающий по разным участкам незаштрихованной части плоскости.

А различие, подмеченное Гришей, абсолютно справедливо. Ввиду того, что я и сам уже писал об этом, останавливаться подробнее не буду — просто соглашусь с Гришей. Но это все-таки иная грань вопроса.

Вообще, должен заметить, что очень многое из Гришиных возражений — от недостаточно внимательного прочтения моего письма. Это — один пример, будут и другие.

О сопоставлении фальшивой сторублевки и полновесного пятাকা. Опять-таки под сторублевкой имелась в виду отнюдь не вся вера, как таковая. Речь шла о конкретном: о религиозном и материалистическом ответах на вопрос о смысле жизни человеческой, о перспективах, открывающихся перед человеком по ту сторону земного существования. Да, я вполне определенно (а вовсе не для верующих только) заявляю: перспектива личного бессмертия (духовного) каждого человека для меня безусловно более привлекательна, чем отсутствие такового. Психологические причины этого довольно ясны и именно они не раз привлекали в религию весьма скептически настроенных людей (я уже напоминал пример дюгаровского Жана Баруа). Личное бессмертие не исключает иных целей человеческого существования, а лишь неизмеримо дополняет их. Осуществление земных целей становится лишь (необходимым!) этапом дальнейшего развертывания потенций человеческого духа в иных сферах. В этом вопросе (подчеркиваю, только в этом) религия дает более привлекательный ответ. (Я, разумеется, отдаю себе отчет, что этот ответ тесно связан и с ответами на все иные вопросы, где положение отнюдь не так благополучно, но сейчас я абстрагируюсь от этого).

Гриша просил растолковать ему на нашем с ним человеческом языке, не прибегая к заклинаниям. Так вот: хотелось ли бы нам не расставаться никогда с нашими близкими? Достаточно этого просто и ясного вопроса. Более человечески ответить не могу.

Но — нет этого. Сторублевка оказывается фальшивой. Надежды и обещания — несбыточными. Вот собственно и все. Никаких никому поблажек я не делаю.

Что же касается всего написанного Гришей относительно мни-

мого религиозного всезнания и ограниченности нужды в знаниях, то под всем этим подписываюсь обеими руками. Но это опять же другой аспект проблемы, которого я в данном случае не касался.

Геометрический образ плоскости, использованный в моем письме, разумеется же, только образ, взятый ради зрительной наглядности. Это не попытка построения рабочей модели человеческого сознания. Конечно, если бы такая модель была построена (в принципе, я думаю, это возможно, но едва ли в обозримом будущем), то речь могла бы идти лишь о многомерном пространстве с бесчисленным множеством сингулярностей, возможно, с выходами в иные пространства («черные» или «белые» дыры) и тому подобной экзотикой.

Мне же в данном случае важно лишь наглядно показать двойственный характер человеческой модели мира: «точное знание + миф», и выявить некоторые простейшие свойства этой структуры, проявляющиеся равно при любом числе измерений. Никаких намеков на плоскость мышления в переносном смысле слова я делать не хотел. Ругаться вообще не лучший аргумент. Я хотел бы избежать этого, ибо, к моему глубокому сожалению, ругань до сих пор остается одним из важнейших инструментов атеистической пропаганды («поповствующие мракобесы» и т. д.). Мне бы хотелось нарушить эту позорную традицию. Ибо сказано — Юпитер, ты сердисься, значит, ты неправ. Ругаться — ведь это так дешево...

Действительно все это очень тесно связано с уже затрагиваемым вопросом о честности. Я вновь и вновь возражаю, притом весьма категорически, против подобных подозрений в отношении оппонентов. В конце концов, язык — это средство общения и желательно пользоваться словами в общепонятном смысле (насколько это возможно). Честность — понятие, по существу своему относящееся к субъективным намерениям человека. Именно в этом своем качестве честность, высокая и низкая, во всех своих степенях, безусловно, присуща нашим оппонентам. Об этом даже писать как-то неудобно! Разве можно было бы спорить с нечестными людьми?

А для неких внутренних запретов (пользуясь тем же Гришиным выражением: не потому, что зловредно не хотят, а потому, что физически не могут!) — надо подобрать какой-то иной термин, не вводящий в оскорбительное заблуждение.

Так что мое возражение не от тезиса: «не думай ни о ком плохо». Оно от тезиса: «осторожно пользуйся таким обоюдоострым инструментом, как слово».

Высказанная же Гришей в этом месте мысль, что тезис об исконной греховности человека присущ не только христианству, но и иным религиям, мне представляется очень свежей и плодотворной.*

Вообще задача параллельного последования внутренней структуры различных вероучений очень интересна и малоразработана, но здесь, к сожалению, не время и не место этим заниматься. ‡

Хочу сразу же сделать небольшое отступление от логики Гришиного письма и коснуться тезиса, высказанного Юрой Шихановичем, что ему, в отличие от меня, мир христианина представляется «смешным и нелепым». Уточнение, что надо говорить не о мире христианина в данном случае, а о впечатлении атеиста о нем — отнюдь не лишне. Разница существенная. Единица измерения должна быть адекватна измеряемому объекту. Системы ценностей оцениваемого и оценивающего должны совпадать (сказано: «художника следует судить по законам, им самим для себя созданным»).

Ибо назвать мир христианина смешным и нелепым можно лишь при крайней беспечности к фактам. Система духовных ценностей христианства породила (не считая самой Библии) «Божественную комедию» Данте, «Страшный суд» Микельанджело, Баха и Генделя, Эль-Греко и Кранаха... список бесконечен. Этот ли духовный мир смешон? Он страшен, если на то пошло (вопрос: достоинство ли это, но это иной вопрос).

И тут меня неожиданно остановила мысль — почему весь список духовных взлетов христианского мировоззрения весь составлен из католических или протестантских примеров. Покопавшись в памяти, я так и не смог найти ничего, хоть отдаленно приближающегося к этому в культуре «православного региона» (русского преимущественно). Вся русская культура — великая русская культура! — в сущности безрелигиозна (не анти-, а именно без-). Вот вопрос — почему? Я как-то сразу и не найду ответа...

Может быть прав Белинский в знаменитом письме к Гоголю, говоря об исконном неверии русского мужика? Может быть глубоко замечание Сергея Алексеевича, что мужицкая религиозность не случайно столь быстро перешла к крайнему атеизму? Не знаю...

Но вернемся к Грише. Вот уж поразил он меня своим неприятным моих рассуждений о биологических истоках этики! В данном случае речь идет не о педагогическом приеме, а о принципиально важном тезисе. Рассматривается вопрос — может ли возникнуть у человека этика, этика самопожертвования, в частности, если оставаться последовательно на материалистических позициях? Я постарался по-

‡ *Примечание 1977 года: оглядка на тюремного цензора и здесь не позволила расшифровать «иные» религии, каковыми с моей точки зрения являются и тоталитарные идеологии, включая «научный» коммунизм.*

казать, что не только может, но даже должна возникнуть, причем никакого Божественного вмешательства тут не требуется.

Гришины замечания, что к одной лишь биологии дело не сводится, справедливы, разумеется, но их можно было бы прочесть и в моем письме. Я, как мне кажется, достаточно ясно подчеркнул, что биологически закладывается лишь фундамент этики, некая предрасположенность к совершению поступков того или иного типа. Далее уже начинают работать социальные факторы: биологическая предрасположенность может подавляться временно или развиваться, целый ряд слоев морально-этического комплекса (менее глубоких) рождается позднее и с биологией не связан... Не буду повторяться, просто отошлю к письму. Может быть, я написал об этом недостаточно подробно, но моей целью не было создать монографию по генезису морали, а ответить на один, но достаточно важный вопрос, сформулированный выше.

Ситуация здесь вполне аналогична вопросу о происхождении феномена любви. Ханжи могут мне говорить все что угодно, но я без обиняков заявлю, что в глубочайшей основе ее лежит разделение человечества на два пола и стремление к продолжению рода. Если кто-либо будет мне объяснять, что у человека-де, в отличие от животных, любовь к этому не сводится, что кроме того, любовь включает в себя огромное количество самых разных эстетических, этических, экономических и иных факторов, то я с ним даже спорить не буду. Если человек считает меня за идиота и думает, что я таких элементарных вещей не понимаю, так тут уж говорить поздно. Все это верно, не сводится, включает, более того, может быть в современном феномене любви физиология вообще занимает самое скромное место. Верно, что лишенная этических, эстетических и иных ценностей любовь превращается лишь в карикатуру на нее. Но... лишенная этого маленького, ничтожного уголка, любовь превращается не в карикатуру даже, а просто в нуль, исчезает, перестает существовать, как явление.

(Я искренне надеюсь, что никому не придет в голову «опровергать» этот тезис примерами конкретных пар, где была любовь, но не было физиологии. Думаю ясно, почему это не контрдовод. Если же кто еще сомневается в верности тезиса, пусть себе представит однополое общество. Есть еще правда, изящно выражаясь, «феномен Марселя Пруста». Но обо всем этом можно говорить лишь преломляя истину через призму эстетизма. Реальные наблюдения быстро отбивают охоту кокетничать с этой темой).

Точно так же обстоит дело и с этикой. Лишите этику ее биологической основы — и ничего не останется! Нельзя человеку навязать то, что не в природе его. «Гони природу в дверь, она влетит в окно».

Прочитую (немного длинновато) уже упомянутого мною Ганса Селье:

«К сожалению, почти все существующие философские концепции, существующие кодексы поведения страдают... недостатком: они вообще не учитывают биологических законов. В основе христианской нравственной концепции лежит известная всем заповедь: «возлюби ближнего, как самого себя». Кажется, что это очень хорошая, привлекательная основа поведения. Почему же за 2000 лет эта заповедь так и не была реализована? Да потому, что она противоречит законам Природы, ее невозможно осуществить... Однако, из того факта, что человек не может любить ближнего как самого себя, вовсе не следует, что он должен действовать обязательно против этих ближних... Инстинкт самосохранения не находится в противоречии с другим естественным побуждением — стремлением к альтруизму, желанием помочь другому существу. Напротив, альтруизм можно рассматривать как форму коллективного себялюбия, который повышает жизнеспособность каждого организма... Я не способен выполнять заповедь «возлюби ближнего, как самого себя». Нельзя любить по приказу... Однако, если сказать: «заслужи любовь ближнего своего» — это будет в русле того, что заложено в природе каждого человека, будет естественно и исполнимо. Это и будет основной заповедью той концепции, которую я называю «эгоистическим альтруизмом»... Средства для завоевания «любви» — это добрая воля, уважение, полезность, труд, создание материальных и духовных ценностей, нужных людям, обществу. Такое стремление делает жизнь устойчивой, защищает человека от стрессов».

Вот, собственно, все, что я хотел сказать в этой связи. Странно, что Гриша этого не понял и счел нужным мне объяснять, что этика — это не только биология...

Ну, что касается Гришиного прогноза, что за связь этики с выживанием вида меня верующие заслуженно высекут, то — посмотрим! Я ведь колобок —

Я от бабки ушел,
Я от дедки ушел...

Конечно, я надеюсь, что верующие прочтут мое письмо более внимательно, чем это сделал Гриша.

.....

2. 6. 75

(Владимирская тюрьма)

Г. С. Подъяпольский — К. А. Любарскому

.....

Ты упрекаешь меня, что невнимательно читаю твои письма. Тут уж пойми наши конкретные обстоятельства: письма твоего перед собой, отвечая, не имею, отвечаю как запомнилось с одного прочтения, и, конечно, мог не запомнить некоторые детали и контексты. Впрочем, все мы грешим часто тем, что отвечаем на собственные мысли больше, чем на мысли нашего собеседника, и если ты полагаешь, что свободен от этого греха, то заблуждаешься глубочайшим образом. Возможно, и я заблуждаюсь, но мне кажется, что я здесь даже более аккуратен, чем ты, и меньше пропускаю твоих доводов, чем ты моих. Впрочем, если действительно так, может быть оттого, что пишу я тебе лично в большей степени, чем ты лично мне. Но перейдем к конкретным примерам. Отвечая тебе по вопросу о биологических истоках морали, я, видимо, действительно несколько оторвался от твоего контекста, то есть отчасти забыл, что цель твоего экскурса была показать верующим, что мораль может быть объяснена на основе гипотезы об происхождении человека от обезьяны, и не требует непреложного объяснения сотворением по Божьему образу и подобию. Так как лично мне такой упор не очень нужен, и по той же причине самый такой контекст не очень привлек мое внимание при однократном прочтении, я и ответил на него из несколько иной презумпции, то есть из очевидной презумпции у морали и биологических истоков, и крен в сторону биологии показался мне излишним и чрезмерным. Это и вызвало у меня (видимо, неправильно) впечатление, что биологическим истокам морали ты вообще придаешь преувеличенное значение. Поэтому мой ответ и был на другую тему, то есть о фактическом значении биологических истоков для человеческой морали (по-моему все-таки не слишком большим). Но вот от этой темы ты легко отмахнулся, сославшись на то, что отличие человеческой морали от биологической тривиально, так что говорить на эту тему вроде и вообще не стоило. И сравнение с любовью в пояснение привел.

Но ведь биологический генезис, во всяком случае для нас с тобой, тоже тривиален, и наш с тобой разговор, видимо, должен заключаться не в указании на взаимные тривиальности, а в разъяс-

нении, почему ты упираешь в этой теме на одну тривиальность, а я на другую. И вот, говоря по чести, хотя я сам дал уже выше объяснение твоему упору на биологическую тривиальность, я не вполне уверен в этом объяснении, и подозрение в твоей упрощенной биологизации не совсем сбросил со счетов. Под классификацией «тривиально» не скрывается ли примерно: «ну да, конечно, есть, но не имеет большого значения»? Грубый тезис в моем письме (то есть о тривиальном наличии трансформации от биологии к социологии) ты увидел, а вот более тонкий об относительной независимости функционирующей структуры от генезиса игнорировал вовсе — для меня же центр моего возражения был именно в нем. Констатируя остающееся у меня ощущение взаимного недоумения, оставляю эту тему... Нет, не оставляю, еще одно: твое сравнение с любовью остроумно, но убедительно ли? А что, если мораль дальше отошла от своих биологических истоков, чем любовь? Наука, например, тоже имеет, надо думать, биологические истоки. И что современные научные представления отличаются несколько от этих истоков — очевидная тривиальность. Снимает ли это и исчерпывает ли это, думаю, не столь уж простой вопрос — скажем, вообще в соотношении биологического с надбиологическим в современном сознании? И даже в специфически научном сознании (если таковое существует. Впрочем, выделить и определить можно все что угодно)?

Другое наше взаимонепонимание возникло около пятака и сторублевки. Каюсь, эту коммерческую метафору, отвечая тебе, воспринял в смысле моральной высоты, в каковом ее и трактовал в своем ответе. Из твоего разъяснения понял теперь, что дело шло не о моральной высоте, а просто о привлекательности. Тогда, конечно, все что я об этом написал, повисает в воздухе. Но неужели, что я понимал именно моральную высоту, из моего ответа настолько неясно, что этого можно было не заметить? Впрочем, не имея под рукой твоего первоначального текста, не могу сейчас сказать с уверенностью, действительно ли это мое невнимание, или он-таки оставлял возможность обоих толкований, из которых я выхватил произвольно показавшееся мне более подходящим и уверился в нем без должного основания.

18. 6. 75

(Ответ К. А. Любарского на это письмо был получен, но письмо пропало вместе с другими документами во время ограбления его жены. Копии письма не осталось).

К. А. Любарский — свящ. С. А. Желудкову

Из письма жене:

.....

А пока мне хотелось бы задать Сергею Алексеевичу один не-
большой вопрос, на который желательно бы получить ответ именно
от него. Может быть, ты это сделаешь от моего имени?

Мы в наших с ним спорах до сих пор не касались так называе-
мой естественнонаучной критики религии — ввиду заезженности
этой темы присяжными атеистами. Однако, это не значит, что про-
блемы тут нет.

Мне важен сейчас один, основной вопрос. Я знаю весьма совре-
менный подход Сергея Алексеевича к библейским текстам, знаю,
что он многое рассматривает как иносказание, адресованное людям
того времени, с их интеллектуальным и нравственным уровнем. Но
не со всем можно разделаться таким образом.

Этот основной вопрос связан с утверждением Сергея Алексеевича
и его друзей о душе, о Богоданной совести, говорящей из таинствен-
ных глубин и т. д. То есть утверждается, что человек наделен чем-то
таким, что резко, принципиально отличает его от животного царст-
ва. Душа не могла возникнуть постепенно. Она должна быть дана,
то есть до какого-то момента ее не было, а потом она появилась.

И если семь дней творения можно, осовременивая, рассматри-
вать как семь миллиардов лет или что-нибудь в этом роде, то возник-
новения человека и обезьяны от общих животных предков никак не-
льзя вычитать в библейских текстах. На какой стадии эволюции
животное была вложена душа? В палеолите? На уровне австралопи-
теков? Ясно, что в этом вопросе иносказательностью Библии не от-
говоришься, и верующему надо просто отрицать эволюционное воз-
никновение человека, что и делается обычно.

Так вот, какова точка зрения Сергея Алексеевича? И если и он
тоже принадлежит к отрицателям эволюции, то что он мне посовету-
ет сделать со всем тем, что я знаю по этому вопросу? С данными па-
леонтологической летописи? С эмбриогенетическими данными? С

биохимией, демонстрирующей четкое родство человека и его животных предков? С тысячей других фактов? Что же, перечеркнуть их, заставить себя забыть это все, хорошо мне известное? Совершить насилие над разумом?

Заранее предупреждаю, что предположение, что наука еще ошибается, что, возможно, будет показано, что все не так, что единодушия среди ученых нет, и т. п. — не проходит. Да, споры идут, но о деталях, механизме, сроках эволюционного процесса. Утверждать, что завтра вся наука перевернется и откажется от своих основных выводов, можно лишь тому, кто знаком с вопросом на уровне популярных статей. Нельзя на основании того, что где-то кто-то открыл ранее не известный остров, заявлять, что ничего-то географы не знают, и еще не известно, во Франции ли находится Париж. Речь идет не о факте, который может быть опровергнут, а о целой *системе* знаний, о совокупности самых различных наук.

Так вот, как же все-таки с этим быть? Насилие над разумом, как согласится Сергей Алексеевич, недопустимо. Просто упорно отрицать факты — это недостойная, не мужественная позиция закрытия глаз (тем хуже для фактов?). Совместить одно с другим — невозможно.

Что ответит на это Сергей Алексеевич?

.....
31. 10. 75

(Владимирская тюрьма)

Корреспондент 3. — К. А. Любарскому

†

Однажды я уже писал Вам и о. Сергию по поводу нашего обмена мыслями (кажется, одним из первых). Но не помню, достаточно ли ясно сказал Вам о том чувстве неловкости, которое вызывают у меня подобного рода дискуссии. Причины здесь две. Во-первых, создается впечатление, что друзья о. Сергия «пристают» к Вам со своими взглядами. И Вы сами отметили в этом стремление, пусть неосознанное, Вас убеждать. Вы же имеете свои воззрения, свои «верования», и ясно высказались, что не нуждаетесь ни в каких «дополнениях» к ним. Во-вторых, Вы пока не имеете доступа к соответствующей литературе. А что можно изложить в письмах? Только самые поверхностные контуры. Я уважаю любые взгляды, если человек стремится к добру и имеет общие нам всем этические принципы (хотя, откровенно признаюсь, считаю всех таких людей верующими в высший Смысл бытия, хотя бы на уровне подсознания). Поэтому мы все можем, каждый по-своему, трудиться для людей и даже ощущать некое единство. Это — то, что о. Сергей называет «церковью доброй воли». В силу этого споры меня привлекают мало. А в дискуссии я мало верю. Ведь для них нужна более широкая общая идейная платформа (кроме жизненной). Если же ее нет, неизбежна серия монологов, как Вы сами выразились.

Однако о. Сергей показал мне ваше письмо, где вы интересуетесь его взглядами на эволюцию, и попросил, чтобы я изложил мои взгляды.

Если Вам это любопытно и как-то развлечет Вас, я попробую это сделать покороче. То, что мое первое письмо к Вам, как я понял, вызвало у Вас желание продолжить беседу, может послужить мне оправданием. Итак, постараюсь писать предельно сжато.

1. Даже в науке признается огромная роль интуиции. Тем более важна она в художественном творчестве и в философии. Мы, христиане, убеждены, что и религиозное познание интуитивно по природе, хотя и оформляется разумом (не банальной логикой, а логикой

«диалектической»). Мы верим, что были особые взлеты духовного постижения, которые мы именуем Откровением. Оно зафиксировано в Библии. Вы сразу можете возразить: но ведь и в других писаниях люди находят его. Это справедливо. Но библейское Откровение — наиболее полное и ёмкое. Иудеи признают Ветхий Завет — и мы; мусульмане веруют во единого Бога и в особую миссию Иисуса — и мы. В Единого веруют конфуцианцы, даосы, индусы, буддисты, махаяны, маздеисты, сикхи и другие. И даже язычники усматривают позади пантеона некое Высшее Существо. Современные исследования буддизма-хинаяны показали, что и в нем есть понятие об Абсолюте (Нирвана). Все эти религии знают, что человек с Ним связан и что эта связь проявляется, в частности, через этику. Христианство включает в себя все основные положения мировых религий. Но в чем-то возвышается над ними (простите мне конфессиональную интонацию).

2. Когда мы говорим о Библии, мы не должны сравнить ее с наукой той или иной эпохи. Наука меняется, а Библия, не претендуя на естественно-научную картину космогенеза, говорит о вечном. Именно в силу этого язык ее — условный и символический. Подобно великому произведению искусства, которое восхищает людей во все века, она несет в себе непреходящее, облаченное в одеяния своей эпохи. Это не новая мысль. Еще во II и I веках до нашей эры люди считали, что Библия содержит больше глубины и смысла, чем это видно на поверхности (Кумранские комментаторы, Филон, талмудисты). А в IV веке н. э. Златоуст, комментируя книгу Бытия (рассказ о миротворении), отмечал, что автор его «употребил грубые речения приспособительно к немощи человеческой». Итак, для нас важна не форма, а *смысл*. Но этот смысл опять-таки нужно сравнивать прежде всего не с наукой, а — с общефилософскими идеями и религиозными космогониями. Все они исходили из мысли, что Вселенная не может быть изменена, что она либо статична, либо (что утверждалось чаще) вращается по кругу. Это циклическое мировоззрение присуще как Платону, так и вавилонским ученым, индийцам и Гераклиту. Этой общей картине циклического круговорота Библия противопоставила идею Истории, Становления, восхождения. Идея эта пронизывает все Писание и произвела настоящий переворот в сознании народов. То, что мир не кружится (это учение возродил Ницше), а идет по пути совершенствования, стало основой западной историософии. Это отразилось и на концепциях науки, прогресса и пр. Однако, Библия почти все свое внимание сосредоточила на истории, а не на природе. А естествознание христиане заимствовали от греков, которые (даже такие как Аристотель) не знали идеи развития. В Средние века говорили о грядущем Царстве Божиим, о трех фазах истории: Отца, Сына и Духа, но Космос все еще мыслили на эллинский

манер. Освободиться от гипноза античной науки (ведь ее конкретные достижения потрясли молодую Европу) не могли очень долго. Отсюда и конфликты, вызванные борьбой гео- и гелиоцентризма (геоцентризм считался просто доказанной античной теорией). Но в конце концов европейская культура неизбежно пришла к идее эволюции, которая вошла (вернее, вернулась) в христианское сознание. В XVIII веке ее утверждал Ламарк, сочетая ее с идеей Бога. Дарвин же, хотя и был агностиком, отрицал, что эволюция может войти в конфликт с религией. В том же веке, что и Дарвин, христианское обоснование эволюции дал выдающийся христианский мыслитель Вл. Соловьев, а в XX веке — такие христианские ученые, как Васман, Обермайер, Шовен, Леконт де Ньюи, Тейяр де Шарден и другие. Это был возврат к Библии. Ибо эволюция — это не просто «трансформизм», а поступательное движение космоса к более высоким уровням. Каковы же конкретные формы этого движения? Откровение ее не объясняет, ибо оно оставляет простор разуму исследовать мир и его законы. Но если наука изучает вопрос «как», то вера отвечает на вопрос «зачем», она открывает во Вселенной и в бытии каждого из нас смысл и значение. Поэтому Эйнштейн считал веру предпосылкой научной работы. «Знать, что существует Реальность, которая открывается как высшая мудрость и блистающая красота — это знание и это ощущение есть ядро подлинной религиозности». Он говорил, что его религия — «преклонение перед космическим Интеллектом». Отсюда понятна мысль М. Планка, что «религия и наука дополняют друг друга». Тейяр отмечает у Христианства и науки три общих пункта: веру в прогресс, веру в единство, веру в значение личности. «Религия и наука, — говорил он, — это две неразрывно связанные стороны или фазы одного и того же полного акта познания, — который только один смог бы охватить прошлое и будущее эволюции, чтобы их рассмотреть, измерить и завершить».

3. Библейские «шесть дней творения» содержат принципиальную модель поступательного движения, а Грядущий Мир, которым завершается Библия, означает переход космогенеза на новую, качественно иную ступень.

Однако, часто забывают, что Библия не рассматривает это движение вверх как путь плавный и однолинейный. Для нее и история не есть либо прогресс, либо упадок, но двуединый процесс, в котором совершается противоборство двух полярных начал. Для обозначения сил, тормозящих космогенез, Библия использует древний символ чудовища-Хаоса (Левиафана). Он восстает против Творца, но во имя принципа свободы он не укрощен полностью, а имеет свободу действия. Только в конце этого безмерно огромного отрезка Становления он будет сражен. Образ чудовища в древних космогониях оз-

начал хаос, беспорядок. Отсюда мы можем сказать, что история миротворения протекает на фоне борьбы Логоса и Хаоса. В плане физическом это тоже можно понять (организация и структура против деградации и энтропийных процессов). Распад в материи влечет за собой смерть. Но новый творческий акт (жизнь) осуществляет победу над смертью. Возникла ли жизнь из неорганического или это было непосредственное вторжение высшей Информации в природу — не имеет принципиального значения. Библия в частности говорит о «воде» и «земле», которые «производят» живые существа... Но победа жизни частичная. Сама она с момента ее возникновения не угасает, но индивиды, «листья древа жизни» — погибают. Следующая фаза — человек, который передает жизнь и мысль уже не только в генетическом коде, а на уровне ноосферы, особого измерения, которое создает культуру (здесь интересны идеи Вернадского). В человеке есть сознание, т. е. то, что отсутствовало на предыдущих ступенях космогенеза и вообще не присуще природе: личность, индивидуальный разум, самосознание. Вл. Соловьев показал, что для того, чтобы биологическое существо смогло стать носителем ядра иного измерения, нежели материя, в нем должен был сформироваться соответствующий чувствительный аппарат. Поэтому антропогенез лишь подготавливался на стадиях австралопитека (или ему подобного существа), архантропа и пресapiенсных форм (классические неандертальцы были, видимо, боковыми ветвями). Иными словами, дух раскрылся только в Homo sapiens. Это, по-видимому, был «скачок», внезапная мутация, сделавшая возможным соединение биологии и самосознания. Явилась новая «клетка» бытия — личность. «Гоминизация, — говорит Тейяр, — если угодно, есть прежде всего индивидуальный мгновенный скачок от инстинкта к мысли». В другом месте он пишет: «Здесь совершенно невозможно уйти от проблемы прерывности... Если переход к рефлексии действительно, как того требует физическая природа,... есть критическая трансформация, мутация от нуля ко всему, то невозможно представить себе на этом точном уровне промежуточного индивида... Или надо сделать мысль невообразимой, отрицая ее психическую трансцендентность относительно инстинкта. Или надо решительно допустить, что ее появление произошло между двумя индивидами». Однако, Библия не делает упора на этом индивиде. Почти повсюду в ней «АДАМ» (по-еврейски: «ЧЕЛОВЕК») есть нарицательное, а не собственное имя. Один из отцов Церкви, св. Григорий Нисский называет «первого Адама» *Всечеловеком*, то есть мистико-биологическим единством человечества. Важнее другое. Библия говорит, что Бог «вдохнул» в человека душу и таким образом создал его по Своему «образу и подобию». Один из русских святых говорил, что «до того, как Адам получил душу, он был подобен животному».

4. В человеке раскрылось иноприродное — то, что сокрыто в глубине Бытия: разум, дух, сознание. Поэтому он, с одной стороны, связан с миром природы, а с другой — с высшим планом и с самим Сущим. Далее Библия говорит, что человек, этот посланец Божий в мир, не выполнил своего предназначения. Он пожелал автономии от Бога («будете, как боги»). Это отдалило его от Источника жизни. Болезнь поразила весь вид, в силу его существенного единства. Но борьба продолжается, Свобода дает ей место. Альтернатива оставлена. Если прежде Логосу сопротивлялся Хаос, то теперь ему противится зло, грех, связанные с сознанием и нравственной природой человека. В плане Истории противостоят, как я уже говорил, два потока: один, идущий к Царству Божию, другой — к деградации. Это мы называем противостоянием Христа и Антихриста, которое запечатлено в последней книге Библии. Библия открывает нам, что творческое действие Логоса достигло в истории высшей точки в Лице Иисуса Христа. Через Него Бог лично открылся человеку и дал ему свободный путь следования к свершению космического замысла. В Грядущем раскроется все прекрасное, что только зачинается ныне. Все Христианство стоит под знаком слов: «Да придет Царствие Твое»...

Таково в самых общих чертах наше видение тайны Бога, мира и человека. Мы веруем, что все, кто стремится к добру и трудится для него — участники нашего общего созидания. Но бывает и так, что этому созиданию препятствуют люди, номинально являющиеся христианами. Взвесить это может лишь высшая Правда, которую мы называем по-библейски Судом Божиим.

Итак, я знаю Вашу веру, а Вы — мою. На все частные вопросы я готов ответить. Но не знаю — действительно ли Вам интересно? Я вовсе не хочу оказаться в положении других друзей о. Сергия, которые, пусть невольно, но что-то Вам навязывали. Недалеко, даст Бог, то время, когда Вы при желании сможете ознакомиться с вопросом не по поверхностным письмам...

(Копия этого письма была направлена о. Сергием К. А. Любарскому во Владимирскую тюрьму, но цензура ее не пропустила).

Корреспондент Д. — свящ. С. А. Желудкову

†

.....

Тягостное впечатление производит духовная несвобода Вашего корреспондента*. Он абсолютно не в силах вырваться из околонучных стереотипов, из того, что стало модно называть парадигмой науки. Для него постулатами, сомневаться в которых невозможно, служат не добытые наукой истины, но ходячие точки зрения, которые из-за многократного повторения перешли в глазах публики из разряда гипотез, догадок, сопоставлений в разряд окончательно утвержденных истин. Грустно это. Как ужасно зрелище ума, окостенелого в границе, которую поставила не воля Всевышнего, но сам человеческий разум, любующийся собственной ограниченностью.

Ну, это все грустные эмоции, а по делу скажу не много. Почему Ваш корреспондент полагает, что верующему необходимо отрицать эволюционное происхождение человека? Почему он полагает, что Библия есть учебник естествознания? Как писал А. К. Толстой (человек глубокой и чистой веры): «Способ, как творил Создатель, что считал он боле кстати, знать не может председатель комитета о печати». Вопрос только в том, что с нашими религиозно-нравственными представлениями о человеке лучше совмещается та из возможных эволюционных теорий, по которой 1) эволюционное развитие есть раскрытие предустановленной гармонии (само по себе это еще не признание Бога) и 2) качественное отделение человека от животного мира произошло однократно за малый промежуток времени. Такие эволюционные теории (номогенетического толка) всерьез обсуждаются в советской литературе (более даже чем в западной). Биохимическое родство человека и обезьяны этому не противоречит. Человек состоит из тех же химических элементов, что и мертвая природа. Отличие в структуре. А функциональное разделение мозговых полушарий, при котором правое управляет левой половиной те-

* То есть К. А. Любарского.

ла и отвечает за художественно-эмоциональную сторону человека, а левое полушарие — правой половиной и логической деятельностью, — такое есть только у человека, и вряд ли это могло возникнуть постепенно. Кстати, к номогенетическим взглядам на эволюцию (как на закономерный процесс) в противовес селекционизму, где регулятором служит исключительно борьба за существование между видами, склоняются прежде всего палеонтологи.

Теперь о бритве Оккама. Корреспондент пишет: «Новая сущность вводится в науку именно тогда, когда возможности старых полностью исчерпаны». Но кто этому судья? Кто и когда шепнул Максуду Планку, что не надо биться над фокусами в рамках классической теории? Бритва Оккама полезна, когда она ограничивает ученого в попытках вводить новые сущности по любому случаю, когда он не находит достойного объяснения тех или иных феноменов. Но она же становится гирей у него на плечах, когда останавливает мысль на пути проникновения вглубь новых сущностей. Впрочем, на эту и близкие темы есть хорошая статья в журнале «Изобретатель и рационализатор», №№ 8 и 9 за текущий, 1975 год.

Наконец, последнее. Разница между верующим христианином любого вероисповедания и Вашим корреспондентом состоит, в частности, в том, что мы верим Откровению Спасителя о Себе Самом: «Я есмь Путь, и Истина, и Жизнь» (от Иоанна). Мы не станем верить достоинства Христа той ограниченной моралью и истиной, которую открывает нам наш убогий посюсторонний опыт, — наоборот, мы веруем мораль и правду Откровением Христовым. Эту мысль великолепно обозначил Достоевский в парадоксальной форме: «Если Христос и истина не одно, то я на стороне Христа, а не истины» (цитирую по памяти, заведомо не буквально). Так вот: плевал я на любую мораль, если она не от Спасителя и не спасительна тем самым. Впрочем, я абсолютно уверен (в гордыне своей говорю не «верю», а «уверен»), что морали не от Христа нет, что такая мораль фактически оборачивается дьявольским извращением нравственности.

Как видите, Ваш корреспондент неправильно понял своего собеседника в смысле религиозного оправдания аморализма. Наоборот, религия, Бог есть единственно возможное основание нравственности. Но упаси нас Господь рассматривать принятую нами сегодня мораль как некие технические условия на религию, по которым мы могли бы судить религию.

Вот несколько замечаний, которые я позволил себе сделать по Вашей просьбе. Если Вы сочтете нужным что-либо из этого письма передать Вашему корреспонденту, то исключите, прошу Вас, всю эмоциональную подоплеку. А ему передайте мое горячее пожелание очутиться поскорее в таких условиях, когда дискуссия может быть

не стесненной ничем и более резкой. Мне кажется, что сейчас эта дискуссия становится далее бесполезной. А тему хорошо бы развивать, в частности, по пути, подсказанному Л. Очень большую радость доставил мне ее текст. Очень.

12. 12. 75

(Копия этого письма была направлена о. Сергием К. А. Любарскому во Владимирскую тюрьму, но цензура ее не пропустила).

Начать надо, видимо, с некоторых предварений. Спор идет между верующим и атеистом. Я же принадлежу к той категории людей, которых атеисты считают верующими, а верующие — атеистами. Это первое. И второе — то, что я, конечно, ни в коей мере не претендую на равенство интеллектуальное или моральное с основными участниками разговора. Просто тема столь близко интересующая, что волей-неволей, слушая чужое мнение, хочется и свое высказать, хотя бы шепотом.

Древние греки уже говорили о существовании атомов, но считали их неделимыми. Много веков это так и было, пока в наше время не доказали делимость, многочленность атома (ради Бога, прошу принять во внимание полное отсутствие научного багажа и простить ненаучность терминологии). Эти доказательства не уменьшили ценности древнегреческих положений, а их развили, уточнили. В этом развитии, уточнении — жизнь науки.

Мне кажется, что с религией происходит то же самое. Много веков какие-то ее положения, притчи воспринимались прямолинейно (в том числе и упомянутое автором письма чудо с пятью хлебами), но настало время для переосмысления этих сведений. Недавно я читала работу одного священника, который считает чудо с пятью хлебами самым большим чудом, сотворенным Христом. Но по его мнению дело не в том, что Христос накормил толпу пятью хлебами, а в том, что он, начав сам делиться тем, что у него есть, и делая это с одухотворением и верой, заставил всех присутствующих поделиться друг с другом своими запасами, которые хоть и скудные, но были у всех. Вот это объединение людей в общем порыве добра, в делении запасов, в неожиданности пока тебе кто-то даст, и было истинное чудо.

Так что, мне кажется, упрекать верующих, когда они говорят о чем-то «не понимайте прямолинейно», не стоит. Все движется, все уточняется, живет. Живет и религия, и уточнение не есть доказательство ее ошибочности, а скорее жизненности (хотя я прекрасно понимаю, что по этому пути можно дойти до черт знает чего).

Что же касается теории полезности альтруизма, то теперь это очень модно среди определенной части интеллигенции, особенно представителей точных наук.

Альтруизм тот, который заставляет самку защищать своего детеныша, заставляет одну особь жертвовать собой для стада, действительно есть у животных. Он трогателен и прекрасен, но направлен на сохранение вида, на сохранение наиболее сильного, наиболее плодovitого. И все. Вид должен существовать. У людей же, к счастью или к несчастью, далеко не совпадает физическое здоровье и плодovitость с прочими достоинствами (хотя и говорится, что в здоровом теле — здоровый дух, но, насколько я знаю, сам автор письма — живое опровержение этого положения). В мире животных недоносков Ньютон должен был бы погибнуть, никакое стадо не станет его выхаживать в пивной кружке или варежке. Никакое стадо не станет терпеть эпилептика Достоевского, он обречен на гибель. Выживать должны сильные, здоровые, для них жертвуют собой матери и стадо их защищает. К сожалению, в человеческом стаде это тоже есть — выживают наиболее физически сильные, а отнюдь не самые этические. В лагерях погибли в первую очередь наиболее альтруистичные, те, кто как Мария пошли за кого-то в печь, те, кто как Корчак пошли *вместе* с кем-то в печь. Для вида (в смысле морали и этики) было бы гораздо полезнее, если бы они жили и плодились, но живут и размножаются не они, а Фетюковы, которые способны лизать чужие миски.

В момент катастроф (железнодорожных и всяких прочих) сильные и здоровые топчут и сминают под собой более слабых, хотя может быть и более нужных, более интеллектуальных, более альтруистичных. Так было испокон веков.

Разговоры о защите стариков, детей и женщин довольно странно выглядят на фоне и истории, и современности. В нашей Средней Азии самый жирный, самый первый кусок достается хозяину, мужчине, главе, потом остатки — женщине, потом от нее остатки детям.

Почитайте Сытина — прекрасного знатока Средней Азии, хотя и плохого писателя («Пастух племен» и др.). То же самое по сей день включительно по всей Африке — первый кусок мужчине, женщине объедки, а детям и того нет. Немошных стариков испокон века бросали умирать без еды и питья как в Африке, так и на нашем Севере, хотя они тогда были более важными источниками информации и накопленного опыта, чем теперь, и они покорялись этому безропотно, понимая, что они никакой не источник информации, а всего лишь обуза для дееспособного племени.

Я уж не говорю о современном положении женщин, о которых давненько сложена «веселенькая» частушка:

Я и лошадь, я и бык.
Я и баба и мужик...

Биологическим альтруизмом я не знаю как все это объяснить, он работает на сильных.

Войны всегда приводили, а теперь особенно приводят к дикому оскотовению людей (я не верю, что нет светлых пятен, речь о явлении массовом). Именно за счет того, что срабатывает только видовой биологический альтруизм, выживают самые сильные, но отнюдь не самые этические — те идут первыми в бой и гибнут, отдают последний кусок и гибнут, и т. д. А мораль, делающая человека человеком, а не видом среди других видов, отрастает очень медленно.

Автор ссылается на то, что социальные и прочие условия меняются так быстро, что человек не поспевает за собственными созданиями, и они, эти им созданные джинны, его же — человека — и душат, лишают его альтруизм возможности проявить себя. Верно конечно, но ведь физически человек уже здорово приспособился — люди стали сильнее, крупнее, они выучились переносить такие нагрузки, такие стрессы, которые раньше им не снились... И — ничего!

А мораль — не поспела, альтруизм вида отстал? Чего же это он? Говорят, что даже гормоны заставляют человека быть альтруистом и совестливым, но согласитесь, что формула «заставить себя любить других» весьма расплывчата. Обычно человек, делающий другому пакость, отнюдь не к угрызням совести подталкивается своими гормонами, а к самооправданию (или Вы такого не видели?). Причем, чем интеллигентней, чем эрудированней человек, тем с большей легкостью он это делает, привлекая в помощь себе экзистенциализм, буддизм, и еще целые сонмы «измов», биологических теорий и пр. и пр. А людей, которых мучает совесть за не так соделанное, и раньше мало было, и теперь так же мало. Коли это полезно, так за века и века истории человечества уж отработалось бы. Ан нет, число людей на Земле растет, а число Швейцеров на ней не увеличивается. Может быть, я как-то уж очень сумбурно, «по-бабьи» излагаю свою мысль. Более того, я не знаю ответа на вопрос, откуда в некоторой части человечества существует мораль и пр. — но одно я знаю: ссылки на добро, полезное для вида, не объясняют ничего.

Видимо, автору никогда не приходилось сталкиваться с проблемой детских домов. Там этот биологический альтруизм удивительно ярко виден. Приходят люди, желающие совершить вполне достойный, казалось бы, поступок: они хотят воспитать чужого ребенка. Но врожденный биологический альтруизм душиет человеческий — и за редчайшими исключениями начинается *выбор* (попытайтесь представить это себе вживе!), выбирают ребенка поздоровее, покрасивее,

никому не нужен большой или некрасивый. Таких большинство в этом «типе» людей, вполне биологически альтруистичных. А есть такие (единицы) как Деревская, о которой писали и снимали (после смерти) даже фильм, которая в период войны подобрала и воспитала *сорок* чужих детей, не разбирая — все ли они Эйнштейны, Джинны Лоллобриджиды и пр. И когда сорок ее детей стоят обнажив головы перед ее могилой — тогда и мы склоняем головы перед этим не биологическим, перед этим не удушенным социальными условиями человеческим альтруизмом. Сразу же можно возразить — зачем же так упрощать, и так де, мол, ясно, что человек сложен (что и говорилось); но зачем же тогда (контр-вопрос) так упрощать и кивать на биологию? Для собственного облегчения — дескать, нашел ответ?

Можно восхищаться силой духа автора, который безусловно искренне говорит, что ему нравится наше прекрасное время и наше прекрасное поколение. Можно сказать даже, что наше время ничуть не хуже, скажем, первой половины XIX века или какого-то еще периода, но если искать этики и морали (пусть не абсолютных, но очень высоких), то нет в нас ничего прекрасного — ни в нас, ни в нашем времени, породившем страшную разобщенность, самоуничтожение, уничтожение среды обитания. Можно, конечно, верить, как верует автор, что она будет спасена, и называть ученых, заботящихся об этом, пожарной командой, но они скорее напоминают не пожарную команду, а Кассандру-прорицательницу, которую не слушают. Пока у ученых нет оснований для оптимизма в деле охраны среды. Почитайте Хейердала, его описание плавания на «Ра» — по океану грязи, и многое другое.

Как все вышеизложенное сочетается с Богом или с биологическим альтруизмом, с «прекрасным временем» и прочим — я не знаю. Будь я Богом (!) («Как славно хоть немного побыть на роли Бога», — сказал один безвестный поэт), я бы все сделала не так. И по моему скромному разумению ближе всех к истине Пристли в своем маленьком рассказе «Прекрасные мгновения» с его верой в «медвяную росу чуда», под которым он понимает то неопределимое, неопишемое состояние души, которое посещает нас так редко и освещает все вокруг так ярко!

Весьма удивило меня странное прямо-таки отношение к философии и искусству, которым, как и религии, отведена роль, похожая на роль служанки, усаживающейся за господский стол, пока господа ушли в гости, а как те домой — так ее место за дверью. По схеме автора место философии, искусства и религии — только там, где еще не заняла место Наука, а уж коли Наука тут, так пусть потеснятся на незанятые ею территории. Вроде резерваций для индейцев. Как странно! Если альтруизм вида велит охранять стариков — кла-

дезь информации, то людей этичных, думающих тоже ведь надо уважать и отводить им подобающее место — пусть не высшее, но хотя бы равное с теми, кто занят Наукой. Физик-теоретик, занимающийся изучением какой-то отвлеченной области, ничем не хуже (и не лучше) того физика экспериментатора, который будет сутками биться в поисках течи в приборе, в которую удирают электроны. Так как же можно отводить Канту место на задворках? Или Швейцеру? Я, видимо, чего-то не понимаю в такой схеме из-за отсутствия серьезного научного багажа.

Автора письма волнует проблема бессмертия души и он считает, что религия в этом вопросе подсовывает красивую, но фальшивую монету ищущему человеку. Кто был экспертом? Кто мог проверить с достоверностью фальшивость этой купюры? Принцип «мы там не были, а кто был — не вернулся»?

Я думаю, каждый человек в жизни встречал людей, или сам относится к таким людям, у которых есть какое-то особое отношение, особое «чувство» какой-то определенной исторической эпохи. Для меня это конец XIX века, для моего одного знакомого биолога — это древний Египет. Очень хорошо об этом чувстве прошлого времени сказано в изящном рассказе Бунина «Несрочная весна», когда герой смотрит на старинные портреты и четко понимает, что они для него бесконечно более реальны, чем вся реальность, сегодня его окружающая. Я понимаю это как ощущение тех людей, тех душ, которые живы и которые где-то тут. Для человека, привыкшего мыслить четкими категориями, это мое «где-то тут» звучит, конечно, смешно, но я пока не знаю иного термина для этого ощущения бесконечной реальности ушедших.

Что же касается презираемой автором письма христианской покорности и цитаты из послания к Колоссянам, гл. 3, ст. 22, то мне кажется, что сам же автор и есть иллюстрация к этому изречению. Принимая свою судьбу, говоря, что не хотел бы от нее отказаться, он тем самым и говорит: «Как бы ни был ты жесток, государь великий Новгород, но и несправедливость твоя мне на пользу, и за нее спасибо; все, что вышло из рук твоих, мне на благо, все принимаю с радостью, благодарностью и покорностью».

Почему-то атеисты часто считают, что покорность, подставление левой щеки и прочее — это что-то легкое и унижительное одновременно. Легко согнуться, коли бьют по шее, легко подставить спину, коли бьют по щеке. Но принять с покорностью, как благо, но подставить не спину, а другую щеку — ох, как трудно, воспитать в себе это нелегко и, как мне кажется, нет в этом унижения, как нет унижения в нынешнем положении автора письма.

«Я умер в полночь от тоски,
Всю ночь лежал впотьмах,
Но ангел мне смочил виски,
Проснулся я в слезах.

Еще клубился полумрак,
Шли складки по белью.
Был рай обставлен кое-как,
Похож на жизнь мою.

Немного их, струящих свет,
На мировом ветру,
Опознавательных примет
Твоей судьбы в миру!

Но все: стола потертый лак
И стула черный сук —
Твердило мне: не нужно так
Отчаиваться, друг.

Не потому, что есть намек
Иль тайный знак уму.
А так — всем смыслом поперек,
Никак, нипочему».

16. 12. 75

(Копия этого письма была послана о. Сергием К. А. Любарскому во Владимирскую тюрьму, но цензура ее не пропустила).

К. А. Любарский — свящ. С. А. Желудкову

Из письма жене:

.....

Поскольку эпопея с битвой за письма Сергея Алексеевича, видимо, еще продлится довольно долго[‡], то нет смысла откладывать ответ на те три письма, которые мне все же удалось получить. Это первые три главы книги Льюиса «Страдание». Я вполне отдаю себе отчет: о произведении необходимо судить лишь прочтя его вполне — но что делать! Моя невинность блюдетя весьма тщательно, видимо, боятся, что я стану верующим. Страхи напрасны, что я и попытаюсь сейчас показать. Те главы, которые имеются уже в моем распоряжении, вызывают весьма серьезные возражения.

По существу рассматриваемые главы представляют собою еще одну (какую уж по счету!) теодицею. Она могла бы прозвучать довольно убедительно для людей определенного психологического склада, если априори принять существование объекта оправдания — Бога. Отсутствие неизбежной необходимости принять это автор и сам, видимо, хорошо понимает. Не случайно всю первую главу он посвящает тому, что он называет «элементами веры», т. е. описывает феномены, которые якобы неизбежно толкают человека к принятию веры.

На деле же ситуация обратна. «Элементы веры», о которых пишет автор, уже суть элементы религиозного сознания. Эти феномены либо не существуют вовсе, либо допускают иное (или даже иные)

[‡] *Примечание 1977 года: В октябре 1975 года о. Сергей начал пересылать К. А. Любарскому по главам перевод книги К. С. Льюиса «Проблема страдания» (C. S. Lewis. Problem of pain), который здесь не воспроизводится. Первые три главы прошли, все прочие были конфискованы. После этого поступление писем на религиозные темы было прекращено, несмотря на «битву» за них в официальных инстанциях. Ответы атеиста перестали пропускать также. Это письмо — последнее.*

объяснения. Не они толкают к вере, а вера их порождает.

В качестве первого такого элемента автор называет чувство Божественного, под которым он понимает соединение страха (ужаса, жути) перед неведомым, непостижимым, с безграничной любовью к источнику этого страха. Он утверждает, что это чувство родилось вместе с человечеством и не умерло, а укоренилось, несмотря на все развитие цивилизации.

Это неверно. Страх неведомого действительно существует и боязнь привидения, действительно, не то, что боязнь тигра. Особый характер этой боязни именно и определяется самой неизвестностью. Всякому даже в быту известно, что самым мучительным является в любой ситуации не сам дурной исход той или иной ситуации, а именно ожидание этого исхода (стандартное выражение «мучила неизвестность»). Но во всех бытовых ситуациях возможный спектр неизвестного невелик, неопределенность незначительна, ибо большинство реализуемых в быту исходов нам хорошо известно. Неопределенность эта резко возрастает, конечно, при переходе к явлениям трансцендентным, «знание» которых к нам приходит с культурой и исторической традицией. Льюис замечает в связи со страхом, например, который вызывают привидения: «дело тут не в опасности — никто толком не знает, чем опасно привидение, — а в самом факте (появления привидения)». Вот именно оттого-то и страх, что «никто толком не знает, чем опасно привидение». Все возможно — это-то и вызывает ужас.

Те или иные формы страха неведомого, видимо, действительно извечны : с тех пор, как само деление мира на ведомое и неведомое было осознано человеческим мозгом. Но, по Льюису, ощущение Божественного этим не исчерпывается. Оно возникает при соединении страха с чувством любви. Но вот это-то чувство отнюдь не извечно! Отношения человека с Божеством очень долгое время обходились без чувства Божественного. Таковы практически все языческие религии. Примитивный анимист настолько лишен чувства Божественного, что может даже чисто физически, палками, наказать идола, не исполнившего его желания, несмотря на жертвоприношение. Но и непримитивные, развитые языческие религии, каковы греческая и римская*, тоже не знают этого чувства. Боги и люди не разделены непроходимой гранью, сражаются бок о бок в одной битве, любят друг друга даже физически и т. п. Боги — это какое-то рядом живущее племя, более сильное, чем люди, и потому заслуживающее почтения и подчинения (силу всегда ценили), но Любви... за что же? Возможно, что психологически тут большую роль играл антропоморфизм греческой религии. Интересно обратить внимание на столь важную категорию древнегреческого мышления, как идея Рока, столь

глубоко воплощенная в мифе об Эдипе. Эта, пожалуй, центральная идея не имеет ничего общего с антропоморфизмом. Но — и это очень существенно, — это в сущности *не* религиозная идея. Рок правит всеми: и людьми, и богами. Он предопределен — на то он и Рок. На его веления невозможно влиять. Он — вне чувств человеческих. Любовь и боязнь предполагают все же глубинную надежду, что мера этих чувств как-то повлияет на возможные поступки или поведение объекта любви. Рок же можно лишь принять, каков он есть.

При всем желании, во всей разветвленной греческой мифологии мы не можем обнаружить и следов «ощущения Божественного».

Возникновение и утверждение этого ощущения связано с определенным социальным, информационным и нравственным уровнем развития общества. Исторически оно связано с возникновением иудаизма и христианства, а позднее и мусульманства. Не берусь судить, в какой мере оно вплетено в восточные религии. Хотя, мне кажется, что фаталистические тенденции восточных религий должны существенно снизить роль, которую в них может играть это ощущение.

Да, и у современных людей это чувство, пожалуй, живо. Живо, но... угасает. Беру на себя смелость сказать, что именно «прогресс науки и цивилизации» (плюс прогресс нравственный) играет в этом первую роль.

У этого ощущения (страх + любовь, столь красочно описанные в приводимом Льюисом отрывке о Духе Острова) есть любопытный и очень точный аналог в отношениях между людьми. Это ощущение хозяина и раба, раба не по положению, а по духу, того раба, который, как собака, «руку бьющую лижет», раба, столь ярко описанного в литературе от Плавта до Тургенева. Нам трудно сейчас войти в шкуру этих персонажей, трудно поверить в их существование, но — это было. Может быть, психологически нам это станет понятнее, если мы вспомним совсем недавние исторические примеры: фанатическая (истерическая) волна любви, сосуществующей со страхом, к бесноватому фюреру. Может быть, это психологически самое страшное в фашизме: фюрера боялись, но и любили, что и подвигало подчас на преступления невероятные. Немного сделаешь из-под палки, но на что не пойдешь из любви! И заслуженный крах фашизма начался с краха этой любви. Страх сохранялся дольше, но он уже ничего не мог спасти. *

Только закрыв глаза на реальность, можно не увидеть внутренней психологической близости этих двух чувств: чувства к Богу и

* *Примечание 1977 года: в письме не из тюрьмы был бы приведен более близкий пример — Сталин.*

чувства к человеку. И самое уродливое возникало всегда, когда эти два чувства сливались воедино. Достаточно напомнить Распутина или Корейшу.

Я бы ни в коей мере не хотел быть понятым в оскорбительном для верующих смысле. Я привожу лишь параллели между двумя психологическими состояниями человеческой массы (или индивидуумов), проецирующимися на разные объекты: объект во плоти и трансцендентный объект. Они (эти состояния) практически неразличными и механизм их возникновения схож.

И вот Льюис делает любопытный логический ход. Чем же объяснить существование «чувства Божественного»? По его мнению, есть лишь две возможности: либо это «болезни нашей души, ничему объективному не соответствующие», либо — «ощущение действительных, но внеприродных явлений». Удивительная, ущербная логика! Ну-ка, приложите-ка ее к феномену фюрера! Что, все немцы были душевнобольными? Или фюрер действительно заслуживал поклонения? Кто решится это утверждать? Этот пример показывает, что между отражением в психике и реальностью не всегда существуют однозначные отношения и не каждому феномену психики (даже не у душевнобольных людей) есть полное соответствие во внешнем мире.

В качестве второго элемента религии Льюис называет «осознание нравственного закона», якобы тоже никак вне религии не объяснимого. Но об этом я уже писал очень много и поэтому сейчас повторяться не буду. Не все так просто, как кажется Льюису. Слишком он щедр на категорические утверждения: «можно объяснить только так, а не иначе». Увы, есть и иные объяснения.

Третий элемент, по Льюису, — это слияние воедино «ощущения Божественного» и стража нравственности. Но, как верно отмечает сам Льюис, это слияние характерно отнюдь не для всех, и даже не для всех религий. Обоснование этого «элемента» у Льюиса наиболее невнятно и поэтому трудно критикуемо. Это не основа религии, и, напротив, некая надстройка в уже возникшем религиозном сознании.

Четвертым элементом он полагает вочеловечение Бога во Христе, для которого он, по привычной уже логической схеме выстраивает такую дилемму: либо этот Человек был безумцем самого гнусного вида, либо говорил правду. Третьего, видите ли, не дано. А почему, собственно? Разве для нас в новинку рождение мифов, вокруг неких реальных событий с последующим отъединением мифа от реальной основы и самостоятельным его существованием? Я не собираюсь сейчас пускаться в запутанный спор об историчности Христа, но, кажется, находки Кумранских рукописей с текстами об

«учителе справедливости» склоняют именно к такому толкованию. Так что третье дано. Можно предположить, видимо, и четвертое, и пятое и т. д. Не все так примитивно, как Льюису кажется.

И в этой связи не могу не вернуться к вопросу, которого уже касался в одном из писем, но который Сергей Алексеевич оставил без ответа. То, что Льюис считает основой веры, на самом деле следовало бы назвать первородным грехом христианства.* Идея возможности (!!) вочеловечения Бога — самая страшная идея, которую можно было бросить в нравственно неподготовленный древний мир (да и современный ушел от него недалеко в этом отношении). Создана была модель, по которой начали конструироваться лжемессии и наместники Бога на земле, обожествляемые монархи и вожди. Разумеется, их немало было и до появления христианства, но лишь христианство придало им невероятный ореол святости (до тех пор локально существовавший, может быть, лишь в Египте фараонов).

Какой шаг назад по сравнению с чистым монотеизмом иудаизма, по крайней мере, четко отъединявшим земное от небесного! (Как и любая религия, иудаизм обладает множеством неприемлемых черт, но, по крайней мере, этой он лишен).

Так обстоит дело с попыткой Льюиса показать, «почему вера представляется ему обоснованной». И это все? Небогато.

Вторая глава посвящена обсуждению всемогущества Божия, лейтмотивом которой является, в общем, то, что Бог может-де делать лишь то, что «внутренне возможно», ибо «Бог творит чудеса, но не чепуху». Этим, якобы, разрешаются многочисленные парадоксы и отстраняется от Бога обвинение в создании несовершенного мира.

Звучит это мало убедительно. Что значит: «чудеса, а не чепуху?» Надо ли это понимать, что чудеса — это то, что не противоречит законам природы, а чепуха — то, что противоречит? Если так, то для творения чудес не нужно быть Богом, и всякое чудо — по определению чепуха.* Попытка многословно разграничить «чудо» и «чепуху» явно не удалась. Автор и сам это чувствует, неоднократно оговариваясь, что он-де не знает, что сказали бы по этому поводу «настоящие философы и ученые».

Больше об этом, по бедности аргументов, Льюису сказать нечего.

Наконец, третья глава трактует о том, что такое благодать Божья и как следует понимать любовь Бога к человеку. Глава, способная вызвать лишь самый бурный протест. Логические дискуссии здесь невозможны, ибо у автора и у атеиста (у меня, во всяком случае) просто совсем разный ценностный подход. Лейтмотив Льюиса известен: то, чего хочет для нас Бог — это и есть лучшее, но мы

этого просто не понимаем, и потому возмущаемся. Каковы шедевры: «когда мы хотим другого, чем хочет для нас Бог, мы хотим того, что не дает нам счастья». «Господь пытается дать нам то, что нам нужно, а не то, чего мы сами бы теперь пожелали!» Как все это не ново! («Народу это не нужно», «Борьба за вас против вас» и т. д.). Видно, модель вочеловечивания Бога работает здорово! И вот выводы: «поражает нас невыносимая честь — слишком много любви, а не слишком мало». Вот именно — слишком. Ничего не должно быть «слишком». Все должно быть в меру. И из этого «слишком» проистекает и очередное: «мы ошибемся в самом важном, если сочтем, что Он — для нас, а не мы для Него. Ведь мы — лишь твари и должны быть всегда подчинены Ему, как женщина мужчине, зеркало свету, эхо звуку»... Нет! Если *это* необходимо для счастья, то я предпочту быть несчастливым! Здесь нет места для дискуссий. Отказаться ради счастья от своей суверенности, т. е. от своего человеческого естества — слишком велика цена. Хорошо, что на самом деле мы живем в мире без Бога, ибо если бы в мире был Бог, я предпочел бы *в нем не быть*.

И опять — лжемессии и вожди с восторгом подхватывают эту модель неперемного подчинения, и умы, развращенные тысячами религиозного воспитания, так легко ее усваивают! «Мы лишь твари и должны быть всегда подчинены». Подумать только!

Не случайно богоборцы — одни из самых привлекательных образов в мировой поэзии.

Легко допускаю, что последующие главы книги Льюиса исправили бы впечатление. Но эти — лишь подтверждают инвективу религиозному мышлению.

Очень любопытно было бы узнать, что ответил Сергей Алексеевич и его друзья на прошлые мои письма. Но теперь, ввиду конфискации писем Сергея Алексеевича, я это узнаю нескоро.

6. 1. 76

(Владимирская тюрьма)

Г. С. Подъяпольский — К. А. Любарскому

Кронид, милый!

.....

Начну с твоей критики Льюиса. Впрочем, полемики тут не будет, а скорее просто впечатление, а впечатление тут такое: здорово вырос ты прямо на глазах как полемист и защитник попираемого верующими атеизма. Превосходно! И выбор доводов, и точность их изложения, и стиль — все. Чувствуется рука не новичка-дилетанта, но ветерана и мастера. Недавно еще, помнится, опасался я, что за некоторые твои упрощенно-биологические доводы выпали тебе бы верующие по первое число с ихним двухтысячелетним опытом. Теперь об этом и речи нет, если и есть опасение, то совсем другое: а не испортишь ли ты себе руку, сражаясь со столь слабыми, не по себе, противниками. Оно, конечно, шутка ли — две тысячи лет, да ведь две тысячи лет — палка о двух концах. С одного конца: можно было за тысячи лет придумать и даже отточить кое-какие аргументы; а с другого: больно уж возраст почтенный, и не с такого даже песок начинает сыпаться, эка слава побивать двухтысячелетних старцев. И отточены аргументы, да не держатся уже в руке. И не услышат тебя, и не поймут, и не захотят ни услышать, ни понять, и ничего не возразят тебе путного со своим двухтысячелетним опытом...

14. 2. 76

(Это последнее письмо, написанное К. А. Любарскому Г. С. Подъяпольским перед безвременной кончиной последнего).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Переписка Г. С. Подъяпольского и К. А. Любарского на темы религии и атеизма.

1973 г.

Вопросы религии и атеизма возникли в переписке К. А. Любарского из лагеря еще до получения им реферата от С. А. Желудкова. Мы приводим отрывки из переписки двух атеистов — Г. С. Подъяпольского и К. А. Любарского. Вопросы, поднятые в этих отрывках, имеют прямое отношение к позднее состоявшемуся диалогу верующих с атеистом. К. А. Любарский в ходе дискуссии ссылается на эту переписку.

Г. С. Подъяпольский — К. А. Любарскому

15. 7. 73

Кронид!

Мне хотелось бы затронуть однажды поднятый тобой вопрос о роли религии в психологии современного общества. Я не говорю, конечно, о м(арксистско)-л(енинской)* религии, с ней вопрос ясен, она существует только по единственной причине, что сознание у значительной части рода человеческого определяется бытием (или, может быть, битьем, не знаю, как правильно писать это слово). Так что, изменить капельку бытие (или битье), и от нее ни шиша тут же бы не осталось, так как нет у нее никакой более серьезной основы. Посему, речь идет о религии в самом прямом и официальном смысле слова, православном христианстве, включая веру в воскресение Христа и непорочное зачатие,* опять же в самом что ни на есть буквальном смысле. Каюсь, в годы моей юности я как-то все-

* Конечно, это редакторская расшифровка сокращения, сделанная в 1977 г. (с.м. также далее).

ррез к таким вещам не относился, и, конечно, думал, что уж в непорочное-то зачатие никто, кроме деревенских старух, в наш век и верить уж не может. Но вот, годам эдак к сорока, убедился я, что был наивен и глуп, и в непорочное зачатие, совершенно буквально притом, верят весьма умные и здоровые люди, профессора, знающие что такое Банахово пространство, волновая функция и теорема Геделя, причем знающие это всерьез, а не как я, одним краем уха, следовательно, ничуть не глупее меня грешного. И потрясен был этим фактом до глубины души и задумался над следующими вопросами:

1. А вдруг они впрямь и в вере самой умнее меня, и мое неверие в непорочное зачатие есть только дефект моего воспитания, связанного с атеистическими предрассудками XIX-XX веков?

2. А если все-таки нет, то почему они все-таки верят? Может быть, фактически непорочного зачатия и не было, но вера в него все-таки мудра и глубока, несмотря на указанное малосущественное обстоятельство?

3. А если и в этой вере в то, чего не было, высшей мудрости все-таки нет, то какими иными причинами объяснить столь странный феномен?

О первом из этих вопросов долго распространяться не стоит. Положим, даже, наука и предрассудок, и Бог, будучи всемогущим, мог бы и совершить чудо с непорочным зачатием — но есть два аргумента, по-моему неотразимых, вынуждающих меня его отвергнуть. Во-первых, а зачем оно ему понадобилось бы? Для примитивного пуриста вопрос, было ли зачатие порочным или нет, может быть, и может казаться важным, но при всем своем атеизме, и, следовательно, непочтительном отношении к Богу, эстетическое чувство не позволяет мне предположить его примитивным пуристом. Создавая столь великое чудо, как христианство, как-то неудобно опускаться до столь пошлой шуточки, как непорочное зачатие. А, во-вторых, даже если оно и было, то проверить самый факт через две тысячи лет чересчур уж мудрено, и, боюсь, что даже человеку умнее меня все-таки непосильно.

Покончив такими доводами с первым вопросом, я сосредоточился на втором, очевидно, более сложном и имеющем более разнообразные аспекты: и о приобщении к народному духу, и о верности заветам предков, каковыми они ни были бы. И еще, о необходимости веры вообще, как основания для всякой нравственности. И все-таки глубины моего скептицизма все эти глубокие соображения поколебать не смогли. Конечно, разрушение традиций отцов иногда вызывает многие и неисчислимые беды, но ведь и верность

традициям в этом отношении не лучше. В насильственном, вопреки разуму, приобщении к народному духу, я как-то не вижу большой добродетели. Да и является ли непорочное зачатие таким уж неотъемлемым ингредиентом народного духа, можно еще поспорить. Не спорю, за непорочным зачатием многовековая история, но за чем, черт побери, не найдешь многовековой истории — в том числе, и за неверием в него. Эмпирически, в наш век я тоже не вижу, чтобы вера в непорочное зачатие как-то особенно коррелировала с нравственной основой, умением сохранить человеческое лицо в нечеловеческих обстоятельствах и т. д. — наоборот, нет никакого труда привести примеры, когда с верой в зачатие уживается самое что ни на есть трусливое подончество, хотя и все обратные и дважды обратные комбинации тоже имеют свои примеры. Наблюденный эмпирический материал, скорее всего, позволит высказать гипотезу, что вера в зачатие и порядочность распределены более или менее независимо. Статистическая независимость, отмечу, не означает того, что в конкретном, отдельно взятом случае никакой зависимости между верой и поведением нет, возможно, что иногда вера поддерживает порядочность — но и противоположная зависимость между верой и непорядочностью, по-видимому, не исключена. Страшно игрив человеческий ум, и в некоторых случаях может оправдать именно непорядочность именно верой и в непорочное зачатие. Резюмирую сказанное, утверждая, что лишь спорадически, со включением многих посторонних к вере и неверию моментов, между верой и порядочностью может возникнуть прямая или обратная связь, но в основном оба эти качества вызываются более глубокими независимо действующими причинами, которые за незнанием опыта, можно обозначить мало понятным словом: натура.

Таким образом, мы более или менее обоснованно подходим к третьему пункту — иным причинам, объясняющим феномен веры. И тут тоже достаточно обширное поле для исследования и дискуссии.

Первое, что бросается в глаза, хотя как-то не отмечается сторонниками непорочного зачатия: никто из них не додумался до него самостоятельно, все они взяли его готовым со стороны. (Любопытная антианалогия с научным открытием: последнее чаще всего производится одновременно и независимо сразу многими). Непорочное зачатие есть некоторый, уже готовый, рецепт, который можно принять или отвергнуть, но нельзя открыть, как можно, например, открыть теорему Пифагора или дифференциальное исчисление. В вере в непорочное зачатие есть нечто от стремления присоединиться к предыдущему оратору. Мне трудно его принять, может быть, именно потому, что лично у меня никогда не было такой потребности.

В присоединении и неприсоединении есть, вероятно, свои, хотя и противоположные, гордыни — гордыня того, что за мною — сонм, и гордыня того, что плевать мне на всякие сонмы. «Для того, чтобы быть человеком, у меня есть твердая опора». — «Для того, чтобы быть человеком — обойдусь и без всяких подставок». — «Но с верой легче жить, имейте, в конце концов, высшее благоразумие». — «Умейте жить и без веры, имейте, в конце концов, высшее мужество». — «А вот, Достоевский говорит...» — «Ну, мало ли чего говорит Достоевский. Он — так, а я — по-другому». — «Так вы что, умнее его хотите быть?» — «Конечно. Более идиотского желания, чем быть глупее кого бы то ни было, по-моему, нельзя и придумать. Да для этого и желания никакого не нужно». — «Так не будете же умней». — «Да не в том же, черт возьми, дело: будем умными, насколько станет наших, конечно ограниченных силенок. Но без каких-либо других насильственных ограничений сверху — независимо от того, доберусь ли до этого предела или нет».

В последнем счете, вера в непорочное зачатие, объясняется, видимо, довольно простой психологической схемой. Вот-де м(арксизм)—л(енинизм) отверг непорочное зачатие, и вот-де к чему м(арксизм)—л(енинизм) привел — так давайте же верить в непорочное зачатие. Порой эта схема упрощается и до того, что-де — вот, было отвергнуто непорочное зачатие и получились всякие неприятности — поэтому непорочное зачатие необходимо для порядочной жизни.* Но верно ли это? Нужно ли? Разумно ли? Не столько ли же, сколь и противоположная дилемма: вот, верили тысячу лет в непорочное зачатие — и ничего это не предотвратило. Может быть, корень зла как раз в этом и есть, что чересчур привыкли верить — а при привычке подстановка нолика вместо крестика является уже мало существенной деталью.

Есть и еще одно, возможно, играющее роль, обстоятельство. Нолик не называет себя верой, а громко именуется научным мировоззрением. Посему — долой науку, и да здравствует вера! Но вольно же вам, дуракам, верить тому, что говорит о себе нолик. Оно, конечно, страшно, не веря ни в чем остальном, вдруг незыблемо поверить в такую саморекламу — но не секрет и то, что человеческое мышление, самые глубокие, подспудные его истоки — алогичны. А когда на такой алогичной базе уже построена сложная, в ряде деталей разработанная система, имеющая множество связей с другими, вполне очевидными сторонами реального мира, то очень трудно от нее отказаться. И потом ствол у дерева баньян гнивает, оно прекрасно продолжает держаться на выпущенных лжекорнях. Этим деревом баньян я и закончу свой импровизированный экскурс, хотя чувствую, что не исчерпал и сотой доли этой удивительной и полной глубокого смысла темы.

К. А. Любарский — Г. С. Подъяпольскому

Из письма жене:

.....

Я, как ты знаешь, атеистичен до мозга костей, как и ты, Гриша. Всегда был, а здесь в лагере мое неприятие религии и церковности еще усилилось — по многим причинам, о которых позже. Но атеизм и антицерковность лишь тогда действительны, когда поняты теизм и церковность. В этом сложном механизме действительно надо разобраться, а твой анализ мне во многом представляется неудовлетворительным. Неудовлетворительность его в попытке логического анализа проблемы. Вера же по природе враждебна логике. Знаменитая фраза Тертуллиана — «верую, ибо абсурдно» так часто приводится для насмешки над верой. Дескать, какой глупый Тертуллиан — абсурдно, а он верит! А между тем, в фразе — смысл глубочайший. Ибо когда *не* абсурдно, когда можно доказать, мне нет необходимости *верить*. Я не *верю* в закон всемирного тяготения, а *знаю*, что он существует. Вера появляется там, где я не знаю и не узнаю принципиально, она покрывает области, разуму недоступные. Область, объятая разумом, может быть уподоблена прожекторному пятну света. Это пятно быстро расширяется (хотя бы в результате научной деятельности), но область мрака — притом бесконечная — будет существовать всегда, ибо мир бесконечен (и не в вульгарно-геометрическом смысле). Но человек живет во всем этом бесконечном мире, он не может ограничиться световым пятном, он встречается и с мраком. И чтобы адекватно реагировать на него, он должен для себя иметь какую-то модель этого мрака, этого непознанного, модель — заместитель знания. И такую модель он строит — это диктует ему инстинкт познания, выросший из ориентировочного инстинкта животных, как любовь выросла из полового инстинкта. По мере расширения светового пятна эта модель-заместитель замещается знанием, но не может исчезнуть совсем. Отсюда вечность и неистребимость веры — веры вообще, не только, христианской и даже не только религиозной (должен оговориться, что функцию моделирования мрака разделяют с верой философия и искусство — недаром они столь часто бывают насквозь религиозны). Поэтому, кстати, неверен твой тезис о различии религиозной и политической вер. Если отбросить эмоции, то их генезис одинаков, хотя сроки существования несоизмеримы.

В этом смысле и мы с тобой атеисты, но не неверующие, ибо, скажем честно, что в разделяемых нами концепциях также существует элемент веры.

Весь вопрос — какая вера?

В этой связи мне представляется не очень интересным вопрос о разумности веры в непорочное зачатие, который ты выдвигаешь на первый план. В конце концов, это лишь остаток христианской мифологии, который вовсе не обязательно связывать с идеологией, — и многие не связывают. Тебя интересует вопрос — почему не все, почему же есть те, кто верит? Изволь: ты доказал лишь, что вера в непорочное зачатие абсурдна, — ну, а теперь вспомни Тертулиана. Человек, желающий приобщиться к вере, уверовав в абсурдное, ломает, смиряет себя, этим актом доказывая Богу полноту и безраздельность своей веры. Символический шаг, но полный глубокого смысла. Психологически понятный шаг — «пока я этого шага не сделаю, в лоно веры не буду принят» (почему человек хочет быть в лоне веры — вопрос другой, обсудим его позже). И пошлого смысла тут нет никакого, и пуризм здесь не при чем. Пожалуйста, такое рассуждение. Бог решил, чтобы искупить грехи людей, послать на землю Своего Сына, но Он в то же время должен был быть и Сыном человеческим, дабы принять страдания от людей. Для этого и была избрана земная женщина, а зачатие могло быть совершено и актом Божественной воли. Поистине пошлой шуточкой было бы, если бы Бог материализировался для совершения физического акта порочного зачатия. А вообще-то пуризм христианству чужд и много примеров, когда порок* поднимается до святости. Пример — Магдалина. Так что с этим вопросом — еще как посмотреть...

Итак, не будем обсуждать деталей мифологии. Это декор, хотя, как мы убедились, и необходимый. Посмотрим, что же влечет к вере каждого *отдельного* индивидуума (о природе веры, как феномена *общественного*, я уже говорил), рассмотрим так сказать психологию веры. Конечно, народный дух, верность предкам и т. п., все это если и есть, то десятистепенно. О нравственности — потом. А пока вот какие обстоятельства достойны быть отмеченными. *Любой* человек, и подонок в том числе (это, чтобы не смущало отсутствие корреляции с нравственностью), — может быть и бывает несчастлив. *Любому* человеку невыносим груз несчастья в одиночестве. *Любому* человеку необходимо знать, что его понимают, что его жалеют. *Любому* человеку нужно, чтобы его выслушали, простили, одобрили, подбодрили. Грубо говоря — *любому* человеку надо, чтобы было «кому плакать». Поэтому так сладко выговориться другу, поэтому так легко после этого. Но у каждого ли есть друг? Да и поймет ли

даже друг? «Мысль изреченная есть ложь»... А Бог — Он все поймет, Он же всеведущ. С Его помощью я познаю ту область мрака, что именуется моей душой, в которой и сам запутался. Не сам познаю, так с Его помощью. Недаром ведь существует институт исповеди и молитвы.

И еще — за моим гробом начинается область мрака, и я ее не знаю. Мне говорят, что для меня это небытие, но с этим я смириться не могу. Пока я жив, вера в индивидуальное мое бессмертие не покинет меня — значит, как же мне обойтись без того, что за гробом? Эта вторая причина тяги к религии — вспомни удивительного Жана Баруа Р. дю-Гара. Я строю модель бесконечного мрака во времени, такую, что удовлетворит меня, успокоит, даст надежду. Просто — я хочу жить. В этой жизни или той — все равно. Жить.

Эти две причины общие — и для героев, и для подонков. Но от второй причины — ниточка к проблеме нравственности, которая встает, конечно, только для не-подонков. Ибо если нет «той» жизни, если все скоро кончается, то не все ли равно, как я веду себя в «этой жизни», ведь тогда «все дозволено» — знаменитый тезис Ивана Карамазова. Но не все дозволено, если мое земное существование — еще не конец и за ним грядет расплата. Так рассуждает, видимо, верующий.

Это опора нравственности — для нравственного (т. е. испытывающего потребность в нравственности), но слабого человека — такая же опора, как страх закона для потенциального убийцы или вора. Человек не в состоянии еще найти иной опоры для нравственности, кроме страха. И это немаловажно, ибо слабых людей — не скажу большинство, но много. Так зачем отказывать им в подпорках?

Эти причины более серьезные и более длительно-действующие, чем те, о которых ты пишешь и в которых очень много просто от политической злобы дня.

Здесь, в лагере, особенно сильны все перечисленные причины, а первые две — преимущественно. Да и еще добавляется одна, на воле почти неощутимая (впрочем только почти). Это — та почва для эсхатологических настроений, которую дает религия. Для человека нет надежд, нет исхода, а здесь — надежда на «неслыханные перемены, невиданные мятежи»... Впрочем, тут религиозность уже перерастает в болезненное состояние и выходит за пределы обсуждаемой темы.

Таким образом, я согласен с тобою в том, что корни религиозности (как антирелигиозности) лежат в морально-этической сфере и здесь же должно питаться антирелигиозное воспитание. Антирелигиозное чувство может возникать только в результате ощущения

самоценности человека, *независимо* от того, чье он творение, самоценности человека, а не Бога в человеке. Это трудно, так как такая позиция требует от человека многих сил. Поэтому-то так мало неверующих — гораздо меньше, чем просто нерелигиозных.

Ты верно заметил, что верующий непременно присоединяется к некоей массе. Это верно всегда — и тогда, когда человек ощущает себя частицей мистического тела Христова — Церкви, и тогда, когда он говорит: «Я рад, что я этой силы частица, что общие даже слезы из глаз»... И, безусловно, ты прав, говоря, что и в этой, и в противоположной позициях есть свои гордыни. Которая «лучше» или «хуже» — по-моему, нельзя решить принципиально. Это — дело индивидуального выбора. Лично меня поразила своею близостью мне одна мысль Стендаля, высказанная им, кажется, в «Анри Брюларе». Стендаль говорит, примерно, так: «Я очень люблю народ. Я готов ради него на все, даже пожертвовать за него жизнью. Я не готов только к одному — жить среди него». Это и есть позиция «неприсоединения» применительно к нашей «вере».

Впрочем, опыт последних полутора лет сильно поколебал мою уверенность в том, так ли уж абсолютно мое «неприсоединение». Возможно, что вопрос лишь в том, к кому присоединиться. Думаю, что и у тебя это так, и всмотревшись в себя, ты это «присоединение» обнаружишь. Надо полагать, это в биологической природе человека, как животного общественного.

И на этом я, пожалуй, закончу это затянувшееся антирелигиозное эссе.

2. 9. 73

(Лагерь № 19, пос. Лесной, Мордовия, ПКТ [лагерная тюрьма]).

Г. С. Подъяпольский — К. А. Любарскому

Кронид, милый!... Твои упреки относительно пошлости моего взгляда на религию, вероятно, справедливы. Но отчасти (только отчасти, а не совсем). Тут тоже не исключен некоторый элемент непонимания, связанного с дефектами моего изложения. Более конкретно — злоупотреблением метафорами и аллегорией: например, говоря о непорочном зачатии, я подразумевал в сущности просто предмет любой веры вообще — и только в некоторых аспектах и более для красного словца использовал его буквальный смысл. Может

быть, отчасти ты воспринял эту аллегория чересчур буквально. Но, видимо, твой упрек больше относится не к той внешней стороне, а к сути — тут он, конечно, тоже справедлив и все же кое-в чем, в целях ничего иного, кроме истины, позволь мне сказать несколько легкомысленных возражений на твою серьезную трактовку.

Видишь ли, вера, о которой ты пишешь — это в сущности есть вера индивидуального духа, индивидуального, как отдельного индивида или человечества, — не суть в данном контексте важно. Но ведь это только одна, так сказать, идеальная сторона веры — а есть в ней и другая, реальная сторона, вера как социальный феномен, социальный фактор, вера множества индивидуумов, которых она связывает: религио, коммон, фасцию — все это слова с весьма близкой в этом смысле этимологией. А вера как феномен множества включает в себя весьма изрядную долю легковесности, как-то: преклонение перед авторитетами и священными книгами, чувственная символика с проецируемым на нее сокровенным смыслом, и прямо обезьяничанье.

19. 10. 73

К. А. Любарский — Г. С. Подъяпольскому

Из письма жене:

.....

Несколько слов о твоих замечаниях относительно веры, как феномена множества. Да, разумеется, вера во все времена (хотя не всегда и везде) использовалась как фактор социальной интеграции. Но эта функция отнюдь не является абсолютной прерогативой веры. Такова неизбежная судьба любой мало-мальски влиятельной общественной идеи. Яркий пример — национализм в лучшем смысле этого слова (кстати, исторически весьма часто национализм надевал религиозную маску). Разве национализм не является еще более (или столь же) ярким примером феномена множества?

Феномен множества — явление для человечества неизбежное в силу общественной природы вида *Homo sapiens*. В этом смысле Маркс прав, говоря, что нельзя жить в обществе и быть свободным от общества (может быть, прав именно потому, что мысль эта, в сущности, восходит еще к библейским временам). Социальные интеграторы поэтому необходимы для существования общества (случай индивидуализма, даже самого подчеркнутого, вполне сюда уклады-

ваются — речь ведь идет лишь о смене знака: то, что кажется полностью самостоятельным, как правило, просто «анти»). Очень интересные мысли о роли социальных интеграторов и о периодическом характере их возникновения, помнится, в свое время высказывал Г. Померанц в «Моделировании исторического процесса».

Исторически периоды усиления социальных интеграторов (религиозных, национальных, классовых, партийных, культурных) — всегда периоды расцвета общества. Периоды их ослабления, эрозии — периоды упадка. Именно в такие периоды и выясняется, что «гниль завелася в датском королевстве».

Таким образом, свойство быть социальным интегратором (или, как ты выражаешься, — феноменом большинства) — отнюдь не прерогатива религии, и, следовательно, *не сущность ее*. Как всякое сложное явление, она просто может выступать еще и в этой ипостаси, наряду с другими явлениями. И эта ее ипостась — отнюдь не отрицательная сторона ее, а наоборот, важное и необходимое свойство.

Естественно, что рассчитывая на массы, социальный интегратор должен выработать весь арсенал соответствующих аксессуаров, которые тоже не прерогатива религии. Примеров достаточно. Так, у национализма — это флаги и символы, национальные герои, песни, эпос (как правило, о борьбе с иноплеменным врагом и его уничтожении), даже одежда подчас и т. п. Причины концентрации такие, в общем-то, легковесные атрибуты, по-моему достаточно ясны — без них трудно рассчитывать на всеобщность интегратора. У религии мифология и символика свои, но роль их в значительной мере такова же.

Так что и здесь твоя атака на веру бьет мимо цели. Хотя причины твоего неприятия веры и атрибутов ее мне понятны и я их разделяю, но анализ твой неточен.

Как возникает атрибут социального интегратора и почему он привлекает такое внимание? Обычно это происходит так.

Возникает некая великая социальная идея, рожденная насущными нуждами эпохи. У нее тысячи питающих ее корней, без которых она немислима, нежизнеспособна. Она включает в себя целый комплекс философских, социальных, культурных, экономических обобщений, которые столь же мобильны, как мобильна питающая их среда.

Такая идея (и носители ее), естественно, желают, чтобы «идея овладела массами». Но масса на то и масса, что она не может (и это ее беда, а не вина) овладеть этой идеей во всей ее сложности и глубине. Для массы, чтобы идея ею овладела, ее нужно представить в виде небольшого числа ясных, четких лозунгов, экстрактов идеи.

Так рождаются «нет Бога кроме Бога и Мухаммед пророк его» мусульманства, «свобода, равенство и братство» французской революции и многие другие лозунги-экстракты (число таких примеров ты и сам можешь умножить). Еще более широкие массы охватывает воздействие символики, вообще не претендующей на логически осмысленное содержание (например, крест).

А дальше начинается трагедия. Оторвавшись от породившей их идеи, лозунги и ублюдочные «комиксы» этой идеи начинают жить самостоятельной жизнью. Они не меняются, не могут меняться, ибо что это за лозунг, если сегодня он звучит иначе, чем вчера? В лозунге важен даже синтаксис (вот, кстати, великолепный пример застывания лозунгов — появление «цитатников» Мао). Лозунги не меняются, а породившая их идея если не совсем уже умерла, то необратимо трансформировалась, следуя за изменениями породившего ее общества. Если на первых порах, вскоре после своего рождения, «комикс» идеи работал в том же направлении, что и сама идея, то уже по прошествии некоторого времени, когда породившая их идея изменилась, застывшая выжимка из идеи перестает играть прогрессивную роль. Она становится тормозом, а не двигателем, в лучшем случае — просто пустышкой, вызывающей у носителей новой зарождающейся идеи неприязнь, гнев или презрение.

Трагедии такого рода до сих пор в истории были неизбежны, потому что идеи рождались всегда *вне* массы, в ином социальном слое, воспринимались массой *извне*. Отсюда и необходимость адаптации идеи, ее упрощения. Поэтому особо большие надежды внушает то время, когда идея рождается *внутри* и *для* той социальной группы, которая в данный момент стоит в передних рядах прогресса. Тогда нет необходимости упрощения идеи, исчезает опасность отрыва внешних ее атрибутов от питательных корней.

Ну, об исторической роли интеллигенции мы говорили уже достаточно много, еще сидя за общим столом, и мой взгляд на нее вы знаете. Здесь я лишь хотел пояснить, в чем состоит для меня основа надежды, в чем радикальное отличие, с моей точки зрения, переживаемого нами момента от всех прошлых эпох. Хотя и тут еще у меня бродят сомнения, но все-таки, все-таки!...

Декабрь 1973

(Лагерь № 19, пос. Лесной, Мордовия, ПКТ [лагерная тюрьма])

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Читатель, видимо, обратил внимание на то, что переписка, вначале регулярная, постепенно становится все более и более редкой и неожиданно обрывается фактически на полуслове. Это не случайно.

Переписка началась в Мордовских лагерях, а окончилась во Владимирской тюрьме. Владимирский цензор и лица, его деятельность направляющие, куда менее либеральны, чем в Мордовии. Все больше и больше писем урезывалось цензурой или конфисковывалось (в иные месяцы до 90 % всей корреспонденции). Любое сообщение, выходящее за рамки банальных сообщений о благополучном здоровье, вызывало подозрения и страх.

Не минуло это и религиозно-философскую тематику. В ответ на мои протесты ко мне явился зам. начальника Владимирского Управления исправительно-трудовых учреждений (т.е. тюрем и лагерей) полковник Ларин и сообщил мне, что впредь мне ни на религиозные, ни на атеистические темы писать в письмах нельзя, так как в СССР... «церковь отделена от государства».

Полковник этот и поныне исполняет свои служебные обязанности.

Впрочем, взяв на себя инициативу окончания дискуссии, полковник сделал благое дело. Она уже фактически завершилась и кому-то надо было поставить в ней точку. Почему бы это не сделать Ларину? Не так ли?

Ознакомившись по выходе из тюрьмы с последними, не дошедшими до меня письмами этого тома, я мог бы, конечно, еще кое-что возразить. Но стоит ли это делать?

Мне кажется, позиции сторон прояснены вполне: ясно, что объединяет нас, что — разнит. На большее вряд ли можно было надеяться.

Сейчас, оказавшись по эту сторону колючей проволоки (как говорили у нас — в «большой зоне»), я не хочу воскрешать умолкшую дискуссию. Довлеет дневи злоба его. Впереди иные дела — иные споры.

2.3. 77 г.

г. Таруса

Кронид Любарский

**ПРИМЕЧАНИЯ Д-ра П. МОДЕСТО
К РЕФЕРАТУ О. СЕРГИЯ ЖЕЛУДКОВА**

К стр.

10 — Христианство — религия, основанная на учении исторического лица — Иисуса Христа — и на вере в то, что Он Сын Божий. Христианская религия (*religare* означает связывать) является связью с ее Основателем, не только в смысле следования учению, жившего в прошлом Учителя (как Будда и Магомет), но и через единение с Богом Живым, благодаря которому христиане могут преодолевать зло и становиться наследниками вечной жизни в Царстве Божием. В принятии или непринятии этого вероучения проявляется вера или неверие человека. Деление на христианство веры — «элитарное» — и христианство воли — «универсальное» — искусственно.

10 — Карл Ранер ввел термин «анонимные христиане», чтобы *помочь христианам* понимать и оценивать добро, совершающееся вне христианских Церквей, а не для того, чтобы зачислить нехристиан «по своему ведомству».

13. — Энциклика Павла VI *Humanae vitae* (о запрещении противозачаточных средств), согласно утверждению самого Папы в начале энциклики, не является документом *ex cathedra*. В ней он излагает выводы о вреде этих средств, к которым пришел после консультации специалистов в области моральной и медицинской, на основе общехристианской и естественной морали. Спор о ценности содержания энциклики далеко не окончен. Учение Папы не является специфически католическим. Константинопольский Патриарх Афинагор I «безоговорочно одобрил папскую энциклику», как сообщила парижская газета *Le Monde* (11-12 8 1968 г. № 7333, с. 7). «Я совершенно согласен с Папой, — заявил Патриарх представителю французской прессы. — Павел VI не мог принять другого решения. В его руках Евангелие, и он хочет охранить нравственный закон, интересы и существование как семьи, так и наций» (см. SOEPI — экуменическое агентство прессы и информации, 35 (1968) № 30, 22 авг., с. 6). Ту же депешу воспроизводит журнал *Informations catholiques internationales*, № 319, сент. 1968, с. 23.

16 — Правильно, только если принять принцип Первопричины. Но это уже не атеизм. Именно этот «Высший Разум» Эйнштейна атеисты отрицают.

19 — Следует различать между рациональной основой действительности и верой в Бога. Искать и найти первую — это задача и возможность разума; вера же есть акт доверия, невозможный без Божьей благодати и предполагающий рациональную основу.

ПРИМЕЧАНИЯ Д-РА П. МОДЕСТО

К ПИСЬМАМ О. СЕРГИЯ ЖЕЛУДКОВА И К. А. ЛЮБАРСКОГО

25 — Образы «научного склада мышления», предлагаемые автором (К. Л.), не очень убедительны. Например, утверждение «этот мир творит сам себя» правильно формулирует лишь происходящее в рамках эволюции *уже существующего мира*. Если же объяснять *онтологическое начало* мира, то просто нелепо считать мир самодовлеющей причиной (*causa sufficiens*) своего существования: меньшее не создает большего, неодушевленное — одушевленного.

26 — Для верующего тоже «человек ценен сам по себе». Библейское утверждение, что «человек создан по образу и подобию Божию», не отрицает ценности человека, а возвышает и обосновывает ее: конкретный человек-индивид не только «ценен сам по себе», в силу своих деяний, а ценен в силу своей созданности Богом.

27 — Научный склад мышления не необходимо ведет к таким заключениям.

27 — Этот выбор автор (К. Л.) совершает, отвергая немало аргументов, способных обосновать противоположный выбор.

28 — Утверждать, что «между религиозностью и нравственностью отдельного человека нет никакой связи» — обобщение, сделанное без серьезного исследования вопроса и потому ненаучное.

29 — Христианское понимание воздаяния подчеркивает моральную ответственность человека, каждый поступок которого имеет решающее значение для этой и будущей жизни. Бог справедлив. Поэтому каждый грех требует воздаяния. Человек украл; он должен не только исповедаться, но и вернуть нечестно присвоенное; оскорбивший должен просить прощения у оскорбленного. Если невозможно возместить ущерб, следует как-либо иначе искупить зло добром. Каждый грех является оскорблением Бога. Индальгенция есть «отпущение временного наказания», заслуженного грехом, остающегося и после прощения на исповеди; возмещением за дурной поступок может быть, напр., пожертвование на построение храма. Итак, для получения индальгенции требуется покаяние, исповедь с прощением грехов и исполнение эпитемии (молитвы и в некоторых случаях — возмещения или пожертвования на доброе дело). Индальгенция недействительна без изменения греховного образа жизни и ни в коем случае не означает «куплю вечного блаженства». Бывали злоупотребления в этой области, но это не дает основания извращать коренной смысл этого понятия. Автор не может процитировать ни одного христианского текста в пользу своего истолкования.

29 — Идея страха Божия в христианстве соединяется с идеей любви и уважения к Богу (благоговением перед Богом) и в этом контексте понятна и приемлема для всякого человека.

30 — Идея покорности Богу никак не требует «покориться не рассуждая». Бог требует от нас разумного служения (Рим 12. 1). Идея покорности отражает различие в достоинстве между человеком и Богом; она предполагает отношения любовного доверия и никак не согласуется с идеей воспитания в духе тоталитаризма. Так и изречение «Нет власти, аще не от Бога» имеет целью предостеречь человека от покорности людям, системам, идеологиям, одним словом, «кумирам», которые притязают на абсолютный авторитет (в том числе атеистическому или агностическому гуманизму, научному мышлению). История знает немало случаев сопротивления тоталитаризму по религиозным убеждениям; это происходит и сейчас в Советском Союзе.

33 — Смысл не обязательно таков. Вера не «материнская юбка», не «подпорка», а источник смысла и надежды, где отказывают тончайшие мысли «сильных людей». Этому тоже можно дать достаточно примеров в прошлом и настоящем.

36 — В поддержку обоих «предположений» приводится множество научных аргументов, и немало знаменитых ученых физиков при-

держивается мнения, что мир сотворен. Помимо физических аргументов спор решает разум; на логические рассуждения опираются и естественные науки. Логика же констатирует необоснованность мира и требует обосновывающего его Создателя: «Мир меня удивляет, и я не могу себе представить, что эти часы существуют без часовщика» (Вольтер). Все попытки доказать вечность и бесконечность творения сводятся к абсурду, с которым разум не может примириться. Научно нельзя даже утверждать, что солнце завтра взойдет.

37 — Вопрос, принципиально нерешаемый только для агностиков. Спрашивается, может ли человек разумный и ответственный оставаться на позициях агностицизма? Вопрос существования или несуществования Бога требует максимально напряженного, тщательного, терпеливого исследования; он не терпит нерешенности из-за лени или малодушия; они нередко являются глубокой основой агностицизма, сочетаясь, более или менее сознательно, со страхом за последствия и ответственность, которые повлечет позитивное решение вопроса. Не подлинная вера в Бога, а агностицизм, и еще больше атеизм, могут быть «безнравственными».

38 — Здесь кратко говорится о связи нравственности с бессмертием. Любарский считает человека лишь «частицей этого мира» и «органом самопознания мира», но не может объяснить, почему эта «частица» является носителем нравственности. Он оперирует абстракцией «человечество», следовательно, еще меньше способен обосновать нравственность индивида.

39 — Нельзя противопоставлять Бога Нового Завета Богу Ветхого Завета. В Ветхом Завете содержится и проповедь пророков, и книги Премудрости и Песнь Песней; в них представление о Боге очень близко христианскому.

40 — Цитаты Фомы Аквинского: «Как противоположное проясняется сопоставлением, так блаженные в раю увидят мучения осужденных, дабы больше радоваться своему блаженству»; «Осужденные не могут освободиться от мучения, и поэтому блаженные не могут разумно сострадать им»; «Блаженные в раю радуются не тому, что осужденные претерпевают мучения, а тому, что осуществляется правосудие Божие и что они сами спасены» (*Summa Theologica*, q. XCIV, vel XCV, art. 1, II, III, concl.).

42 — За этими рассуждениями стоит проблематика «богодуховности» Библии, которая некоторыми верующими и особенно неверующими истолковывается узко, будто каждое слово Библии про-

диктовано самим Богом (богодуховенность буквальная). Но в создании Св. Писания «Бог обращался к посредству людей, которые становились Его орудиями и при этом не утрачивали ни своей личности, ни своих характерных черт...» (Библия, изд. «Жизнь с Богом», 1977, стр. 5). Послания апостолов — это «тексты, порожденные самой жизнью, как отклик на определенные события...» (Там же, стр. 14) и имеющие определенное значение в связи с этими событиями. В Библии есть много мест, которые касаются вопроса власти; только совокупность их передает христианское учение в данной области. Напр., у Луки (22. 26) о власти высказывается основной и всегда правильный для христиан принцип — «а вы не так», который вместе со словами Христа: «Отдавайте кесарево кесарю, а Богу Божие» (Мф 22. 21) утверждает закон христианской свободы.

43 — Религия направлена и на видимое: она объясняет нам видимый мир в его основах, регулирует наше поведение в нем, побуждает нас к деятельности для улучшения видимого мира по законам справедливости, красоты и т. д.

44 — Св. Писание дает нам прообразы творческого сомнения и даже пререкания с Богом в Псалмах, кн. Иова, пророков и т. д.

44 — Если опыт митрополита Антония (Блюма) атипичен, об опыте предания сказано метко. Вообще Св. Писание все больше рассматривается как плод «переживания религиозного опыта» первыми христианскими поколениями, и это дает нам право и обязанность творчески «сопереживать» целостную правду христианства.

46 — Можно прибавить: наше согласие с религиозными истинами должно быть «разумным» (ап Павел); разум ограничен и, несмотря на все наши знания о Боге, Он останется для нас «неисчерпанным»; Бог не хочет от нас слепого повиновения; вера — это доверие, личное отношение, в котором (как во всех человеческих отношениях) не все обосновано рассудком. Доверие ведет к любви, возрастающей в процессе духовной и литургической жизни; мы обязаны постоянно очищать и углублять наше представление о Боге.

47 — Намек на цензуру.

50 — Не только дискредитация, но и попытка (то более, то менее удачная и никогда — вполне успешная) сформировать общество согласно духу Евангелия.

51 — Слово «откровение» может ввести в заблуждение. Человеку

дан также разум, при помощи которого он может убедиться в существовании Бога-Творца и высказываться о Нем в понятиях (концептуально).

57 — Все это правда, но справедливость требует признать и обратное действие моральной культуры человечества на нравственные принципы христиан.

58 — В католической Церкви установился принцип — *extra Ecclesiam nulla salus* (вне Церкви нет спасения). По теперешнему пониманию это значит, что все спасительное, где бы оно ни совершалось, пребывает в Церкви, которую Бог сделал таинством — орудием спасения всего человечества.

59 — Видение Гермы — Пастырь Ерма (Герма) написал апокрифический апокалипсис (приблизительно между 140 и 150 г).
Л. П. Карсавин. Католичество. Общий Очерк. «Огни», Петроград, 1919. Фототипическое изд. Брюссель, 1974.

60 — Существует вид атеизма, который, отрицая Бога, возводит на его место человека. Но вряд ли это атеизм К. Л.

61 — Следует различать в проблеме Бога существование /Он есть/ и суть /кто Он есть/. О Его существовании можно заключить при помощи логики и разума, суть же Его постижима лишь отчасти с помощью аналогий, антиномий и парадоксов.

64 — «Кретин» не происходит от слова христианин. Христос — греческое слово, означающее *Помазанник*. Христиане — ученики Христа. По свидетельству евангелиста Луки их стали впервые так называть в Антиохии (Деян 11. 26). Слово кретин происходит от латинского слова *creta* — мел; то, что бело, как мел (в этом смысле употребляется у Цицерона и Плиния. В 18 веке появился в Швейцарии медицинский термин *кретин* для обозначения больных *кретинизмом*, т. е. «болезнью, проявляющейся в резкой физической и умственной отсталости вследствие недоразвитости щитовидной железы» — Академический словарь; подробности см. в *Larousse médical*, Париж, 1974. Одним из внешних признаков этой болезни является бледность — до белизны — лица (от недостатка йода в организме).

65 — Это неправда. Папа не молчит о страданиях Христа (см. *Acta Apostolicae Sedis* Понтификата Павла VI).

67 — Ответ Лапласа Наполеону искажен. Когда Лаплас преподнес Наполеону первое издание своего «Изложения о системе мира», Наполеон, уже познакомившийся с трудом знаменитого астронома, сказал ему: «Ньютон говорил о Боге. Читая же вашу книгу, я ни разу не нашел Его имени». Лаплас ответил, что не нуждался в гипотезе Ньютона (согласно которой Бог восстанавливает порядок во вселенной, когда он нарушается). В следующих изданиях своей книги Лаплас приводит выдержку из *Схолии* Ньютона и дает новое подтверждение существованию Высшего Разума: «Он (т. е. Ньютон) выражает в конце своей *Оптики* ту же мысль, в которой он был бы еще более утвержден, если бы знал то, что мы доказали, т. е. что условия регулирования планет и спутников обеспечивают их стабильность». Иными словами: Ньютон доказал существование Первопричины на основании *порядка*, царящего во вселенной; к этому доказательству можно добавить еще другое — *стабильность* вселенной. Итак, Лаплас не соглашается с гипотезой Ньютона о том, что Бог восстанавливает порядок во вселенной, не потому, что отрицает существование Высшего Разума, а потому, что, как он полагает, Бог изначально вложил в Свое творение силы, способные к саморегулированию. Этим он несколько не отрицает тот факт, что эти силы зависят от Первопричины.

Лаплас был глубоко верующим человеком. Узнав незадолго до смерти, что его ответ Наполеону был истолкован в атеистическом смысле и будет в таком виде опубликован в его биографическом сборнике, он попросил своего друга Араго потребовать, чтобы издатель изъясил это толкование. Издатель не принял во внимание его желания. Вскоре Лаплас умер, призвав перед смертью двух священников напутствовать его. Об этом сообщили газеты на следующий день после его смерти (см. *La Quotidienne* от 7 марта 1827 г.; об ответе Лапласа Наполеону см. Ivan Kologrivov. *Essai d'une somme catholique contre les sans-Dieu*, Paris 1937. p. 75-77 и *Encyclopédie «Catholicisme»*, éd. Letouzeu, Paris, fac. 27 au mot «Laplace»). В этой энциклопедии указано, что сохранилось письмо Лапласа к сыну, отъезжавшему в армию: «Молюсь Богу, чтобы Он хранил Тебя. Не забывай никогда о Его присутствии и помни твоих отца и мать».

67 — Многие считают, что идея Бога «философски» необходима. Сравнение Творец - Икс, Игрек и т. д. не годится, потому что принцип соответствия между творением и Сотворившим его требует существования Творца и тем самым обнаруживает в Творце некие свойства (всемогущество, всеблагость, красоту и т. д.). Идеи и понятия могут быть ориентировочными, обозначая то, о существовании чего нам известно, но о чем мы не знаем досконально, как оно существует.

68 — Неверно, что большинство верующих ученых — пантеисты (см Биографии Иордана, Вайцзеккера, а также Р. Куртуа «Что говорят о Боге современные ученые» изд. «Жизнь с Богом», Брюссель, 1960). Многие ученые выводят идею Бога как раз «из своих наблюдений над миром».

68 — Согласно К. Л., верующий-ученый — человек неполноценный. Может быть, наоборот, неверующий ученый — человек неполноценный, потому что не дает всем своим способностям возможность оценить результат своих наблюдений. Противопоставление «Знание или вера» исходит из неправильного понимания веры, как незнания и не оставляет места, напр., для гипотезы.

70 — Правильно только отчасти. Есть же в истории нравственной культуры и уникальные явления, как Иисус Христос и Сократ.

71 — К идеям совести и красоты «прибавляется» идея Бога не потому, что «нужна палка», а потому, что так требует разум, чтобы обосновать их до конца.

72 — По определению II Ватиканского Собора, откровением «Бог восхотел явить Себя Самого и сообщить предвечное определение Своей воли о спасении людей». Это откровение началось с «прародителей», продолжается во всей истории Израиля и, наконец, Иисус Христос «завершает во всей полноте откровение и подтверждает его Божественным свидетельством». «Богу, давшему откровение, нужно принести «послушание веры» («О Божественном откровении»). При таком понимании аргументация Любарского лишается смысла. Вера как «богословская добродетель» является результатом человеческого расположения и Божией благодати; в восприятии «содержания» откровения играют очень важную роль все человеческие способности и немощи.

73 — Нельзя обобщать опрометчиво и приписывать христианам принцип: «Нехристианин не спасется», хотя его иногда и высказывают. Неправильно утверждение: верующий изгоняет в душе своей неверующего. К. Л. может судить о том, что происходит в его душе, а не о том, что происходит в душе других людей.

73 — Аргумент ничего не доказывает: ведь и свободомыслие допускает дискредитацию.

75 — Ссылка на Бога как раз обосновывает абсолютным способом

человеческое достоинство даже в том случае, когда конкретный человек ведет себя недостойно или не совершает таких больших дел, которые от него ожидает К. Л. Человеческое для верующих велико также и тогда, когда отвергает Божественный свет.

75 — Да простит мне автор, но это напоминает мне аргумент сов. безбожников: все, что мы знаем, объясняется материалистически, то, чего мы еще не знаем, будет тоже объяснено материалистически. В «недра человеческой психики мы только начинаем проникать». Это выбор на основе веры в самодовлеющую мощь материи.

75 — Лаплас — см. выше, прим. к стр. 67.

75 — Никакой христианин не имеет права обречать кого-либо на «загробную погибель». Один Бог судит каждого человека согласно его личной совести.

76 — Диалог получается даже очень интересный.

78 — Ссылаться на «океан духовных ценностей», созданный предыдущими поколениями, значит только отодвигать вопрос об источнике этих ценностей, поручать объяснение механизму эволюции. Тогда возникает вопрос: совершает это эволюция слепая или руководимая Идеей?

79 — И верующий принимает «реальность», считает этот мир прекрасным, но с оговорками, как делает, между прочим, и К. Л. Последний приписывает верующим как таковым лишь апокалиптическую установку. Христианская же установка — эсхатологическая; она реалистична, поскольку принимает настоящий мир, динамична, поскольку направлена на его усовершенствование, оптимистична, поскольку служит его преобразованию.

80 — Проблему несовпадения не решает история, для которой непосильна функция «высшего судьи». «Несовпадение» было и есть действительно «духовная опора» и факт, заставляющий размышлять о морали и о Боге.

82 — К. Л. по праву высоко оценивает еврейскую культуру, но она дала человечеству, кроме «рационализма», и религиозную мистику. Что же касается идеи «сомнения, незавершенности, эволюции» — это общее достояние евреев и христиан. Стоит лишь вспомнить, что в начале западной христианской философии стоят трактаты: «Sic et non» («Да и нет»), «Cur Deus homo?» (Почему Бог стал человеком?) или такие тезисы, как «Videtur quod Deus non est» (Бога как будто нет).

83 — Именно идея воплощения единого Бога, действуя гуманистически и освобождающе, устранила распространенный в то время обычай обожествлять царствующих лиц. Это действие несколько ослабевало в средневековье, когда христиане пытались придавать земному царству черты Царства Божия. Оно показало и проявляет в новое время свою революционную силу, что признают и неверующие. Называть столкновения между Гитлером и католицизмом «борьбой конкурентов, а не соперников» — интерпретация автора, с которой даже многие неверующие не будут согласны. Кроме того, нельзя игнорировать борьбу против гитлеризма отдельных немецких католиков и протестантов, поплатившихся за это своей жизнью. Это не назовешь соперничеством тоталитаризмов. Обожествление Папы — совершенно необоснованное утверждение.

84 — Помимо инсинуации, здесь обнаруживается другой пробел в гуманистической конструкции К. Л. В нее не включается возможность покаяния после греха, прощения, обращения и жизнеустройства на других началах.

91 — О. Сергей правильно обращает внимание корреспондента на задачу верующего свидетельствовать понятными для всех словами о своей вере.

99 — Идея жертвоприношения — лишь один из способов охарактеризовать искупительный подвиг Иисуса Христа.

100 — Здесь затрагивается очень деликатный и существенный пункт, хотя и не высказанный Любарским. «Покаяние» и «комплекс вины» по сути своей обозначают для верующего христианина не унижение человеческого достоинства, а недовольство достигнутым, сознание неосуществленных возможностей, лежащих в глубине души человека, стыд за собственные погрешности, порыв к самоусовершенствованию, широту души в оценке слабостей других людей. Одним словом, реализм в самооценке и готовность работать над собой и на пользу других. Приписывать эти качества верующему — не значит отказывать в них неверующему, но определить разную основу установок.

108 — «Парадоксальность» недостаточный аргумент, чтобы считать христианство «единственной полноценной религией».

109 — Явный ляпсус от восторга пишущего письмо.

110 — О Лапласе см. прим. к стр. 67.

112 — Si quis dixerit Deum unum et verum, Creatorem et Dominum nostrum, per ea quae facta sunt, rationali rationis humanae lumine certo cognosci non posse, anathema sit (Кто говорит, что Бога единого и истинного, Творца и Владыку нашего, нельзя достоверно познать через творение естественным светом человеческого разума, да будет осужден). Форма «анафемы» воспринята из традиции первых вселенских соборов: главное здесь признание силы естественного разума и доверие к нему.

117 — Эмоциональная реакция Подъяпольского, союзника К. Л., ставит верующим вопрос, почему некоторые верующие производят такое впечатление на неверующих. Справедлив его протест против тех, кто хочет причислить к христианам атеистов (мы уже уточнили значение выражения «анонимные христиане»). Неверно, что христианину нельзя сомневаться: например, он, достигнув уверенности в «существовании» Бога, должен рассмотреть все возражения, которые он встречает на своем пути, следуя своей совести (честность!), даже если она решает против Бога. В самой вере — громадный простор «ревизионизму». Кроме «четырёх разумных ответов», возможны и другие, более разумные. В другом письме Подъяпольский критикует К. Л. за «материалистичность и биологичность» его морали и за «догматизирование выбранных (им) причин».

125 — См. сказанное выше о разнице между эсхатологией и апокалиптикой.

131 — См. вышеизложенное значение принципа: вне Церкви нет спасения. Добавим еще, что милосердный Бог сделал Церковь орудием всеобщего спасения, поэтому мы не можем установить границы Его Церкви, исключить кого-либо из нее по нашим человеческим соображениям.

132 — В этом смысле II Ватиканский Собор говорил об «иерархичности истин веры».

136 — «Абсолют» в себе непостижим человеком в своей абсолютности. Поэтому верующий не может раз и навсегда «обладать» Им, считается с возможностью потерять Его, хотя, в своем статусе верующего, боится этого: никто не желает потерять то, что он считает своим высшим сокровищем. У верующего «презумпция возможности изменения собственной позиции» выражается в том, что он, вникая в аргументы неверующего, подвергает испытанию и проверяет собственные убеждения.

138 — Здесь К. Л. безапелляционно отождествляет научное мышле-

ние с материалистическим.

143 — Хотя «схема» К. Л. привлекательна и интересна, ему следует все-таки поставить несколько вопросов:

— как он мыслит «бесконечность» хотя бы «качественного разнообразия»? Бесконечность не получается суммированием конечных.

— На каком основании он отождествляет религию, философию и искусство с областью непознанного? Накопленные в течение истории знания «вытесняли» религию (точнее, религиозное объяснение) из областей, не составляющих сущность самой религии, и одновременно давали новые аргументы, напр., в пользу существования Бога, как это доказывает наличие новых и новейших ученых-верующих на высоте современных научных знаний.

— «индивидуальный мир» К. Л. содержит «элементы веры». Он есть «результат экстраполяции тенденции развития науки». Это многозначатее признание.

144— Требование индивидуального бессмертия идет гораздо дальше сохранения только одного имени, напр., для философа и математика Канта оно есть один из трех постулатов «практического разума».

148 — После всех попыток снизить нравственность до уровня инстинкта самосохранения (рода, если не индивида) сам автор оговаривается, внося в дискуссию «разум». Во-первых, выводить разум из ненаправляемой эволюции — миф; во-вторых, разум не укладывается в категории природного инстинкта, потому что не подчиняется автоматически велениям интереса рода, рассуждает о сохранении (разрушении) устройства не только непосредственно окружающего его мира, но всего Мира, ищет знания ради знания и наслаждается им, обнаруживает несоответствие между данным и должным — что является одним из источников морали и т. д. Вскользь: восхищение «нравственностью» животных есть еще один элемент личной мифологии автора.

151 — Когда К. Л. пишет, что у человека то же самое, как у животных, но «неизмеримо сложнее», он сам употребляет метафорический язык, направленный на максимальное сближение (до отождествления) морального поведения человека с поведением животных.

152 — Откровение *не* непосредственно, *не* внечувственно, *не* вложено в душу человека. Напр., согласно II Ватиканскому Собору, Бог «дает людям в сотворенном мире постоянное свидетельство о Себе». Кроме того, желая открыть путь спасения Свыше, Он изначально

явил Себя Самого нашим прародителям», затем Аврааму, Моисею и пророкам, и наконец «послал Сына Своего, т. е. Предвечное Слово, просвещающее всех людей...». Человек воспринимает откровение «послушанием веры» или не принимает на основе своей свободы.

152 — Сущность первородного греха в том, что человек — сотворенное существо, явившееся в уже созданный мир, неспособное повелевать силами природы и разрешить кардинальную проблему своего существования — проблему жизни и смерти, — претендует «быть как боги, знающие добро и зло» (Быт 3. 4), быть «демиургом», «мерой всех вещей». В связи с этим представляет определенный интерес книга «Комплекс Бога» немецкого психолога Рихтера, описавшего все повторяющиеся попытки людей ставить себя на место Бога (или — для неверующих — того, кто или что обычно обозначается этим словом).

На самом же деле человек может правильно осознать смысл своей жизни только признав себя существом сотворенным и осознав границы своих возможностей. Смысл жизни был открыт нам Творцом: таинственным образом Он «просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин 1. 9) и дает познать Себя людям в Откровении, содержащемся в полноте в Библии (Ветхий и Новый Завет). Библия сообщает нам, что Бог создал человека «по Своему образу и подобию», чтобы властвовать «над всею землею» (Быт 1. 26), в то же время пребывая в подчинении Богу. Творец одарил человека свободой и указал ему царственный путь исполнения Его заповедей. Если человек отвергает зло и делает добро, он исполняет свое призвание — быть сыном Божиим и наследником Его вечного Царства. В противном же случае он становится негодным Богу и «не наследует Царства Божия» (1 Кор 6. 10).

Однако человеку не удастся следовать по этому пути с помощью своих собственных сил. Соблазненный дьяволом, он избрал и продолжает избирать то, что «хорошо для пищи и приятно для глаз» (Быт 3. 6), как если бы он был властелином земли, а не венцом творения Божия (ср Евр 2. 7). Вспомним скорбные слова Экклесиаста: «Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы» (7. 20). «Доброго, которое хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим 7. 19), — констатирует в свою очередь апостол Павел. И каждый человек может это осознать на своем жизненном опыте. Первородный грех коренится таким образом в глубине человеческого сознания. Можно сказать вслед за Бердяевым: «Грехопадение есть религиозно-метафизический, а не моральный факт, оно лежит неизмеримо глубже моральности и частного явления человеческой психики. Грехопадение совершилось в глубине мистической

стихии мира, это таинственный факт метафизической свободы, разрыв бытия и порабощение его частей, а не нарушение моральной законности». Ключевой текст ап. Павла о первородном грехе также можно интерпретировать в аналогичном смысле: «потому что... все согрешили» (Рим 5. 12).

Только Бог мог избавить человека от этого трагического состояния. Он «так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин 3. 16). Богочеловек Иисус Христос научил людей Истине — о Боге, о смысле человеческой жизни, о добре и зле. Он был послушен Отцу даже до смерти крестной (Флп 2. 8) и призвал людей свободно ответить на отеческую любовь Божию сыновней любовью: «совлекшись ветхого человека», злоупотреблявшего данной ему свыше свободой, «облечься в нового человека» (Кол 3. 9-10), живущего верою и любовью к Богу и любовью к ближнему. Избавив нас от власти зла, Он вернулся в лоно Отчее и послал нам Духа Святаго (Ин 16. 7), продолжающего просвещать нас и дающего силу жить по заповедям Божиим.

155 — Эта языковая разница свойственна русскому языку. Что стоит аргумент в рамках европейских языков, незнающих этой разницы?

156 — Подъяпольский прав в этом суждении, но неправ в утверждении, что на верующих налагаются табу сомнения. Серьезная богословская литература опереживает все возникающие сомнения и отвечает на них то более, то менее удачно.

161 — Христиане знают об этом и видят в этом аргумент в пользу *общечеловеческого* значения собственной религиозной интерпретации данного момента.

162 — Здесь было бы нетрудно составить русский список «духовных взлетов» — от Рублева до Рахманинова и Солженицына.

184 — Автор игнорирует, например, разные Мистерии, столь распространенные в греческом и римском мире и до начала нашей эры, искания греческих мыслителей, таких как Сократ, мистику индуизма и буддизма — в которых чувство страха сочеталось с чувством любви. Греко-римская поэтическая мифология не выражает в полной мере религиозность античного мира.

187 — Следует различать обожение человека и Воплощение Бога.

Первое было широко распространено в античном мире и на этой основе обожествлялись монархи и вожди. Второе — христианская идея — касается *Единого* Бога, любящего нас и захотевшего разделить с нами Свое вечное блаженство. Как раз Воплощение уничтожило почву для обожения человека, в том смысле, который придает ему К. Л.

187 — Паскаль написал: «Чудеса помогают различению учений, а учение различению чудес». В чуде главное не вызов естественным законам, а суть действенных знамений Божиих, которые свободный человек может принимать или отвергать. Сведение чуда к «чепухе» игнорирует суть знамения, присущую и преобладающую в чуде, и возводит «законы природы» в идол.

191 — «Непорочное зачатие» служит каламбуром Любарскому и Подъяпольскому и употребляется «для красного словца» без понимания подлинного значения этих слов. По католическому учению — Пресвятая Дева Мария в *Своем* зачатии была предохранена от «осквернения первородным грехом», т. е. не была лишена освящающей благодати, данной нашим прародителям в раю, но утерянной ими. Это касается не физиологической действительности зачатия, к которой она причастна, как все люди, а благодатного Ее назначения в будущем — быть Матерью Сына Божия. Слова «непорочное зачатие» никак не унижают «обыкновенное» зачатие.

194 — *Credo quia absurdum* — эти слова неточно воспроизводят утверждение Тертуллиана (*De carne Christi*) и ошибочно приписываются св. Августину, который учил, что вере свойственно верить, не нуждаясь в доказательствах.

195 — Как и в случае отречения апостола Петра, здесь также игнорируются понятия покаяния, прощения, обращения. Никакого возвышения порока до святости здесь нет.

Л. МОРРЕН

РАЗМЫШЛЕНИЯ ВЕРУЮЩЕГО УЧЕНОГО О ПЕРВОМ ПИСЬМЕ К. А. ЛЮБАРСКОГО

О профессоре Л. Моррене и его книге «Бог свободен и связан» см. Логос 1976, стр. 102-110; его интервью на тему «Существует ли Бог?» напечатано в Логосе 1974 г., стр. 111-115, а статья «Значение чуда для современного человека» в Логосе 1976, стр.111-116.

Письмо Любарского хорошо и благородно; автор справедливо притязает на право быть тем, кто он есть. Его позиция ученого-атеиста будет хорошо понята всеми учеными. В основе же его разобщения нравственности и религии лежит опыт, который пережил не только он. Однако, в каждой из этих двух сфер, науки и нравственности, верующий ученый ощущает недостаточность, неполноту, что побуждает его изложить свою точку зрения.

Отметим прежде всего, что Любарский очень часто говорит о христианстве, но никогда не говорит о Христе. Между тем, без Христа невозможно понять ни сущности христианства, ни деятельности лучших христиан. Часто христиане ведут себя не лучше неверующих, иногда даже хуже, что, на наш взгляд, весьма прискорбно, но ведь Христос сказал, что Он пришел для

грешников. Грехи христиан — печальная реальность, но из-за этого мы не должны забывать, что, наряду с соблазнами, как например инквизиция, на которые Любарский указывает, на всем протяжении истории христианства было немало мужчин и женщин, которые самоотверженно, даже героически служили своим братьям и делали это, следуя примеру Христа. Это святые, известные и неизвестные.

Что же было движущей силой их альтруистической деятельности? Ценность, не принадлежащая научным категориям, но эта ценность — ключ к пониманию деятельности и откровения Христа; имя ей — Любовь. Христос открыл нам своим учением и жизнью не только, что Бог существует, — это не подвергалось сомнению в Его эпоху — но прежде всего, что Бог — Отец и *наш Отец*, любящий нас в такой мере, что Он призывает нас быть участниками Его жизни. Конечно, все это кажется странным, даже мифическим для современного ума, сформированного наукой. Научная картина мира прекрасно представлена Любарским. Человек составляет часть этого целого и Любарский отводит ему высокое место: он орган самопознания мира. Этот человек должен заменить идолов: не существует ничего ни вне его, ни рядом с ним.

Если христианское мировоззрение правильно (примем временно эту гипотезу), становится ясно, что человек представляет собой ценность еще более высокую, так как благодаря Воплощению он становится причастным Божеству; Богочеловек Христос умер из любви к нему. Но если это потрясающее событие произошло, оно должно было оставить следы в истории, следы, направляющие человека к этому центральному Очагу. Такие следы существуют; их можно найти и опознать. Каким образом? Встречаясь с фактами, свидетельствующими, что они порождены духом Христа, Который никогда не желает нас принуждать, ибо уважает нашу свободу. Поэтому в этих фактах отсутствует всякий рекламный и принудительный элемент: они являются лишь проявлением любви Христовой.

Если будет сделано усилие, чтобы найти эти следы, объективное исследование укажет, что существуют факты, может быть и странные в глазах ученого, вся ценность которых в глазах христианина определяется таящимся в них смыслом. При правильном понимании этого смысла станет очевидным,

что они направляют ко Христу как к своему первоисточнику.

Эти странные явления, чаще всего являющиеся камнем преткновения для ученого, в первую очередь склонного их отрицать, называются чудесами. Однако серьезное исследование этих явлений не позволяет отстранить их как не имеющих основания. Они суть знамения, иначе говоря, факты-носители смысла.

Для христианина элемент, шокирующий ученого, не находится в центре внимания: чудо всего лишь сигнал. Более того, некоторые быстрые, даже моментальные исцеления (самым тщательным образом научно удостоверенные), не столько нарушают естественные законы, сколько открывают высшую сферу познания. Христианское чудо не есть просто диковинка! Действительная ценность знамения, носителем которого является чудо, — в том, чтобы удостоверять реальность той высшей сферы, которой наука пренебрегает и, еще более в том, чтобы свидетельствовать, что эта высшая сфера тождественна с той, которую нам открыл Христос. Ибо христианское чудо, как и сам Христос, всегда открывает нам бескорыстную любовь Бога и обращается к нам, людям, состоящим одновременно из материи и сознания, в двойном регистре — материальном и духовном.

Конечно, необходим духовный свет, чтобы открыть все это, и именно этот свет братски и горячо мы желаем К. Любарскому.

*Л. Моррен, проф. электро-
техники Лувенского У-та*

ЭКУМЕНИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В реферате о. Сергия *Церковь доброй воли или христианство для всех* несколько страниц посвящено экуменизму. Под экуменизмом (от греч. — ойкос: дом; ойкумене: вся обитаемая земля) принято понимать деятельность христиан, направленную на их сближение с целью соединения в единой Церкви (православное и католическое понимание) или в конфедерации Церквей, сохраняющих свои доктринальные особенности, но стремящихся к взаимопониманию и взаимопомощи (протестантское понимание). Такая конфедерация была основана в Женеве под названием *Всемирный Совет Церквей (ВСЦ)*. В него входят около 300 Церквей, или *деноминаций* (в православном и католическом понимании Церковь немислима без иерархии и наименование *деноминация* (англ. denomination) более подходит к различным общинам, образующим ВСЦ).

Проблема экуменизма не имеет прямого отношения к диалогу о христианстве и атеизме. К. А. был несомненно прав, отклонив обсуждение церковных вопросов, но мы, ученики Христа, не можем обойти вопрос единения христиан. Разделение христиан — рана на теле Церкви. Она продолжает кровоточить, ослаблять организм Церкви и замедлять его рост.

О. Сергий не надеется на преодоление вероисповедных разногласий: *разделением не видно конца, ибо никогда уже католики не откажутся от принципа Папского главенства в мировом христианстве, и никогда не согласятся с этим другие христиане Востока и Запада.*

На самом деле положение не так безнадежно, как себе его представляет о. Сергий. В прошлые века христиане разных исповеданий стремились прежде всего доказать, что они правы. Происходили своего рода *богословские турниры*, отнюдь не способствовавшие сближению. С тех же пор, как во главу угла был поставлен *духовный экуменизм*, т.е. молитва об единстве, открылся путь плодотворного богословского диалога.

Постепенно христиане поняли, что главное не в том, чтобы отстаивать свою позицию или, скрепя сердце, уступить в чем-нибудь другим, а в том, чтобы вместе искать волю Божию, благую и совершенную (Рим 12. 2), об исполнении которой Христос заповедал нам всегда молиться. Он Сам на Тайной Вечери молился об единстве Своих учеников. Следовательно, в замысле Божиим о Церкви содержится возможность осуществления единства.

Уже в конце XIX в. Лев XIII предписал девятидневное моление — *новену Святому Духу* — от Вознесения до Пятидесятницы, полагая, что период церковного года, когда апостолы, собранные в Сионской горнице вокруг Пресвятой Богородицы, молились о ниспослании Святого Духа, наиболее подходит для молитв о восстановлении единства. Эта *новена* не получила такого широкого распространения, как *октава молитв о единстве христиан* (с 18 января, дня почитания вериг ап. Петра в римской Церкви, по 25 января, дня празднования обращения ап. Павла), установленная в 1908 г. двумя англиканскими священниками: о. Спенсером Джонсом и францисканцем о. Павлом Ваттсоном.

В начале, особенно после присоединения к Риму общины о. Ваттсона, появилась опасность, что *октава*, как и *новена*, останутся замкнутыми в рамках католической Церкви и движения англиканских прокатоликов. «Как можем мы молиться о том, чтобы нас поглотили католики?» — восклицали протестанты. Этот камень преткновения удалось обойти, главным образом, благодаря тому направлению, которое дал экуменическим усилиям французский священник о. Поль Кутюрье. Он призывал всех христиан молиться так: *Да осуществится единство христиан, согласно воле Христа, в то время и теми путями, какими Он пожелает. Христианское единство, — писал он, — есть начинание, превышающее человеческие силы; оно будет великим чудом Божественного милосердия и об этом чуде должны молиться все христиане, ибо все, в той или иной степени, виновны в разделении. Ко Христу он обращался с мольбой: Да будут все едино... Я, грешник, молюсь Тебе Твоей молитвой. Твоя молитва — мое единственное утешение. Когда? Как будет осуществлено единство? Какие препятствия надо преодолеть? Это Твое дело; вера обязывает меня только молиться с Тобой, в Тебе, чтобы осуществилось Твое единство, которого Ты всегда желал и которое Ты уже давно бы осуществил, если бы все, и я в том числе, не препятствовали Твоему свету сиять в мире.*

Благодаря молитве, — объяснял он, — создается атмосфера любви, а эта любовь — необходимая предпосылка экуменического взаимопонимания и действия.

Призывы о. Кутюрье не остались тщетными. Его понимание *октавы* оказались ключом, открывшим двери для участия в ней *всем христианам*, по словам шведского пастора Розендаля. *Великая мистическая сила о. Кутюрье*, — говорил он, — *его вера в победоносную силу молитвы*. Откликнулись многие монашеские ордена разных исповеданий и таким образом *создался невидимый монастырь* — тысячи монашеских общин, постоянно молящихся о единстве. Молитвенный порыв захватил и мирян: от христиан всех деноминаций стало возноситься одновременно к небу моление о преодолении разде-

лений и единении во Христе.

Из православных иерархов первым согласился принять участие в *октаве* митрополит Евлогий. Некоторые профессора православного богословского института св. Сергия в Париже, В. Зандер, П. Ковалевский и др., также горячо приветствовали деятельность о. Поля Кутюрье.

Параллельно с распространением январской недели молитв зарождалось экуменическое движение в протестантском мире: в 1910 г. в Эдинбурге на мировой конференции миссионерских обществ китайский делегат *Молодых Церквей* (недавно основанных) обратился к участникам конференции с проникновенным словом. Он выразил глубокую благодарность миссионерам, принесшим им свет Христова учения, но умолял не связывать распространение Христианства с разделениями, происшедшими на Западе и служащими главным препятствием деятельности миссий на Востоке. Его слова произвели потрясающее впечатление и породили вопрос: не следовало ли предпринять все возможное, чтобы предотвратить в будущем этот соблазн? Этот день можно считать днем рождения протестантского экуменического движения.

Вскоре лютеранский шведский архиепископ Содерблум стал ревностным поборником движения и предложил создать Совет Церквей для изучения возможностей сближения между христианами. После интенсивной подготовки в разных странах он созвал конференцию в Стокгольме (1925 г.), чтобы выработать программу практического христианского делания (*Life and work*). На этом съезде была осознана необходимость создать другой Совет — для изучения доктринальных вопросов (*Faith and order* — вера и устройство). Этим вопросам были посвящены конференции в Лозанне (1927 г) и в Эдинбурге (1937 г.), тогда как Совет *Life and Work* заседал в Оксфорде (1937 г.).

На Эдинбургской конференции участники провозгласили свою веру в Иисуса Христа и решимость повиноваться его воле и проголосовали *petite contradictente* (единогласно), что они хотят соединиться для служения Господу Иисусу Христу:

Мы едины в признании Иисуса Христа воплощенным Словом Божиим, Главой Церкви, Царем царей и Владыкой владык. Мы едины в признании того, что повиновение Ему выше всякого другого, которое могли бы от нас потребовать; что наше единство укоренено в Самом Иисусе Христе, жившем, умершем и воскресшем, чтобы привести нас к Отцу, и пребывающем в Своей Церкви посредством Святого Духа. Наше единство является единством сердца и ума. Следует признать, что мы разделены во внешних проявлениях нашей жизни во Христе, ибо понимаем по-разному Его волю о Церкви. Однако мы полагаем, что более глубокое понимание (тайны Церкви) приведет нас к одному для всех пониманию истины, какова

она есть в Иисусе. Мы смиренно признаем, что наше разделение противоречит воле Христа и молим Бога сократить в Своей милости дни нашего разъединения и привести нас Своим Духом к полному единству.

Никогда еще в предыдущие столетия не было так ясно выражено членами стольких протестантских деноминаций стремление безоговорочно и единодушно служить Иисусу Христу, не прозвучала такая смиренная молитва к Богу о даровании полноты единства.

Движение продолжало развиваться: в 1946 г. был организован в Женеве временный центр ВСЦ, а в 1948 г. в Амстердаме обе ветви движения соединились. Постоянной резиденцией ВСЦ избрали Женеву. В этом Совете преобладает протестантское влияние, что иногда порождает недоразумения в связи с различием традиций и умонастроений. Православная Церковь принимает в его работах деятельное участие (греческая и русская Церкви имеют своих постоянных представителей при ВСЦ), а после II Ватиканского Собора наладилось сотрудничество и с католической Церковью. Конференции продолжают созываться в разных странах, ведут работу комиссии, происходят совещания, организуются моления и доклады в период январской *октавы* и т. д. Возможность непосредственного общения и ознакомления со взглядами разных конфессиональных групп является положительным фактором этих встреч. По словам многолетнего генерального секретаря ВСЦ Виссер'т Хоофта: *Когда Церкви встречаются, совершается что-то положительное. Дух вещает и что-то хочет выразить через посредство Церквей.*

Распространение январской Октавы способствовало постепенному сближению католиков с другими христианами. Темп экуменических работ значительно ускорился со времени созыва II Ватиканского Собора. Иоанн XXIII ценил деятельность о. Кутюрье и горячо молился о единстве во время Октавы. Решение созвать Собор, своевременность которого сознавали его предшественники (I Ватиканский Собор был прерван военными действиями в 1870 г.) было им принято во время Октавы 1959 г. (ровно через 50 лет после ее принятия Римом). В период Собора в Риме был учрежден Секретариат по делам христианского единства, продолжающий и теперь активно содействовать сближению христиан. Собор закончился радостным событием — обоюдным снятием анафем, провозглашенных в XI в. римской и константинопольской Церквами.

Как бы ни были велики трудности на пути к единству, процесс сближения необратим. Каждый год наблюдается прогресс в сфере межконфессионального общения (напр., миссионерской деятельности) наряду с неизбежными затруднениями и срывами. Невозможно предвидеть, когда наступит желанный час осуществления единства, но мы, несомненно, на правильном пути: единство осуществится

не посредством компромиссов, а благодаря верности каждому своему призванию. Иоанн XXIII, принимая проф. Н. С. Арсеньева, сказал ему: *Знаете ли Вы, из чего я исхожу? — из первых трех прошений молитвы Господней — да святится имя Твое, да придет царствие Твое, да будет воля Твоя! Если Его имя будет прославляться в нас — православных, католиках, протестантах — и через нас, если придет к нам и будет царствовать в нас и руководить нами Его царство, если Его воля будет твориться в нас и через нас — тогда мы будем все едины.*

Папа Иоанн-Павел II — такой же ревностный поборник единства. Он подчеркивает ответственность всех христиан: *имеем ли мы право оставаться разделенными?*

Хотя суждение о. Сергия об экуменизме носит отпечаток дезинформации, можно согласиться с его утверждением, что протестантских теологов, не признающих за «Иисусом Божественного достоинства», следует «вынести из сектора христианства веры». Но считать баптизм в Сов. Союзе «самой худой, для некоторых прямо-таки отвратительной формой христианства», — совершенно ошибочно. Именно в Сов. Союзе баптисты проявляют удивительную стойкость и «верность (Христу) до смерти» (Откр 2. 10) и оказывают положительное влияние на нравственность молодежи. Такие исповедники Христа, как Винс, Крючков, Иван Моисеев, Скрипникова, Хмара и многие другие, вызывают у нас глубокое уважение и симпатию. Некоторым баптистам действительно свойственна известная узость взглядов, но следует признать, что львиная доля их усилий затрачивается на проповедь Христа среди безбожников. В этой области они обычно с радостью сотрудничают с христианами других деноминаций: «Конфессиональные перегородки оказываются незначительными вокруг Учителя, Который объединяет» (из письма в редакцию). На Западе такие институты как Keston College в Англии, Licht im Osten в Германии, Glaube in der 2. Welt в Швейцарии, Russia for Christ и Slavic Gospel Association в США служат неоспоримым доказательством возможности сотрудничества на ниве Христовой.

В суждении о. Сергия о православии следует отметить известную догматическую расплывчатость. Так например, он утверждает, что «Православие сохраняет в неприкосновенности догматическое наследие неразделенной Церкви: Символ веры IV века, да Постановления соборов в V и VII вв... Вот и все наши догматы»; но тут же он объясняет, что слова Символа веры «И восшедшаго на небеса, и сидяща одесную Отца» могут быть истолкованы только образно... говорить о натуральном телесном «полете» Христа «через стратосферу» (есть еще у нас и такие эксцентрики) — сегодня просто кощунственно».

Итак, считая себя подлинно православным, о. Сергий не считает для себя обязательным признавать все истины Символа веры. Признавая всемогущество Бога, Его власть над жизнью и смертью, проявившуюся в Воскресении Христовом, он как бы игнорирует факт явлений Воскресшего в видоизмененном теле. Апостол Павел, говоря о переходе человеческого тела в жизнь вечную, объяснял коринфянам: «При воскресении мертвых сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в унижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное» (1 Кор 15. 42-44), становящееся причастным новому творению. Однако связь с прежним телом не нарушается и таким образом сохраняется единство личности.

Почему Вознесение Христа смущает о. Сергия? В период запуска первых спутников антирелигиозная пропаганда торжествующе сообщала, что Гагарин «всю вселенную облетал, нигде Бога не видал». Быть может, это травмировало о. Сергия. Реагируя на такое примитивно-материальное представление о Боге, он противопоставил ему представление духовное, вследствие чего даже Вознесение Господне, понимаемое им как «материальный полет Христа через стратосферу», показалось ему «кощунственным». Можно предположить, что он не размышлял над вышеприведенными словами ап. Павла (1 Кор 15) и не обратил внимания на места Евангелия, где описываются явления Воскресшего Христа и говорится о теле, неподвластном законам материи (см. Ин 20. 19: «когда двери дома, где собирались ученики Его, были заперты из опасения от иудеев, пришел Иисус, и стал посреди»...). В момент Вознесения Христос покинул Своих учеников несколько иным образом, чем в первый день Воскресения, чтобы знаменовать завершение своей миссии на земле: Он «исполнил смотрение Божие и соединил земное с небесным» (кондак Вознесения). Выражение «восшедшаго на небеса» является в известном смысле метафорой, означающей, что богочеловеческая природа Христа освободилась от условий человеческого существования на земле и стала причастной к полноте славы Божией, что с этих пор в лоне святой Троицы стало биться человеческое сердце.

Между Вознесением Христа, «нового Адама», и Успением (лат. *Assumptio in coelis* — взятием на небо) Пресвятой Богородицы, «новой Евы», существует тесная связь. Этим и объясняется отрицательное отношение о. Сергия к «новому догмату о телесном вознесении Богоматери», который в наше время «преподнес нам Папа». На самом деле, праздник Успения Пресвятой Богородицы является самым древним из установленных Восточной Церковью Богородичных праздников. С первых веков христианства праздновалась годовщина кончины мучеников как их *dies natalis* — день рождения в Царстве Небесном.

Естественно предположить, что и годовщина «рождения» для вечной жизни Богоматери праздновалась апостолами и последующими христианскими поколениями. Свидетельства об этом праздновании восходят к пятому веку. В конце шестого века византийский император Маврикий велел праздновать «Успение Божией матери» во всей империи. В слове об Успении, приписанном св. Модесту Иерусалимскому, ясно утверждается, что Дева Мария в силу своего Богоматеринства не была подвержена могильному тлению. То же убеждение разделяло большинство богословов того времени, например, св. Герман, патриарх Константинопольский, и св. Иоанн Дамаскин. В Галлии в связи с принятием восточного праздника Успения в VIII веке возник вопрос о воскресении и прославлении тела Божией Матери.

Предание Восточной Церкви, особенно литургическое, имело первостепенное значение для разрешения этого вопроса. Ведь великие богословские достижения в области христологии и мариологии нашли свое выражение в литургических песнопениях, так что некоторые гимны в честь Пресвятой Богородицы прямо называются *догматиками*, настолько отчетливо выражены в них догматические определения первых вселенских соборов. Так, накануне Успения Церковь поет на утрени: «Иисус, пребожественной славы Господь, от Твоего чрева рождейся за милосердие, Сам Тя престаи от земли, Богомати, с душою и телом» (14 авг. на утрени, канон, песнь 5). Столь же ясно поем на утрени 15 авг.: «Да провождают невещественнии чинове небожественное в Сион божественное тело Твое, внезапно же стекшеся апостол множество от конец, Богородице, к Тебе предсташа абие: с ними же Чистая, Твою честную, Дево, память славим» (Канон, песнь 1). «Дает Тебе, яже превыше естества, Царь всех Бог: в рождестве бо Деву якоже сохрани, тако во гробе тело соблюде нетленно, и спрослави божественным преставлением, честь Тебе, яко Сын Матери, даруя» (Песнь 6). «Егда преставление пречистаго Твоего тела готовляшеся, тогда апостоли, обстояше одр, с трепетом зряху Тя...» (15 авг., на утрени, стихира на Пс 50). В этих песнопениях содержится вся тайна Успения: смерть, гроб, славное Вознесение с телом.

Успение Богоматери также запечатлено в византийской и славянской иконописи. В XI в. основные черты композиции Успения в греческой иконописи являются уже окончательно закрепленными. Центральную часть изображения занимает одр, на котором покоится тело Пречистой. В ногах и у изголовья одра — две группы апостолов. В центре — Господь Иисус Христос: Он стоит, держа в руках пречистую душу Своей Матери, представленную в виде младенца в пеленах.

Деталь фрески в церкви Богоматери сербского монастыря в Студенице (1314 г.). Апостолы и благочестивые жены полны удивления при виде пустого гроба Божией Матери. Этот сюжет часто воспроизводится в восточной иконографии, подтверждая веру в Вознесение Пречистой в Царство Небесное.

В XIII в. наиболее интересным и важным нововведением, одновременно как на Востоке, так и на Западе, является присоединение к Успению изображения Восхождения Пресвятой Богородицы на небо. Мы находим его, напр., на дверях кафедрального собора в Суздале: оно выгравировано на бронзе золотыми линиями. Из сербских фресок XIV в. очень многие изображают весь цикл событий, относящихся к Успению-Восхождению на небо Пресвятой Богородицы.

Итак, восточная литургия, как и восточная иконопись, ясно показывают, что истинно-православная вера в этом вопросе вполне согласна с католическим исповеданием, определенном в 1950 г. папой Пием XII. Пресвятая Дева не могла бы стать Царицей неба и земли, если бы смерть не была побеждена в Ее восстании, в Ее телесном восхождении на небо.

Литургический культ Успения постепенно привел на Западе к догматическому определению истины восхождения на небо Пречистой Девы. На I Ватиканском соборе более двухсот отцов собора голосовали за провозглашение догмата. С тех пор миллионы петиций духовенства и мирян о догматическом определении истины Успения-Восхождения на небо Девы Марии стали прибывать в Рим. Папа Пий XII внимательно следил за этим удивительным явлением: в сознании Церкви, под водительством обещанного ей Божественным ее Основателем Святого Духа, наставляющего ее на всякую истину, зреет убеждение, что эта истина заключается в сокровищнице Откровения. Это горение веры в таинственном Теле Христовом не есть плод человеческой изобретательности, очевидно, оно — дело Божие, оно дано Самим Духом Святым.

Прежде чем принять окончательное решение, Пий XII счел нужным опросить всех епископов католической Церкви, все богословские факультеты и монашеские ордена. На первый вопрос: Есть ли Assumptio (взятие на небо души и тела) Девы Марии вера Церкви? — все ответили утвердительно. На второй вопрос: своевременно ли провозглашение этого догмата? — утвердительных ответов было 86%. Тогда Пий XII, сознавая себя орудием Духа Божия, призванным исполнить Его волю, торжественно провозгласил в 1950 г. как богооткровенную истину: **Мария, Непорочная Матерь Божия и Приснодева, по окончании своей земной жизни была вознесена с душой и телом в небесную славу.**

В булле Munificentissimus Deus (Всецедрый Бог) Папа говорит и о своевременности определения этого догмата «во славу Пресвятой Троицы, с которой Дева Богородица соединена теснейшими узами». Он надеется, что христиане будут еще более любить и почитать свою небесную Мать и что, размышляя об участи Царицы Небесной, они еще более убедятся в ценности человеческой жизни, посвященной исполнению воли Отца Небесного и благу ближнего. В то время как материализм и упадок нравов угрожают заглушить всякую истину, вызывая войны, губящие человеческие жизни, все увидят с очевидностью, какую великую участь Бог уготовил душам и телам своих чад. Вера во взятие на небо Божией Матери укрепит нашу веру в наше собственное воскресение.

В заключение приводим главные мысли последней части петиции русской папской семинарии (Russicum) и русских католиков мирян о провозглашении этого догмата.

Из понимания назначения вселенной в свете тайны вознесения во плоти Приснодевы вытекает мировоззрение, диаметрально противоположное мировоззрению последователей диалектического и истори-

ческого материализма. Из этой истины сияет надежда преображения всего мира, даже материального, достигаемого не «снизу», силами, присущими материи, а «свыше», в силу Божией милости. Пресвятая Дева является как бы символом и олицетворением истинной сущности и назначения всякого тварного существа в его отношении к Творцу. Она Своими смиренными словами «се, раба Господня, да будет мне по слову твоему» положила начало своему восхождению до высшей славы, даже до телесного преображения на небесах. И это «да будет» Девы Марии лучше, чем какое бы то ни было другое слово, выражает ту безусловную зависимость от Творца, которая составляет настоящую сущность человека и всякого тварного бытия; тем самым эти слова указывают на то расположение самоотдачи, которая является путем к обожению и сверхприродному преображению. В силу Ее дивного «да будет» род человеческий и вся тварь возвращены к своему существенному отношению к Богу; установлено неизреченное единение Слова Божия с человеческой природой, домостроительство Воплощения, долженствующее продолжаться на всем протяжении истории Церкви. В этом воплощении всякая тварь должна принимать участие в меру своих способностей. В свете этих размышлений песнь в честь Пресвятой Богородицы «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь» (Лит. Василия Вел.) приобретает глубокий смысл. Древняя русская иконопись передала ее содержание в прекрасных образах: мы видим Богородицу, окруженную не только ангелами и людьми, но и солнцем, луною, звездами, растениями, птицами и «всякой тварью».

Преображение и освобождение творения через человека достигнет своего завершения в Церкви небесной. Однако телесное вознесение Пресвятой Девы на небо является залогом того, что этот процесс освобождения вселенной от силы зла уже начался и уже совершается на этой земле. Человек, в совершенстве согласующий свою волю с волей Господней, подчиняющий себе всю бессловесную природу согласно велению Господню «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт 1. 28), по выражению Клоделя, помогает даже земле «творить волю Божию». Только под этим условием все растущее господство человека над силами природы, обеспечиваемое современным развитием науки, не обернется в сатанинское порабощение человека природой и обеспечит ему свободу.

О. Сергий, вероятно, не имел возможности ознакомиться со всеми богословскими данными, касающимися догмата Успения (Assumptio) Девы Марии. Можно сожалеть о том, что, высказав неправославный взгляд на Вознесение Христа и Успение Богоматери, он обвиняет в эксцентризме инакомыслящих. «Часто оказывается так, что наше

православие неправославно», — пишет он. В свою очередь сокамерники К. А. объявляли, что о. Сергей не настоящий православный. Правда, о. Сергей приводит примиряющую фразу, приписываемую патриарху Тихону: «Православие тем и хорошо, что многое может вместить в свое глубокое русло». Но эта фраза в сущности дела не меняет: сокрытые «в глубоком русле» противоречия остаются противоречиями. Иногда они всплывают на поверхность, что произошло, например, когда Иоанн XXIII объявил о созыве Ватиканского Собора и пригласил не католических наблюдателей присутствовать на нем. Некоторые православные богословы сами указали на отсутствие между ними единомыслия в отношении к католической Церкви: правы ли греки, не признающие католических таинств, или русские, принимающие католических священников «в сущем сане» и допускающие—по крайней мере некоторые из них—общение в таинствах в определенных случаях? Есть ли экуменизм «плод сеяния Духа Божия» или «великий соблазн»? Является ли главенство Папы единственным препятствием к единению католиков и православных, согласно мнению константинопольского патриарха Афинагора и епископа Кассиана (Безобразова), или надо считать отступлениями от православия другие положения католической догматики?

*

* *

Мне пришлось слышать об этих разногласиях еще в отроческие годы, когда отец преподавал церковную историю и догматику в Софийской Духовной Академии. К нам заезжали русские и болгарские иерархи и богословы. Отношение православных к католичеству было одной из обычных тем разговоров и дискуссий. Со свойственной ему прямолинейностью отец говорил, что «мы не создали, как католики, стройной догматической системы», а часто следуем то за католичеством, то за протестантством, называем православием свои собственные богословские размышления, четко не различая субъективное от объективного, точное от приблизительного. Богатство православия — в литургическом богословии, наследии греческих Отцов Церкви, красота его — в церковном пении, в частности, в нашем русском, в нетленной красоте святых. «Дисциплине же ума нам еще надо учиться у Запада», — заключал отец, вспоминая, как он слушал лекции А. Гарнака в Берлине, прежде чем начать преподавательскую деятельность. В то же время он хорошо знал и ценил труды выдающихся русских богословов и написал брошюру о митрополите Антонии (Храповицком) — к 40-летию его деятельности как православного богослова-догматиста. Не отметить эту дату казалось ему недостойным «равнодушием к добру». Однако он не со-

глашался с его пониманием догмата искупления — перенесением центрального момента искупления с Голгофы в Гефсиманию, мнением о том, что «народ — блюститель православия». По словам отца, последнее не согласовывалось с учением апостолов, несмотря на усилия православных богословов это доказать. Говоря о католической полноте Церкви, в которой «церковному народу принадлежит право и даже обязанность поверять веру епископа, принадлежит право догматического неповиновения и протеста», о. Г. Флоровский сам должен сделать оговорку: «Нужно еще определить, о каком 'народе' идет речь. Ведь и народ церковный в своем эмпирическом многолюдстве подвержен соблазнам, может погрешать и отпадать, может впадать в страсть и в мятеж... решает вопрос, во всяком случае, не простое эмпирическое большинство... все это значит, что нет безошибочных и формальных эмпирических критериев» (Богословские отрывки, журнал *Путь*, № 31, 1931, стр. 26-27).

Посетители реагировали по-разному, большей частью отрицательно. Когда мы оставались одни, я обращалась к отцу с вопросами: «Чем объяснить такие несогласия? Если Христос молился о том, чтобы все были едино, нельзя ли найти правильные исходные данные, созвать православный собор и все привести к одному знаменателю» (в то время моим любимым предметом была математика и я увлекалась решением всяких задач)? Отец отвечал: «Дело это более сложное, чем решение задач. Предрассудки, культурно-исторические и политические факторы создали атмосферу недоброжелательства. Нелегко ее преодолеть». — «А разве нельзя сначала договориться между православными на съезде или соборе?» — «Мало вероятности, что всеправославный собор принесет положительные результаты. У нас, конечно, много общего, но в спорных вопросах — что заставит болгар уступить грекам или греков русским? Мы рискуем попасть в тупик. Собор нужен. Проектировался он не раз, но нет у нас общепризнанного авторитета, которому все согласятся подчиниться. Трудно представить себе собор без участия римской Церкви». — «Но тогда многие православные откажутся в нем участвовать». — «Несомненно. Теперь еще преждевременно помышлять о таком соборе. Должны произойти сдвиги с той и с другой стороны. Хотя в разработке догматических истин римской Церкви принадлежит первенство — даже Гарнак признавал ее руководящую роль — сдвиги должны произойти и в Риме, не столько в рациональном плане, сколько в области духа. Латинский дух централизации препятствует Риму признать в православных Церквях поместные Церкви, хотя он признает нашу иерархию, наши таинства. А там, где Евхаристия, там и Церковь, — с богословской точки зрения это неоспоримо. С нашей стороны следует также рассеять многочисленные предубеждения, доходящие иногда до фанатизма, преодолеть обрядове-

рие и враждебность к Риму, распространенную и поддерживаемую в массах, изучить историю первого тысячелетия единой Церкви без тенденциозности по первоисточникам». — «Почему по первоисточникам?» — «Знание греческого и латинского языков помогает разобраться в этих вопросах. На наши переводы не всегда можно положиться. Будем надеяться, что испытания, выпавшие на долю русской Церкви, приблизят нас к единству».

Когда, окончив гимназию, я уехала в Лувен изучать классическую филологию, я даже не знала, что Владимир Соловьев посвятил восемь лет изучению первого тысячелетия истории Церкви по первоисточникам. В Лувене я поняла, что отец имел в виду, говоря о важности приобрести умственную дисциплину. Сильное впечатление произвел на меня доклад монсиньора Серфо: «Разум — развенчанный царь», его лекции по экзегетике, затем работа под его руководством.

«Развитие средств сообщения, говорил он, способствует поверхностному суждению о многих вещах — по впечатлениям, легковесно. Так мы приходим к неправильным выводам. Представим, например, что у меня в саду растет дерево. Утром, когда я встаю, то вижу, как солнце всходит над этим деревом. Один, два, три дня... то же явление повторяется. Я могу заключить: солнце всходит каждое утро. Да здравствует мой ум — он способен обобщать наблюдаемые явления! Но потом я добавляю: солнце всходит всегда на том же месте. Бедный мой ум! Он способен неправильно обобщать, не изучив достаточно наблюдаемых явлений. Разум — замечательный инструмент, прекрасная мельница. Но выпать в нее надо зерно, а не мусор или камешки, если мы хотим получить муку. Иначе этот инструмент может даже искривиться. Если мы будем полагаться на впечатления, не контролируя их, то можем отучиться размышлять».

Когда мне пришлось писать докторскую диссертацию, мы договорились с проф. Серфо, что буду писать ее о св. Иустине Философе. Первая работа заключалась в том, чтобы выписать все тексты, в которых св. Иустин говорит о пророках и, основываясь на них, написать о месте пророков в христианском синтезе св. Иустина. Прочитав мое изложение вопроса, профессор спросил: «Вы действительно так думаете?» — «Да», — ответила я с некоторым удивлением. — «А почему, когда мы вместе рассматривали тексты св. Иустина, некоторые как будто были в противоречии с тем, что вы теперь пишете?» — «Это верно, но их было немного. Я внимательно перечла все тексты, составила себе мнение и приводила те цитаты, которые мне помогали его обосновать». — «И вы всегда следовали этому методу?» — «Да, — за исключением работ по математике, где надо подчиняться формулам». — «И Ваше мнение всегда торжествовало?» — «Не знаю. Во всяком случае, не встречало возражений. Преподаватель был обыкновенно доволен и даже говорил, что во мне

дремлет оратор». — «Научная работа не нуждается в подпорках красноречия. Оставим кулинарам заботу о том, как взбивать белки. Конечно, мне интересно, что Вы думаете, но, — добавил он с легкой улыбкой, — еще интереснее знать то, что автор думает. Если некоторые его тексты Вас не устраивают, именно на них надо сосредоточить все внимание. Тогда только работа становится научной. Служить истине, подчиняясь реальности, более высокая цель, чем доказывать свое мнение».

Этот разговор навсегда запечатлелся у меня в памяти. «Дремлющему оратору» не суждено было проснуться. «Царь разум» навсегда избрал своей царицей истину без компромиссов.

*
* *

Во второй половине нашего века произошли те сдвиги, о которых так мечтал отец: на II Ватиканском Соборе восточные Церкви были признаны подлинными Церквями и наименование «Церкви-сестры» произнесено устами римских Пап. Собор завершился обоюдным снятием анафем, о чем в былые годы никто и мечтать не смел. Встречи Пап с восточными иерархами в Иерусалиме, Риме и Константинополе, «Томос агапис» (переписка последних лет между Римом и Константинополем), труд митрополита Никодима об Иоанне XXIII и т. д. проникнуты подлинным экуменическим духом, а документы комитета защиты прав верующих в Советском Союзе, совместное обращение верующих всех деноминаций в Верховный Совет СССР являются уникальными документами в тысячелетних анналах истории христианства на Руси.

Стремление к единству пробудилось в сибирских лагерях и в самой России сильнее, чем за рубежами нашей родины. «Встреча Пасхи в лагере — незабываемое воспоминание, — рассказывает один из бывших заключенных. Верующие всех исповеданий были единодушны в эту ночь, освещенную сибирскими звездами и присутствием среди нас Воскресшего. Все человеческое осталось на свободе, только Христос был с нами». Нетрудно найти подобные свидетельства среди тех, кто страдал за веру во Христа.

Немалую роль в пробуждении тяги к единству играет и чтение произведений Владимира Соловьева. У некоторых аналогичные чувства возникают при непредвзятом чтении Евангелия. Как нам рассказывал один из высоких иерархов русской православной Церкви, посетивший наш брюссельский центр, — его внимание привлекли стихи 16-ой главы от Матфея. Можно ли утверждать, что ответ Христу Петра: «Ты Сын Божий» объясняется прежде всего порывистостью

его характера? Не сказал ли ему Сам Христос: «Не плоть и кровь открыли тебе это, а Отец Мой, сущий на небесах?» Вслед за этим Христос соделывает Петра краеугольным камнем Вселенской Церкви. При чтении Евангелия от Иоанна (гл. 21) у него снова возник тот же вопрос. Можно ли объяснить слова Христа «Паси овец Моих», обращенных к Петру, тем, что он только был восстановлен в достоинстве апостола после троекратного отречения? Ведь ап. Павел говорит, что Христос явился сперва Петру, а потом одиннадцати? Не свидетельствует ли это первое явление Господа Петру о том, что апостол уже был прощен? Явившись же одиннадцати, Христос сказал им: «Примите Духа Святого» (Ин 20. 22). Могло ли это не относиться также и к Петру? Напряженно размышляя над этим Владыка осознал, что Петру Господь дал особую миссию в Церкви для созидания ее единства и что на его преемников переходит харизма служения Петра.

Тот же вопрос трактует иеромонах Оливье Руссо в статье «Папство и единство христиан»*(*Irénikon*, XX, № 4, 1947 г.). Он показывает, что служение Петра в его преемниках представляет собой одну из тайн Церкви. Автор утверждает, что религия, основанная человеком, соответствует его ограниченным возможностям; религия же, основателем которой является Сам Господь или Богочеловек, не может не проявлять свою таинственную силу, свидетельствующую о неограниченном всемогуществе Господа, налагающего Свой отпечаток на все то, к чему прикасается Его десница. И действительно, соединение двух природ в одном Лице воплощенного Слова — тайна; присутствие Единого Христа на всех престолах мира в таинстве Евхаристии — тоже тайна, как и возобновление единой крестной Жертвы на каждой Литургии и невидимое, таинственное присутствие Христа в нашем ближнем — бедном, больном, бездомном, пленном; тайна — в звучании Евангельской проповеди; тайна — всемогущество Христа, исцелявшего больных и прощавшего грешникам на Галилейских дорогах, а теперь прощающего нам на исповеди через отпущение грехов священником. Такая же тайна — непрерывное служение апостола Петра в его римских преемниках.

По особому предначертанию Божию Христос призвал и установил двенадцать апостолов столпами Церкви, и они пребудут основанием Церкви навеки. Апостолы предназначались не только для земной Церкви. Двенадцать апостолов на двенадцати престолах будут судить двенадцать колен израилевых (Мф 19. 28). Апостолы: Петр, Иоанн, Иаков, Варфоломей, Фаддей и др. — как люди умерли; но они продолжают жить в соборе епископов, продолжающем быть апостольским собором. Петр как Глава также не умирает: он продолжает пре-

* La notion théologique de la Papauté et l'Unité chrétienne.

бывать в Римском епископе. Лин, Клит, Климент... Пий X, Бенедикт XV, Пий XI тоже умерли. Некоторые из них возможно и не были на высоте своего призвания, но их живая миссия таинственно продолжается после них. В этом и заключается тайна папства. Люди, даже Сатана, могут нападать на это божественное установление, но они устанут от попыток разрушить его. Эти усилия равносильны попытке схватить руками воздух или ветер.

Истины, установленные Христом, непоколеблемы, непреложны, неосязаемы. Совершенно очевидно, что расстояние, существующее между главой чисто человеческого учреждения и Главой, поставленным Христом как видимое основание Своей Церкви, бесконечно... Апостольское преемство Церкви и первенство Петра проистекают из мистических и богословских истин, которые, как и все остальные тайны нашего вероучения, мы можем постичь только нашей верой.

О. Руссо указывает, что в вопросе о папстве очень важно различать исторический и духовный план, обратив свои взоры к истокам христианства, где яснее открывается замысел Христа о Церкви. Хо-

Хотя большинство пап были выдающимися личностями и многие из них признаны святыми, на их деятельности в известной мере лежит отпечаток человеческой слабости и ограниченности. Кроме того, на историю папства, безусловно, оказывали влияние социальные, политические, психологические и другие факторы. Если бы центр христианства находился в другой части света, внешне папство было бы иным, но сущность его осталась бы той же.

Историю взаимоотношений между православием и католичеством следует также рассматривать в этих двух планах, а не сравнивать, напр., идеальное православие с историческим католичеством, как это уже подчеркивал Влад. Соловьев. По словам папы Иоанна XXIII ответственность за разделение лежит на всех христианах.

Паломничество Павла VI в Иерусалим и его встречи с патриархом Афинагором на Святой Земле, в Стамбуле и Риме настолько способствовали их взаимопониманию, что патриарх не исключал возможности общения в таинствах православных и католиков в ближайшем будущем. «Я горячо желаю, чтобы настал день, когда Павел VI и я сможем вместе растворить воду и вино в этой чаше», — сказал он, указывая на чашу, подаренную ему Павлом VI. Поездка Папы в Стамбул показала всем христианам и всему миру, что он готов сделать первый шаг для примирения учеников Христовых. В бреве (краткий папский официальный документ) Anno ineunte, врученном патриарху Афинагору Папой сказано: «Чтобы сохранить и восстановить общение и единство, надо остерегаться возлагать какое-либо бремя сверх необходимого (см. Деян 15. 28). В надежде любви, поддерживаемые постоянной молитвой, воодушевленные одним только желанием *единого на потребу* (Ср Лк 10. 42) и твердо решив все ему подчинять,

мы должны продолжать и интенсифицировать наши усилия на пути во имя Господне».

«Необходимое время», согласно Деяниям Апостолов 15. 28, — это тот минимум, который на иерусалимском соборе апостолы предписали соблюдать христианам из язычников, чтобы возможно было их общение с иудеохристианами. Согласие было достигнуто, и они «возрадовались об этом наставлении» (Деян 15. 21). «Необходимое» соответствует «единому на потребу» евангельского рассказа св. Луки (10. 42), т. е. слушанию и соблюдению слова Божия (Лк 11. 28). Разделяя эти духовные устремления, патриарх Афинагор так представлял себе миссию Папы: «Если бы мы достигли единства, Римский епископ был бы, несомненно, первым по чести и по чину в живом единстве Церквей, пребывающих во всем мире. Не над ними, а в центре их братского общения, следя за претворением его в жизнь, охраняя вселенскость Церкви от грозящих ей провинциализмов. Действенно председательствуя в любви» (Olivier Clément, *Dialogues avec le patriarche Athénagoras*, Paris, 1969, p. 437).

Вышеприведенные свидетельства иерархов показывают, как, постепенно, благодать Божия действует на Востоке и на Западе, сближая разделенных братьев. Но, если Бог явным образом благословил усилия, ведущие к достижению единства, действие благодати еще не проникло в достаточной мере в массы верующих, хотя под влиянием молитв об единстве враждебность и безразличие уступают место благожелательности. Ответственность за развитие экуменической деятельности лежит на нас всех. После молитвы и экуменического диалога одним из самых действенных средств сближения является, как о. Глеб Якунин писал в 1978 г. папе Римскому, распространение житий святых и праведников нашего времени: он указывал на положительное влияние биографий Ж. М. Вианнея, Арсского пастыря, Шарля до Фуко, св. о. Максимилиана Кольбе и других. Очень ценны также произведения христианских мыслителей, такие книги как «Единый поток жизни» проф. Н. С. Арсеньева. В ней автор показывает, что поток благодати Божией, орошая различные страны, приносит плоды праведности и святости среди православных, католиков, англикан и протестантов. Знакомясь с христианскими святыми и мыслителями других исповеданий, ученики Христовы стали мало-помалу осознавать, что единство Церкви не означает единообразие, но представляет живущее в разнообразии единство. Многообразие тоже создано Богом. В нем мы должны почитать замечательную творческую силу Бога, создавшего не только каждый народ, но и каждого человека отличным от других и как бы неповторимым. В замысле Божиим о Церкви проявляется неисчерпаемое богатство «многообразной премудрости Божией» (Ефес 3. 10).

При наличии христианской любви разнообразие народов, культур и личностей ведет ко взаимному обогащению и способствует распространению христианского благовестия в мире. Даже самые устойчивые ячейки человеческого общества, как напр., семья, основаны на этом принципе взаимодополнения разнородных элементов. То же можно проследить и в устройстве органического и неорганического космоса.

В день сошествия Святого Духа (Деян 2) многообразное единство Церкви проявилось чудесным образом. Апостолы внезапно заговорили на языках всех присутствовавших в то время в Иерусалиме паломников: «Парфяне, мидяне, эламиты, критяне и аравитяне... слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих». Слава Божия проявляется не только в том, что провозглашается на различных языках мира, но и в том, что все, несмотря на различие их образа жизни, психологии и культур, единогласно славят своего Творца и Отца небесного (ср. кондак Пятидесятницы).

В благодарственной молитве первых христиан мы встречаем такие слова: «Подобно этому преломленному хлебу — некогда рассеянному по холмам и собранному затем в одно целое, так и Твоя Церковь да будет собрана со всех концов земли в Твоем Царстве». Подобно тому, как каждое зерно зреет на холме, где оно было посеяно, каждый человек живет там, где Бог ему предназначил, и должен стремиться взрастить добродетели, свойственные его душевному укладу и его родной земле. Но колосья собираются в одно целое... И Господь заложил в сердца Своих учеников стремление соединиться и вместе возносить хвалу единому Богу. Христиане не могут забыть о том, что Христос, прощаясь со Своими учениками, молился об их единстве и предсказал: «будет одно стадо и один Пастырь» (Ин 10. 16).

Гармонию разнообразия и единства не всегда легко достигнуть. Когда христианская любовь охладевает, то разнообразие является с другой противоположной стороны и становится источником вражды и даже войн. К несчастью случилось так, что в течение первого тысячелетия христианской эры отношения между христианами Востока и Запада постепенно утратили братский характер. Человеку свойственна тенденция к провинциализму, по выражению патриарха Афинагора. Дав волю центробежным силам, мы нарушили единство христианской семьи; восстановить же его не в наших силах. Однако теперь многие христиане поняли, что христианское единство — великий дар Бога и что с Его помощью мы можем примириться, открыв и полюбив ценности других христианских народов и поделившись с ними нашим духовным наследием.

В Пушкинской речи (8 июля 1880 г.) Достоевский утверждал, что «назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и все-

мирное... стать настоящим русским будет именно значить вместить» в русскую душу «с братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону».

Влад. Соловьев так комментировал эти слова в третьей речи в память Достоевского: «Если христианство есть религия спасения; если христианская идея состоит в исцелении, внутреннем соединении тех начал, рознь которых есть гибель: то сущность истинного христианского дела будет то, что на логическом языке называется *синтезом*, а на языке нравственном — *примирением*. Этою общою чертою обозначил Достоевский призвание России в своей Пушкинской речи. Это было его последнее слово и завещание. И тут было нечто гораздо большее, чем простой призыв к мирным чувствам во имя широты русского духа: здесь заключалось уже и указание на положительные исторические задачи или, лучше, обязанности России. Недаром тогда почувствовалось и сказалось, что упразднен спор между славянофильством и западничеством, — а упразднение этого спора — значит упразднение *в идее* самого многовекового исторического раздора между Востоком и Западом, — это значит найти для России новое нравственное положение, избавить ее от необходимости продолжать противохристианскую борьбу между Востоком и Западом и возложить на нее великую обязанность нравственно послужить и Востоку и Западу, примиряя в себе обоих». У каждого народа есть свое Богом данное призвание, и дары Божии непреложны. «Идея нации есть не то, что она думает о себе во времени, а то, что Бог думает о ней в вечности... Она проявляется как закон жизни, когда долг был выполнен, и как закон смерти, когда это не имело места». Ибо «моральное существо никогда не может освободиться от власти божественной идеи, являющейся смыслом его бытия» (Влад. Соловьев, *Русская идея*, т. XI, стр. 92-93).

Теперь, когда мы готовимся праздновать тысячелетие христианства на Руси, эти слова о христианской миссии нашей родины оживают в памяти.

Мы верим, что Пресвятая Богородица, Мать разделенных братьев-христиан, непрестанно молится об их примирении. В Фатиме Она предсказала духовное обновление России, которое будет торжеством Ее Пречистого Сердца.

В повести об Антихристе Соловьев описывает, как ему представляется «соединение церковей среди темной ночи»... «Темнота ночная вдруг озарилась ярким блеском, и явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце, под ногами ее луна и на главе ее венец из двенадцати звезд. Явление несколько времени оставалось на месте,

а затем тихо двинулось в сторону юга. Папа Петр поднял свой посох и воскликнул: «Вот наша хоругвь! Идем за ней». И он пошел по направлению видения, сопровождаемый обоими старцами и всю толпою христиан, — к Божией горе, Синаю...»

Наши размышления об экуменизме мы закончим в свете этого видения латинской и славянской молитвой, обращенной к Матери света и последней, посвященной Ей страницей духовного завещания аббата Кутюрье.

Ирина Поснова

МОЛИТВЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ О ХРИСТИАНСКОМ ЕДИНСТВЕ.

Sint sibi invicem fratres qui te omnes Matrem invocant (Да будут друг другу братьями, все те, кто обращается к Тебе как к Матери).

О всепетая Мати, Мати Солнца Правды, Востоком и Западом славимая Мати рода христианского, даруй нам прекращение раздоров среди чад Твоих, даруй нам братское единение под кровом Твоим, да восоединимся все во единой Церкви, Теле таинственном Сына Твоего, Христа Бога нашего, и едиными устами воспоем: «Радуйся, Радость Всемирная!»

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА ДУХОВНОГО ЗАВЕЩАНИЯ АББАТА КУТЮРЬЕ.

Пусть все христиане приблизятся к Господу нашему Иисусу Христу с открытой душой, внимающей призыву Божию, смиренно предаваясь Ему, как смиренная Дева Мария. Она ответила ангелу словами, которые можно считать идеальным образцом ответа творения своему Творцу: «Се раба Господня. Да будет мне по слову твоему» |...|.

Когда ответ Девы Марии будет тихо звучать в наших душах, в душах всех нас, христиан, этот великий молчаливый зов, ведомый Пречистой Девой, вознесется к престолу Всевышнего как всецельная мольба и снова «действием Святого Духа» единство будет достигнуто.

Та, что сказала на земле Своему Сыну: «У них нет больше вина» [Ин 2], перестанет ли говорить Ему в царстве: «У них нет больше единства...»?

Она, стоявшая у креста Господня и всецело сливавшаяся душой с Распятым, может ли не стоять у престола Агнца закланного, слившись душой с Ним в молитви Отцу за единство всей христианской семьи: «Отче, да будут едино, как Мы едино»?

Пусть все христиане приблизятся к Ней и внимают Ей у креста и у престола Агнца. Тогда всем нам, христианам, СМИРЕНИЕ откроет затворенные двери.

КАТАЛОГ 1982

ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЖИЗНЬ С БОГОМ»

Адрес: Foyer Oriental Chrétien, Av. de la Couronne, 206

1050 BRUXELLES (Belgique). Tél. 02/647.71.06.

Compte chèque postal: 000-0064635-33 Bruxelles.

Цены обозначены в бельг. франках. При пересылке денег через банк или банк. чеком следует добавить 150 фр на расходы.

F. В.

Бл. АВГУСТИН — Творения. 11 книг в трех томах. Фототип. изд. Перевод Киевской Духовной Академии. 3672 стр. Б(рюссель) 1974 3200

К. АДАМ — Иисус Христос. Апологетический труд. Автор использовал научный материал для воспроизведения исторического и вечного облика Христа. 370 стр. Б 1956 200

АКАФИСТ ПРЕПОДОБНОМУ ВЕНЕДИКТУ. Б 1962 25

АКАФИСТНИК — Сборник, содержащий 31 акафист в честь Пресвятой Троицы, Иисуса Сладчайшего, Пресв. Богородицы, Свв. Сергия, Серафима, Николая и др. 2-е изд. Б 1981, 736 стр. 350

АКТЫ II-го ВАТИКАНСКОГО СОБОРА. Рим 1965-68: 16 брошюр с приложением (подробный указатель — 55 стр.). В переплете 600

Н. АРСЕНЬЕВ — О Достоевском. Четыре очерка. 64 стр. Б 1972 80

” — *О жизни преизбыточествующей.* Сборник статей, объединенных одной общей темой: Человек перед безмерным величием Бога. 286 стр. Б 1966 225

” — *Единый поток жизни.* К проблеме единства христиан. О православной, католической и протестантской духовности. Иллюстрированное издание. 304 стр. Б 1973 250

И. А. БАЙГАЧЕВ — Спаситель мира. Евангелие для детей с многочисленными иллюстрациями. 88 стр. Рим 1956 90

БЕЛОМОРСКИЙ — Правы ли отрицатели религии? 92 стр. 50

БИБЛИЯ — с полными параллельными местами, введением и комментарием к каждой книге Ветхого и Нового Завета, хронологическими таблицами, предметным, тематическим и именованным указателем, географическим, историческим и археологическим справочником, биографическим указателем, списком древнейших ветхозаветных и новозаветных рукописей, указателем чтений Восточной и Западной Церкви на каждый день и 8 географическими картами в 4 красках. 2358 стр. Б 1973-1977 1200

<i>БИБЛИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ</i> . Богато иллюстр. 64 стр. Б 1981	150
<i>А. БОГОЛЮБОВ</i> — Сын Человеческий (40 иллюстр.). Цель книги: дать ключ к Евангелию в нашу эпоху и представить живое Лицо Основателя христианства, чтобы помочь людям познать и полюбить Его. С ценными приложениями (критический разбор тезисов атеизма о Христе и т.д.). 336 стр. Б 1969	300
<i>БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ</i> (ежедневное пение). 57 стр. Б 1976	110
<i>БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ</i> — (нотный сборник). 374 стр. фототипическое изд. Б 1976	700
<i>БОЛЬШАКОВ</i> — <i>На высотах духа</i> . 12 бесед о молитве Инсусовой	40
<i>Г. БОССИ</i> — <i>Он и я</i> . Дневник, передающий в кратких изречениях беседу души с живым Богом. 42 изд. на франц. яз. 100 стр. Б 1961	80
<i>Л. БУЙЕ</i> — <i>О Библии и Евангелии</i> . Лекции в католическом Институте в Париже: Слово Божие — непреходящий источник христианской духовности. 232 стр. Б 1965	210
<i>Ж. ВИАННЕЙ</i> . Арсский Пастырь — <i>Избранные проповеди и уроки катехизиса</i> . Краткая биография. 280 стр. Б 1970	280
<i>М. ВИНОВСКА</i> — <i>Маранафа</i> . Рассказы об обращении неверующих в странах Восточной Европы 148 стр. Б 1970	100
" — <i>Тайна Максимилиана Кольбе</i> . 192 стр. Б 1973	150
<i>ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКИЙ</i> (архиепископ Лука) — <i>О духе, душе и теле</i> . 187 стр. Б 1978	200
<i>М. Н. Гаврилов</i> — <i>Св. Лев Великий</i> . 48 стр.	40
" — <i>Св. Николай Чудотворец</i> . С историч. введением	40
" — <i>I. Духовные основы русской культуры. II. Основные идеи Ф. М. Достоевского</i> . 24 стр.	25
" — <i>Тайна Рождества и Успения Пресв. Богородицы</i> . 20 стр.	20
" — <i>Туринская Плащаница</i> . С иллюстрациями. 24 стр.	25
" — <i>Православие и Флорентийский Собор</i>	15
" — <i>Флорентийский Собор и Русь</i> . 30 стр.	15
" — <i>Ватикан, война и мир</i> . 28 стр.	20
<i>Н. В. ГОГОЛЬ</i> — <i>Размышления о Божественной Литургии</i> . 40 стр	35

<i>Св. ГРИНЬОН де МОНФОР — Тайна Пресвятой Богородицы</i> (краткое руководство по вопросу: как быть в постоянном общении с Божией Матерью). 70 стр.	20
<i>Р. ГУАРДИНИ — О Боге Живом.</i> Известный религ. мыслитель излагает, как постигается на опыте и реально переживается присутствие Бога Живого. 74 стр.	60
” — <i>Познание веры.</i> Терпение Божие, Владычество Христа, Божие Провидение	25
<i>Ю. ДАНЗАС — Католическое Богопознание и марксистское безбожие.</i> 346 стр. Рим 1941	280
<i>П. ДИДИМОВ — Пути Господни неисповедимы.</i> Автобиография советского летчика, ставшего католическим священником. 44 стр. Б 1952	25
<i>А. ДОНДЕЙН — Современный материализм и вера в Бога.</i> Автор — выдающийся католический мыслитель, бывший директор философского Института томизма при Лувенском университете. 30 стр. Брюссель 1958	25
” — <i>Христианство — сила миролюбия в современном мире.</i> 16 стр. Б 1958	10
” — <i>Христианская вера и современная мысль.</i> Исследование современных течений в свете христианства. 248 стр. Б 1974	300
<i>Д. ДУДКО — Вовремя и не вовремя.</i> Сборник проповедей. 322 стр. Б 1978	360
<i>ЕВАНГЕЛИЕ</i> — слово жизни вечной. Текст составлен из повествований четырех Евангелий. 508 стр. Б 1959	120
<i>В. ЗАНДЕР — Христос — Новая Пасха.</i> По свидетельству наших читателей: «Нет лучшего краткого объяснения богослужения Страстной Седмицы и Пасхи». 32 стр. Б 1964	25
<i>Вячеслав ИВАНОВ — Собрание Сочинений.</i>	
ТОМ I. С введением-биографией (220 стр) и впервые изданной повестью (257 стр.). 872 стр. Б 1971	1200
ТОМ II. Лирика, драм. произведения, статьи, письма, дневники. 832 стр. Б 1975	1300
ТОМ III. Поэмы, стихотворные циклы, философские и литературные статьи и письма. 896 стр. Б 1978	1400
<i>Е. ИЗВОЛЬСКАЯ — Явление Гуадалупской Божией Матери.</i> С иллюстрациями. 84 стр. Б 1965	40

<i>В. И. ИЛЬИН — Арфа царя Давида в русской поэзии. Проницательный анализ религиозной поэзии Ломоносова, Державина, Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Вл. Соловьева и Пастернака. 78 стр. Б 1960</i>	40
КАЛЕНДАРЬ ЦЕРКОВНЫЙ (ежегодный)	30
<i>А. КАРРЕЛЬ — О молитве. Проф. Ж. ЛАДРИЕР — О сочетании христианской жизни и научной деятельности. Б 1967</i>	25
<i>М. КАРРУЖ — Шарль де Фуко. Иллюстр. изд. 182 стр. Б 1968</i>	100
<i>Л. П. КАРСАВИН — Католичество. Общий обзор (Огни, Петроград, 1918). Фототип. изд. С предисловием М. Аксенова, введением и примечаниями издательства. 152 стр. Б 1974</i>	100
<i>Из КЛОСТЕР — Вечная юность. Блестящее изложение духовных устремлений и чаяний современной западной молодежи. 86 стр. Б 1962</i>	30
КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ СВ. ПИСАНИЯ — содержащий переработанный текст комментариев и приложений к Ветхому и Новому Завету (см. изд. НЗ, Б 1965 и изд. Библии, Б 1973-1977) 700 с. на тонкой бумаге. Брюссель, 1982 г.	800
<i>И. КОЛОГРИВОВ — Очерки по истории русской святости. Историческое исследование на основании наилучших трудов о святых, в Земле Российской просиявших. 415 стр. Б 1961</i>	300
<i>Р. КУРТУА — Что говорят о Боге современные ученые. Свидетельства о Боге и религии 80 выдающихся ученых XX-го века: Эйнштейна, Маркони, Планка, и др. 62 стр. Б 1960</i>	35
ЛЕГИОН ПРЕСВ. БОГОРОДИЦЫ. Брошюра информационного характера: как возникло одно из самых плодотворных религиозно-просветительных движений нашего времени, насчитывающее более миллиона членов, предающих себя Божией Матери и активно трудящихся несколько часов в неделю для распространения света Христова между людьми. Избранные тексты из Руководства ЛПБ 100 стр. Б 1964	50
<i>Ф. ЛЕЛОТТ — Где правда? Положительное содержание относительных истин и их связь с абсолютной истиной. 80 стр. Б 1962</i>	30
” — <i>Перспективы.</i> (для молодежи). Жизнь в ее многообраз-	

ных проявлениях. Христианство расширяет и обогащает все эти перспективы. 90 стр. Б 1962	30
” — <i>Решение проблемы жизни</i> . 390 стр. Б 1959	300
К. ЛЮБИХ — <i>Новый мир</i> . Духовные размышления основательницы христианского интернационального движения <i>Фоколарини</i> , стремящихся претворить в жизнь завет Христов: « <i>Да будут все едино!</i> » 93 стр. Б 1961	80
А. МЕНЬ — Как читать Библию. 240 стр. Б 1981	250
ВЕНИАМИН МИЛОВ (епископ) — <i>Чтения по литургическому Богословию</i> . 344 стр. Б 1977	350
МОЛИТВЕННИК — <i>Миром Господу помолимся</i> . С объяснениями: о богослужениях, таинствах, символе веры, заповедях Божиих и т. д. За молитвами следует объяснение трудных слов. 512 стр. Б 1980	250
МОЛИТВЕННИК для верующих лат. обряда. 144 стр. Б 1979	60
НЕБО НА ЗЕМЛЕ — Литургический очерк. Предназначается в первую очередь читателям, не получившим религиозного воспитания, но желающим понять смысл, структуру и красоту восточно-христианского богослужения. Третье, переработанное и иллюстр. изд. озаглавлено: А. МЕНЬ — <i>Таинство, слово и образ</i> . Предисловие Архиеп. Иоанна Шаховского. 289 стр. Б 1980	250
НОВЫЙ ЗАВЕТ Г. Н. ИИСУСА ХРИСТА . На тонкой индийской бумаге. С толкователем к НЗ, параллельными местами, приложениями и картами Св. Земли в красках. Формат 13 x 18,5 см 758 стр. Б 1965	300
Формат 10 x 14 см Б 1979 (уменьшенное, фототипическое изд.)	200
ОТЕЧНИК — Избранные изречения свв. иноков и повести из жизни их, собр. Епископом Игнатием Брянчаниновым. Фототип. изд. 550 стр. Б 1963	380
А. ПАВЛОВ — <i>Откуда явилось все это?</i> (Вселенная, человек и Бог). Богато иллюстрированное изд. в 4-х красках. Неаполь (итал. изд.) и Б 1972 (русское изд.)	250
ПАПСКИЕ ОКРУЖНЫЕ ПОСЛАНИЯ:	
ЛЕВ XII , ПИЙ XI , ПИЙ XII — <i>О положнии трудящихся</i> . 114 стр. Рим 1942	40
ПИЙ XII — <i>О мистическом Теле Христовом</i> . 90 стр. Рим 1943	40
ПИЙ XII — <i>Апостольское послание народам России</i> . 24 стр. Р '52	10
ПИЙ XII — <i>Рождеств. радио-послание 1951 г.</i> 24 стр. Р 1952	10

<i>ИОАНН XXIII—Мать и наставница.</i> Новая интерпретация социальной проблематики в свете христианского учения. 78 стр. Б '62	40
<i>ИОАНН XXIII—Вечная Премудрость Божия.</i> 24 стр. Рим '67	15
<i>ИОАНН XXIII—Мир на земле.</i> 24 стр. Рим 1963	30
<i>ПАВЕЛ VI — О всестороннем развитии народов.</i> Рим 1967	40
<i>ПАВЕЛ VI — О правопорядке передачи человеческой жизни.</i> Р'68	25

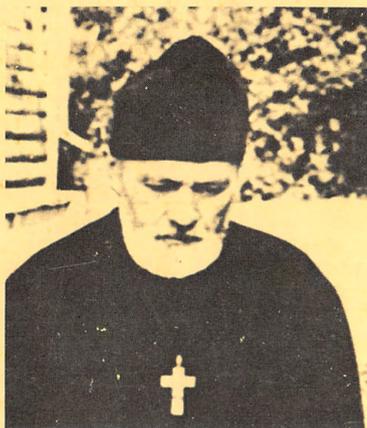
ПЕРИОДИКА:

<i>РОССИЯ И ВСЕЛЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ</i> (1951-1970). Комплекты прошлых лет. Цена за год	200
<i>ЖИЗНЬ С БОГОМ</i> — №№ приуроченные к праздникам, об историчности Христа, о смысле страданий и т. д. до 1965 г. Цена отд. №	15
<i>ЛОГОС</i> — Религиозно-философский журнал. Католическая периодика в переводе на русский язык. Цена годового(1-4)номера	250
<i>ПОВЕСТЬ ДРЕВНЯЯ, НО ВЕЧНО НОВАЯ</i> (жизнь св. Августина и его матери св. Моники). 46 стр. Б 1955	35
<i>ПОВЕСТЬ О ФАТИМЕ</i> — величайшем чуде нашего времени. В ней описываются явления Божией Матери в 1917 г. Второе, дополненное изд. со свидетельствами бывших безбожников. 128 стр. Б 1962	50
<i>М. Э. ПОСНОВ — История христианской Церкви</i> (до разделения Церквей — 1054 г.). Лекции, читанные в Киевской и Софийской Духовных Академиях. Именной и предметный указатель. Русская иностранная библиография. 614 стр. Б 1964	400
<i>РАННИЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ.</i> 736 стр. в переплете. Б 1978	600
<i>А. РИШОМ — Винцент де Поль</i> или «Созидательная сила любви». Святой 17 века — благодетель Франции. Иллюстр. изд. 160 стр. Б 1968	120
<i>Э. СВЕТЛОВ — Всемирно-исторический процесс религиозных исканий человечества:</i>	
ТОМ I. <i>Истоки религии.</i> Иллюстр. изд. 432 стр. Б 1981	370
ТОМ II. <i>Магизм и единобожие.</i> Иллюстр. изд. 670 стр. Б 1971	350
ТОМ III. <i>У врат молчания.</i> О духовной жизни Китая и Индии. Иллюстрированное издание. 332 стр. Б 1971	355
ТОМ IV. <i>Дионис, Логос, Судьба.</i> Греческая религия и философия. Иллюстр. изд. 396 стр. Б 1972	360
ТОМ V. <i>Вестники Царства Божия.</i> Библейские пророки (VIII-IV вв. до Р. Х.). 647 стр. Б 1972	400

<i>Г. СЕНКЕВИЧ — Камо грядеши?</i> Перевод В. М. Лаврова. Москва 1902. Фототип. изд. с иллюстрациями. 528 стр.	300
<i>СИМФОНИЯ</i> (алфавитный указатель к Св. Писанию). 1279 стр.	500
<i>СЛОВАРЬ БИБЛЕЙСКОГО БОГОСЛОВИЯ</i> под редакцией Ксавье Леон-Дюфура, при сотрудничестве 70 экзегетов. 1288 столб. Б '74	1500
<i>СМЕРТИ НЕТ</i> — христианское понимание смерти. Особенно рекомендуется тяжело скорбящим о смерти близких. 4-ое изд. 74 стр. Б 1954	40
<i>Вл. СОЛОВЬЕВ — Русская идея.</i> 4-е фототип. изд. 32 стр. Б 1964	30
” — <i>Духовные основы жизни.</i> 140 стр. Б 1958	120
” — <i>Сборник всего, что Вл. С. написал «О христианском единстве».</i> Именной и предметный указатель. 490 стр. Б '67	500
” — <i>Собрание сочинений.</i> 12 томов (XI-XII изд. впервые). 6270 стр. Б 1966-1970 и Письма I-IV (1200 стр.) Б 1970	12.500
— ПИСЬМА можно приобрести отдельно	1000
— Стихотворения и шуточные пьесы	250
<i>С. М. СОЛОВЬЕВ — Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева.</i> Иллюстр. изд. в твердом переплете. 450 стр. Б 1977	750
<i>Св. ТЕРЕЗА Имени Младенца Иисуса — Повесть об одной душе.</i> 350 стр.	200
<i>П. ТИВОЛЬЕ — Спутник искателя правды.</i> Пространный катехизис в общедоступной форме. Объяснение литургии и богослужений Страстной Седмицы и Пасхи. 511 стр. Б 1964	300
<i>Р. ТРАМОН — Эпопея Анны Марии Жавуэ.</i> Ее миссионерская деятельность. Иллюстрированное изд. 160 стр. Б 1973	170
<i>С. ТЫШКЕВИЧ — Нерасторжимость христианского брака.</i>	
” — Н. Йорк 1955	30
” — <i>Наставления Тихона Задонского по социальному вопросу.</i> 38 стр. Рим 1955	30
” — <i>Единство Церкви и Византия.</i> 140 стр. Рим 1951	100
” — <i>Католичество</i> (краткий обзор). 72 стр. Рим 1950	30
” — <i>Почему католики дорожат папством?</i> 36 с. Н. Йорк '61	20
” — <i>Дон Боско, друг беспризорных.</i> 52 стр. Рим 1951	30
” — <i>Краткие наставления преподобного Иоанна Лествичника.</i> 64 стр. Н. Йорк 1959	30
<i>ФЕОФАН ЗАТВОРНИК — Путь ко спасению.</i> Истолкование Молитвы Господней словами святых Отцов. Фототип. изд. 508 стр. Б 1962	380

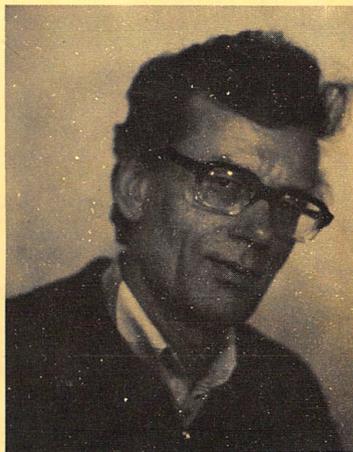
ФОМА КЕМПИЙСКИЙ — <i>О подражании Христу</i> . Перевод с лат. К. П. Победоносцева. 354 стр. Рим 1949	100
С. ФРАНК — <i>Религия и наука</i> . Автор опровергает утверждения о несовместимости религии и науки. 28 стр. Б 1953	25
” — <i>Смысл жизни</i> . 169 стр. Б 1976	150
Св. ФРАНЦИСК САЛЬСКИЙ — <i>О благочестивой жизни</i> . /Приложения: Доктор А. КАРРЕЛЬ — <i>О молитве</i> ; Проф. Ж. ЛАДРИЕР — <i>Христианская жизнь и научная деятельность</i> . /202 стр. Б 1967	200
А. ФРОССАР — <i>Соль земли</i> . О католических монашеских орденах. С иллюстрациями автора. 140 стр. Б 1973	150
Р. ХАРДУИН — <i>Коттоленго</i> . Безграничное упование великого итальянского святого и благодетеля больных XIX века. 144 стр. Б 1968	120
Иером. ХРИЗОСТОМ — <i>Возможно ли восстановление единства между католической и православной Церковью?</i> 46 стр. Н. Йорк 1958	30
” — <i>Вселенский Собор</i> . Слово папы Иоанна XXIII при открытии 1-ой сессии II-го Ватиканского Собора. 40 стр. Б '63	15
” — <i>Вселенский Собор и папство</i> . 32 стр. Н. Йорк 1958	15
” — <i>О первенстве св. Апостола Петра</i> в понимании св. Иоанна Златоуста. 24 стр. Б 1962	25
ЦВЕТНИК ДУХОВНЫЙ . Часть I и II. 496 стр. Б 1972	300
ЦВЕТОЧКИ СВ. ФРАНЦИСКА АССИЗСКОГО . Мусагет, Москва 1913. Фототип. изд. с введением, иллюстрациями и примечаниями. 176 стр. Б 1974	200
Б. ШИРЯЕВ — <i>Религиозные мотивы в русской поэзии</i> . 80 стр. Б '60	50

*Отец Сергей Желудков,
священник, участник
правозащитного движе-
ния, инициатор перепис-
ки с К. А. Любарским.*

*Кронид А. Любарский,
астрофизик, узник сове-
сти с 1972 по 1977 гг.
В зарубежье издатель
бюллетеня «Вести из
С. С. С. Р.» и «U. S. S. R.
News Brief».*

*Г. И. Салова, Жена К. А.
Любарского. Благодаря
ее усилиям была сохра-
нена вся издаваемая
здесь переписка.*

Обложка работы художника Бориса Рабиновича